

КНИГА ПЕРВАЯ

ОТМЕЧЕННЫЕ ЗВЕЗДАМИ

РЕЗОНАНС СУДЬБЫ

МАРИ ПО

18+

Мари По

Отмеченные звездами.

Резонанс судьбы. Книга 1

<https://litres.ru/74264063>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где магия — это власть, я превратилась из того, кто управлял судьбами корпораций, в бесправную рабыню. Очнуться в чужом теле — кошмар, но стать «Личной Тенью» ледяного герцога Астера — испытание на грани возможного. Маркус не знает жалости и привык подчинять всё своей воле.

Кто бы мог подумать, что мое земное вителиго — знак Отмеченных звездами? В Империи Айвари, где магия стремительно утихает, эта метка — смертный приговор. Для фанатиков Культа Солнца такие, как я, — лишь ресурс и жертва, чьей кровью хотят подпитать угасающий мир.

Рабский ошейник глушит волю, но со мной осталось главное оружие — холодный разум кризис-менеджера. Мне придется просчитать каждый ход в центре дворцовых интриг, чтобы выжить. И решить, кем станет для меня властный герцог — палачом или единственным союзником, ради которого стоит рискнуть и сердцем, и свободой.

Содержание

О книге	4
Пролог. Преддверие.	7
Глава 1. Рабство.	14
Глава 2. Астер-Холл.	52
Глава 3. Архитектура контроля.	81
Глава 4. Алесса.	98
Глава 5. Хозяин.	123
Глава 6. ЛичнаяТень.	160
Глава 7. Моя Личная Тень.	211
Глава 8. Змеиное гнездо.	229
Глава 9. Запертые двери.	272
Глава 10. Резонанс моей души.	305
Глава 11. Звезды на твоей коже.	333
Глава 12. Императрица Темных.	370
Конец ознакомительного фрагмента.	378

Мари По

Отмеченные звездами.

Резонанс судьбы. Книга 1

О книге

©MaryPo, 2026г.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена, сохранена в системе поиска или передана в любой форме и любыми средствами (электронными, механическими, фотокопированием, записью или иным способом) без предварительного письменного разрешения автора.

Нарушение авторских прав преследуется по закону. Любое несанкционированное использование данной книги может повлечь за собой гражданскую и уголовную ответственность.

Для запросов на использование материалов книги обращайтесь по адресу: marypo.author@gmail.com.

Автор регулярно проверяет интернет-ресурсы на предмет нелегального распространения данной книги. При обнаружении нарушений будут приняты соответствующие меры.

О книге: Данная книга содержит сцены физической бли-

зости, драматические конфликты и эмоционально напряжённые моменты. Рекомендуется для читателей старше 18 лет. При этом основное внимание уделено приключениям, взрослению персонажей и их личностному росту.

Жанры: Темное ромфэнтези, Попаданцы.

Поджанры: Истинная пара, политические интриги, испытания, запретная любовь, магия, обретенная семья, ироничный стиль.

Теги: Сильная героиня, Властный герой, Интриги и тайны, Тайны прошлого, Политическая борьба, Истинная пара, Запретная любовь.

Аннотация

В мире, где магия — это власть, я превратилась из того, кто управлял судьбами корпораций, в бесправную рабыню. Очнуться в чужом теле — кошмар, но стать «Личной Тенью» ледяного герцога Астера — испытание на грани возможного. Маркус не знает жалости и привык подчинять всё своей воле.

Кто бы мог подумать, что мое земное витилиго — знак Отмеченных звездами? В Империи Айвари, где магия стремительно утихает, эта метка смертный приговор. Для фанатиков Культа Солнца такие, как я, лишь ресурс и жертва, чьей кровью хотят подпитать угасающий мир.

Рабский ошейник глушит волю, но со мной осталось главное оружие — холодный разум кризис-менеджера. Мне придется просчитать каждый ход в центре дворцовых интриг, чтобы выжить. И решить, кем станет для меня властный гер-

цог — палачом или единственным союзником, ради которого стоит рискнуть и сердцем, и свободой.

Пролог. Преддверие.

Мир Археон, больше известный как Эйри. Столица Айвари, Империи Светлых — Золотой пик.

В день летнего солнцестояния — главный праздник Империи Айвари — белоснежный город застыл в предвкушении. Внутри столичного Императорского дворца торжество гремело с такой силой, что, казалось, дрожали сами стены. И дело было вовсе не в музыке: массивную кладку сотрясала та густая, ядовитая смесь пафоса и фальши высшего света, которой был пропитан воздух.

Магия Света сегодня должна была имитировать былое величие эйров, ослепляя своей праведностью через тускнеющие магические сферы, но в глубоких тенях служебных коридоров, где обычно пахло лишь пылью и горьким потом Те-ней — рабов, чей статус давно стер их прежние имена, — слышались не церемониальные гимны, а торопливые шаги. Два юных эйра спешили по темным переходам, которыми обычно пользовались лишь те, чьи имена не стоило называть в приличном обществе.

— Адриан, брось! Нас опять поймут и накажут, — зашептал Маркус, неохотно следуя за другом. Он то и дело оглядывался на холодные каменные своды, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Ты знаешь, что будет, если Император не застанет нас во время подношений. А мой отец, Верхов-

ный Советник... он не потерпит такой бреши в Порядке.

— Не трусь, Маркус! Мы всё успеем, — маленький наследный принц хихикнул, бросив лукавый взгляд на хмурое лицо друга.

В полумраке его глаза азартно блеснули. Но даже здесь Маркус боялся проявлять эмоции — они были крайне редки и считались неуместными среди светлых. Сдержанность требовалась от каждого, но в особенности от наследника Империи и сына Верховного Советника. Светлые должны были быть подобны холодным, безупречным зеркалам, чья магия Потоков требует ясного разума.

— И всё же я считаю, что нам стоит вернуться, ибо... — Маркус выговаривал слова четко, словно чеканил монеты, как того требовали учителя и суровый тон отца.

Юный эйр привычно выпрямил спину. Его иссиня-черные волосы были аккуратно зачесаны и собраны, а губы на долю секунды дрогнули в подобии усмешки, когда принц смешно скривился, хором с ним завершая опостылевшую фразу:

— «...ибо нужно быть примером для остальных!»

— Знаю, знаю, Марк. Ты — идеальный сын, идеальный эйр, — Адриан вдруг остановился и посмотрел на друга взглядом, пугающе зрелым для своего возраста. Он знал, какая ноша уже лежит на плечах и какой груз ответственности придавит их обоих в будущем. — Но, боги, дай мне поблажку хотя бы сегодня. Пока Советник занят подготовкой алтарей, мы свободны.

Не дожидаясь ответа, принц дернул на себя тяжелую медную ручку незаметной двери и вырвался из душного коридора под прохладу ночного неба. Воздух был наполнен ароматом ночных цветов и тишиной, которая совсем скоро должна была взорваться искрами фейерверков в честь Бога Солнца.

Маркус вышел вслед за другом и замер, вдыхая влажный воздух императорского парка. Здесь, на задворках дворца, всё выглядело иначе. Он качнул головой, в очередной раз задаваясь вопросом: откуда принц вообще знает об этом ходе? Впрочем, Адриан всегда отличался. Пока другие дети аристократов заучивали литургии и учились управлять потоками и контролировать чувства, Адриан находил лазейки в Порядке.

Маркус окинул друга коротким взглядом. Адриан был воплощением золотого стандарта Империи. Высокий для своих лет, по-спортивному поджарый, он обладал изяществом хищной птицы. Его волосы цвета расплавленного золота вечно находились в живописном беспорядке, а в медово-янтарных глазах плясали искры «непозволительного буйства духа». Он был облачен в парадный мундир правящей династии Таларон, тяжелый бархат цвета воронова крыла, густо расшитый золотыми нитями имперских знаков, которые подчеркивали его статус. Но даже если бы Адриан был одет в простой плащ, он всё равно выглядел бы как божество, сошедшее с древних фресок, ослепительный и дерзкий.

Адриан же, поймав этот взгляд, лишь шире улыбнулся. Он

прекрасно знал, что именно видит друг: безупречный фасад идеального наследника Империи. Однако ответный взгляд принца ловил совершенно иную эстетику. Маркус был чуть ниже, но крепче в плечах, с бледной, почти алебастровой кожей, на фоне которой сапфировые одежды рода Астер сияли особенно ярко. Его лицо казалось высеченным из холодного мрамора — ни одной лишней эмоции, ни единого лишнего движения. А глубокие, темно-синие глаза, вобравшие в себя фамильный сапфировый цвет его рода, оставались абсолютным воплощением Порядка.

Они осторожно двинулись вглубь парка, огибая освещенные магическими сферами. Наконец, миновав заброшенную оранжерею, они уперлись в огромную живую изгородь. Маркус тут же оглянулся, и его затопило чувство опасности. Но вместо стражи из-за изгороди бесшумно выплыла сгорбленная фигура в темном балахоне.

— Помнишь? Это тот самый оракул с ярмарки Наги! — восторженно зашептал принц. — Я разыскал его! Теперь-то мы сможем получить свои предсказания!

— Я не думаю, что это хорошая идея, — хрипло отозвался Маркус, пытаясь подавить панику. Порядок внутри него протестовал против этой встречи с этим странным оракулом, от которого веяло какой-то странной энергетикой, которую он еще не встречал.

— Приветствую-у-у... — прохрипел незнакомец. Из длинного рукава балахона высунулась иссохшая рука, боль-

ше похожая на корень мертвого дерева. — Позвольте увидеть и поведать вам вашу судьбу-у-у...

Принц без тени сомнения протянул руку. Оракул вцепился в неё неожиданно сильной хваткой, а в воздухе блеснула игла, возникшая будто из ниоткуда. Болезненный укол, и на пальце Адриана выступила капля алой крови с золотистым отливом. Кровь наследника Айвари мерцала в лунном свете, как драгоценный металл. Оракул припал к ранке губами, в полумраке они казались черными, и впитал кровь с жадным, сосущим всхлипом. Лицо Адриана исказилось от неприязни, но он не вырывался. Маркус же застыл, положив ладонь на эфес учебного меча, готовый в любую секунду защитить будущего Императора.

Но не прошло и минуты, как старик отпустил руку принца.

— Жертва принята-а-а... — прохрипел Оракул. Его голос стал мертвенно-монотонным, словно гул в пустой морской раковине. Он заговорил о великом будущем принца: о власти, силе, триумфе. И о том, о чем мечтал каждый эйр в былые времена — о Резонансе. С каждым словом Адриан улыбался всё шире, его лицо озарялось предвкушением величия.

— Твоя очередь, Марк, — Адриан подтолкнул друга в бок, когда Оракул умолк. Костлявая рука теперь медленно тянулась к нему.

— Давай, не трусь, — улыбнулся принц, его медово-ян-

тарные глаза сияли азартом.

Маркус поджал губы и медленно протянул ладонь. Он почти не вздрогнул от укола. Сухие, холодные губы прикоснулись к пальцу, забирая каплю жизни. Оракул глубоко вдохнул, его тело мелко затряслось. Но вместо того, чтобы говорить громко, как для принца, он рывком притянул Маркуса к своему скрытому тьмой лицу и прошептал слова прямо ему в ухо.

Юный эйр замер. Его зрачки расширились, а сердце пропустило удар. Предсказание не имело ничего общего с радужными триумфами Адриана, на которого Маркус бросил мимолетный взгляд — друг, казалось, отвлекся, уловив что-то в густой тени деревьев.

Пророчество Маркуса было соткано из теней, крови и выбора, который невозможно совершить. Он хотел закричать, потребовать объяснений, но, обернувшись, обнаружил лишь пустоту. Оракул исчез, растворился в ночной мгле, словно его никогда здесь и не было.

А принц, не замечая, что происходит с лучшим другом, стоял вполоборота, прислушиваясь к звукам парка. Кажется, в их сторону двигался патруль и им нужно было поспешить.

Дорога обратно прошла в спешке. Принц радостно улыбался, повторяя слова своего пророчества. Он спрашивал, что же было предсказано Маркусу, но тот лишь фыркал.

— Это ерунда. Не стоит верить шарлатанам, — повторял Маркус, хотя сам нервно сжимал уколотый палец. Слова того

странного старика отзывались в нем неприятными липкими предчувствиями, которые он поспешил выбросить из головы и навсегда забыть.

Они незаметно вернулись в Храм и заняли места в тот самый миг, когда должно было начаться подношение Богу Солнца.

— Я же говорил, успеем, — Адриан бросил на друга краткую, но широкую улыбку.

Маркус привык видеть, как принц закрывается для других, надевает маску холодного совершенства. Но прямо сейчас улыбка на лице Адриана медленно сползала, превращаясь в ледяной ужас. Маркус проследил за его взглядом и тоже не смог сдержать эмоций.

Там, на возвышении, Император, отец Адриана упал прямо перед церемониальной урной. Великий правитель лежал неподвижно, и в абсолютной тишине храма это падение прозвучало как гром, возвещающий конец старого мира. Мира, где власть принадлежала Императорам, и начало времени, когда миром станет править Регент.

Глава 1. Рабство.

Виктория Павловна Ясная.

От громких звуков, которые неохотно вытягивали меня из марева глубокого сна, я по привычке, не успев открыть глаза, начала анализировать прошедший день. Заодно пыталась вспомнить: откуда у меня такое сильное похмелье?

Недопитый бокал шампанского на официальном приеме, долгожданный граненый стакан любимого односолодового виски дома, который я даже не помню, допила ли... Кажется, я просто вырубилась сразу после того, как открыла первую страницу нового романа. Помню только вкус торфяного дыма на языке и тяжесть переплета в руках.

Внутренний перфекционист, вымуштрованный годами строгой вечерней рутины, тут же судорожно забил тревогу. Смыла ли я гидрофильным маслом плотный макияж после банкета? Нанесла ли ночную сыворотку и крем? Для женщины моего статуса, привыкшей жестко контролировать абсолютно всё и держать планку безупречности вопреки любым стрессам, уснуть лицом в подушку, да еще и после виски — это не просто лень, это тяжкое преступление против собственной кожи. Мозг уже рисовал безрадостную картину: утренний отек, забитые поры и тусклый цвет лица, который придется реанимировать патчами и ударной дозой массажа.

Надвигающаяся бьюти-катастрофа пугала едва ли не

сильнее головной боли. Надо было заставить себя встать, дойти до ванной и оценить масштабы бедствия в зеркале.

Но когда я попыталась пошевелиться, тело отозвалось странной, совершенно незнакомой тяжестью.

— Вставай, дрянь! — крикнул «будильник», вырывая меня из сна.

Я резко дернулась, сердце пропустило удар от неожиданности, но веки казались налитыми свинцом. Совершенно не помня, чтобы мой новый рингтон содержал какие-либо слова, я с усилием разлепила глаза.

— Ну наконец-то! Принцесса соизволила открыть глаза, — язвительно прошипела женщина прямо у меня перед лицом.

Я резко отстранилась, пытаясь проморгаться. Перед глазами всё плыло, но я зафиксировала общее впечатление. На меня смотрело бледное, холеное лицо с тонкими, высокомерно поджатыми губами, светлыми глазами с брезгливо-холодным отвращением, с каким смотрят на сломавшийся офисный шредер.

Секунду... Мой сонный, заторможенный мозг споткнулся о какую-то дикую, противоестественную деталь. Я снова моргнула, фокусируя зрение. Из-под идеально уложенных светлых волос виднелись уши. Не человеческие. Длинные, изящно заостренные кончики уходили вверх, точь-в-точь как у картинных эльфов с фэнтези-артов.

«Косплей? Тематический отель?» — вяло пронеслось в

голове, пока сознание отчаянно цеплялось за остатки здравого смысла. Я что, так и не добралась до дома, уснув на той вечеринке?

— Чего разлеглась? Чтобы через минуту на ногах стояла! — прервал мои мысли её противный, срывающийся на визг голос. — Не знаю, какие порядки царили у твоего прежнего хозяина, но здесь я не потерплю, чтобы рабы мне устраивали забастовки! Живо! К моему возвращению ты должна быть готова. Тебя ждет новый хозяин!

Остроухая косплеерша окинула меня взглядом, словно оценивала дефектную партию товара. Это была странная особа, одетая в добротное, безукоризненно отглаженное платье из плотной серой ткани, застегнутое на все пуговицы до самого подбородка. Её длинные, острые уши чуть подрагивали, а волосы были убраны в тугую, идеальную косу. От неё несло приторным, удушающим ароматом лавандового мыла и какой-то едкой химии, которой выводят пятна. Этот фанатичный, стерильный запах в сочетании с сыростью каморки вызывал у моего изнеженного парфюмом носа мгновенный рвотный рефлекс.

Кажется, она даже не заметила выражения моего лица, клянусь, его перекосило от шока и чистого отвращения. Она развернулась и вышла, постукивая каблуками по каменному полу, оставив меня в состоянии полного когнитивного диссонанса.

Я вскочила и по инерции начала собираться, но тут же рез-

ко остановилась. Погодите. Что это было? Почему я вообще её слушаю и что-то делаю? Как она сказала? Рабы? Хозяин?!

Вам интересно, да и мне тоже, используя популярную фразу: кто я такая и как я докатилась до жизни такой? Что ж, начнем по порядку.

Меня зовут Виктория Павловна Ясная.

Я востребованный и, не буду приукрашать, самый топовый кризис-менеджер не только в нашей стране, но и на международном рынке. Очередь ко мне стоит на несколько лет вперед, и мой гонорар за одну сделку сопоставим с бюджетом небольшой африканской страны. Моя работа приходит туда, где всё горит, рушится или идет ко дну, и заставлять это работать. Жестко, эффективно и без сантиментов.

Вчера мы наконец закрыли проект для многомиллиардного холдинга. Это была полугодовая война с профсоюзами, судами и некомпетентным советом директоров. Я буквально выгрызла эту победу, а заодно, по настоянию босса, впихнула в расписание недельный отпуск — первый за четыре года. Но даже на вечеринке клиента, среди шампанского по цене крыла самолета, я мысленно уже потрошила следующий кейс.

Я никогда не была любителем толпы и шума. Поэтому, бойко отстояв положенную официальную часть, выслушала дифирамбы в свой адрес, дежурно улыбнулась в камеры и под шумок выскользнула из дорогущего бизнес-центра. Сбежала в свою крепость на сороковом этаже. Скинула маску

железной леди вместе со шпильками, налила виски и открыла очередной фэнтези роман, на этот раз про попаданцев.

В тех мирах, куда меня затягивали книги я могла наконец отдохнуть в тишине и предаться своему глубокому секрету — желанию мечтать. Да-да, я жесткий реалист, «железная леди», которую боятся и ненавидят, но хотят заполучить все корпорации мира. Но в душе, где-то очень глубоко в душе, я романтик, которого сама же похоронила под слоем льда после того, как мой бывший жених и лучшая подруга разыграли идеальный спектакль предательства. Как в лучших книгах: он хотел мои связи, она мои деньги. Даже мать тогда была не на моей стороне, заявив, что «такую как я, любить невозможно, можно только терпеть ради выгоды». С тех пор я предпочитаю бумажных героев. Они хотя бы не врут.

И вот я здесь. В сером мешке вместо шелка любимой пижамы слушаю приказы высокомерной косплеерши и готовлюсь к встрече с «хозяином».

— Так, Виктория Павловна, — прошептала я, чувствуя, как внутри вместо паники начинает закипать привычный азарт. — Прав был босс, настаивая на отпуске. Кажется, мозг окончательно перегорел от перегрузок.

Я пару раз для хорошей практики ущипнула себя за руку, да так сильно, что должны остаться синяки. Хотя на этой темно-серой коже ничего не будет видно...

Я замерла от собственных мыслей и уставилась на свои руки. Синяков не будет. Не потому, что я слабо ущипнула,

а потому, что кожа... она была не моей. Вместо привычного светлого оттенка на меня смотрели кисти глубокого, насыщенного темно-серого цвета. Словно я окунула руки в качественные графитовые чернила.

Я подняла рукава выше, рассматривая гладкую кожу. По ладоням, кистям и предплечьям, точно повторяя контуры на моем настоящем теле, расходились пятна витилиго. Они появились у меня несколько лет назад, и я никогда их не стеснялась, но здесь, на темно-сером фоне, эти молочно-белые узоры смотрелись как затейливая, невероятно дорогая роспись. Контраст был безупречным, почти ювелирным.

Я как в гипнозе повела ладони вверх по рукам к плечам и шее. Пальцы замерли, наткнувшись на инородный предмет. На шее плотно сидел широкий кожаный ободок. Подушечки пальцев скользнули по странному рельефу — это была тончайшая металлическая гравировка, врезанная прямо в поверхность. А прямо над яремной впадиной кожу охлаждал массивный камень. Ободок не давил, ощущался почти как вторая кожа, но никакой застежки или замка я не обнаружила. Словно этот «аксессуар» просто сросся с телом.

Я медленно подняла руки выше, к лицу. Кожа была бархатистой на ощупь. Судорожно ощупала скулы — они стали выше, скульптурнее, лишившись той мягкости, которую накладывают годы и стрессовая работа. Пальцы скользнули к вискам и замерли.

Уши. Длинные, изящно заостренные кончики, уходящие

вверх, в точности как у той дамы, что прервала мой сон.

Я отдернула руки, словно обжегшись, случайно зацепила пальцами длинную прядь волос и замерла, неверяще глядя на нее. Мой родной каштан, которым я всегда втайне гордилась, исчез. Теперь волосы отливали холодным серебром, почти сталью, мерцая в слабом полумраке, как жидкий металл. Это была не седина. Пряди отливали глубоким, холодным сиянием, похожим на... жидкий свет. В дешевых фэнтези-романах это пафосно величали «лунным серебром», но в реальности... в реальности это выглядело пугающе. И чертовски дорого. Словно я в одночасье сменила статус: из человека превратилась в эксклюзивный лот, готовый к выходу на международный аукцион.

— Твою же мать, Виктория..., — выдохнула я, и мой голос прозвучал иначе. Глубже, бархатистее, с какой-то едва уловимой вибрирующей ноткой.

Я всё ещё боялась верить происходящему. Заметавшись по каморке в поисках зеркала, я наткнулась на треснувший обломок металла. Поймав скудный луч света, я вгляделась в отражение и шумно сглотнула.

Из мутного отражения на меня смотрела невероятная красавица. Иронично. Всю жизнь я строила авторитет на интеллекте, а теперь выглядела как главная героиня бульварного ромфэнтези. Глаза огромные, пугающе светящиеся изнутри жидким серебром. Черты лица точеные, словно выверенные дизайнером по принципу «максимальная эстетичность». Да-

же с этим цветом кожи я не выглядела как человек. Я выглядела как эксклюзивный товар, предназначенный для того, чтобы им владели.

Я приоткрыла рот, нащупав языком отчетливую остроту аккуратных хищных клыков.

— Так, — я сделала глубокий вдох. — Резюмируем. Это не моё тело. Без паники Тори. Либо это затянувшийся, слишком детализированный сон, либо я материализовалась в одной из тех книг, которыми лечила нервы после аудитов... Или... чтоб все булки ели! Имеет ли место иное, пока не поддающееся логике «или»?

Я по привычке закрыла глаза, успокаивая пульс. Ничего, Виктория Павловна, и не из такой пятой точки бизнес-процессы вытаскивали. Анализ вводных, оценка ресурсов, поиск выхода. Стандартная схема.

Я снова открыла глаза и уставилась на обломок металла. Взгляд скользнул к яремной впадине. Там, резко контрастируя с темно-серой кожей, сидел широкий кожаный ошейник. В центре тускло поблескивал округлый камень. Как я ни вертела железку, он оставался безжизненным. Мутный серый камень, как застывшая грязная вода, словно впитывал свет, отказываясь давать хоть искру цвета. Я нахмурилась, лихо-радочно прокручивая в голове всё прочитанное ромфэнтези. Рабский ограничитель? Похоже на то.

В бизнесе есть золотое правило: если ты не можешь изменить стартовые условия сделки, стань тем, кто диктует её

финальную цену.

Я перевернула руки ладонями вверх. Молочно-белые нити витилиги изящно оплетали пальцы, плавно переходя в глубокий графитовый оттенок кожи. Выглядело это чертовски эстетично, но ошейник портил всю картину. Боже, как хотелось бы ошибиться в его предназначении. Рабство? Хозяин?

Я криво усмехнулась своему отражению. Этот бедолага еще не знает, что он приобрел не покорную серую служанку, а контрольный пакет акций своей собственной головной боли.

Дверь за спиной снова со скрипом отворилась, прерывая мою мысль.

— Эй, ты! Собралась? Живее, господин не любит ждать. И не вздумай поднять на него глаза, если не хочешь попробовать плети на вкус!

Я медленно обернулась. Теперь, когда марево сна окончательно рассеялось, я рассмотрела её детальнее. От неё по-прежнему разило стерильной химической лавандой. Поверх серого платья тяжелый кожаный пояс с какими-то подвесками и связкой ключей. Острые уши точь-в-точь как у меня, но зубы... Когда она кричала, я видела их: идеально ровные, словно спиленные. Зачем добровольно лишать себя клыков? В моем мире ставили виниры ради эстетики, здесь же это выглядело как маниакальная попытка стереть в себе хищника ради соответствия стандарту.

Я последовала за провожатой, автоматически фиксируя детали маршрута. Каморка, в которой я пришла в себя, располагалась в глубоком, холодном подвале. Чем выше мы поднимались по аккуратной каменной лестнице, тем отчетливее становился гул голосов и хрустальный звон.

Мы шагнули в залитое мягким светом пространство. Масштаб заведения впечатлял: высокие своды, изысканная роскошь закрытого клуба. За столами расположились «хозяева жизни».

Существа, напоминавшие людей, очень красивых людей. Светлая кожа, заостренные уши — они игнорировали нас, скользя абсолютно пустыми взглядами. Я была для них не живым существом, а элементом интерьера.

Мы проходили мимо одного из столов, и мужчина едва заметно улыбнулся своей спутнице. На его кукольно-идеальном лице это смотрелось пугающе, словно маска внезапно обрела чувства. Я мельком зафиксировала: никаких удлинённых или спилённых клыков. Идеально ровные, жемчужные зубы, истинный стандарт высшей расы, к которому управляющая, похоже, так уродливо пыталась соответствовать.

Их стиль, признаться, впечатлял: тонкий, деловой, напроць лишенный аляпистости. Ткани глубоких, благородных оттенков, строгие линии кроя, матовые металлические наплечники. Волосы у всех были заплетены в сложные косы с обилием украшений — чем больше металла и камней, тем

выше статус персоны.

Но ни эта эстетика в духе «тихой роскоши», ни холодная красота не могли окончательно выбить меня из колеи. Я изо всех сил держала лицо, подавляя дикое желание закричать и потребовать прекратить этот затянувшийся розыгрыш. В конце концов, на Земле у меня был один навязчивый сосед «шутник», который годами пытался привлечь мое внимание подобными дорогими перформансами... Может, это его рук дело?

Хотелось бы верить. Правда хотелось. Но то, что я увидела дальше, заставило остатки иллюзий рассыпаться в прах.

Вдоль стен, с опущенными головами, замерли существа, в точности похожие на моё новое тело. Чистые туники, ухоженная темно-серая кожа — они выглядели на порядок презентабельнее меня. о стоило приглядеться, как взгляд зацепился за общую деталь: на шее каждого сжимался кожаный ошейник с металлической гравировкой и камнем в центре, но у всех камни были разных цветов. Я мгновенно осознала закономерность: цвет камня на шее слуги в точности повторял оттенок одежды господина, напротив чьего стола он стоял. Изумрудный к зеленому, алый к красному...

Рука произвольно дернулась к горлу: та же жесткая кожа, та же холодная гладкость. В памяти всплыло мое отражение: безжизненный камень, похожий на грязную воду. Я бросила взгляд на серые одежды моей сопровождающей.

Пазл сложился с безжалостным щелчком.

Если это все же не был безумно дорогой, хорошо срежиссированный спектакль... Если у меня не прогрессировала опухоль мозга, из-за которой я прямо сейчас умирала в своей постели с книжкой в руках и пролитым на шелковое одеяло коллекционным виски... То вывод оставался один. Бескомпромиссный и жуткий.

Я попаданка. Попаданка в теле рабыни. Актив, закрепленный за конкретным персонажем. Я была права с самого начала. Ошейник на шее — это не украшение и не статус. Это инвентарный номер. Маркировка вещи. И я была промаркирована точно так же, как и эта шеренга живых декораций вдоль стен. С той лишь разницей, что мой «бренд» соответствовал самому дешевому, некондиционному сорту. Мой мутный серый камень идеально подходил к серой ткани, идущей впереди. Я была вещью в собственности у другой вещи, которая стояла чуть выше в этой пищевой цепочке.

«Сегрегация по цвету кожи и наличие рабского сословия», — констатировал мой внутренний аналитик.

Ни один из рабов не поднял головы, пока мы проходили мимо. Тот факт, что существа, подобные мне, числились здесь в категории «бессловесной мебели», отозвался неприятным, холодным предчувствием.

Я покосилась на свою сопровождающую — судя по всему, местную управляющую. Она двигалась бесшумно, с отточенной грацией, успевая на ходу делать две вещи одновременно: одаривать гостей заведения безупречными светскими улыб-

ками и при этом — едва заметными, скупыми жестами — раздавать приказы спящим вокруг слугам. Всем тем, кто, как и я, носил ошейник с безжизненным серым камнем.

Ни один из посетителей так и не удостоил нас взглядом, когда мы подошли к массивным створкам. Мы вошли, и дверь за нами захлопнулась с глухим, отсекающим звуком, мгновенно поглотив гул общего зала.

Комната, в которой мы оказались, была значительно меньше основного зала, но отделка сразу выдавала статус помещения — настоящий VIP-зал для закрытых переговоров. В центре стоял широкий стол, заставленный неведомыми яствами. Блюда выглядели настолько эстетично и пахли так одуряюще, что мой желудок предательски отозвался громким, отчетливым урчанием.

Я с трудом оторвала взгляд от еды, услышав резкое, недовольное «хм» слева, со стороны широкого окна. Оттуда лился настолько яркий свет, что мне пришлось прищуриться, пытаясь рассмотреть силуэт на фоне оконной рамы.

Мужчина. Или кем бы он ни был по местной классификации. Такой же светлокожий, как и посетители в зале, но даже на расстоянии от него веяло тяжелой, подавляющей силой. Он был высок, крепок, с внушительным разворотом плеч. Местный «архитектурный» стиль на нем смотрелся в разы дороже, чем на гостях в общем зале: изысканный темно-синий камзол с богатой золотой вышивкой и массивными резными наплечниками — явный маркер высокого статуса.

Длинные, почти черные волосы были подобраны сзади, открывая скулы, которые казались высеченными из камня.

Если бы я всё еще верила в сказки, я бы решила, что передо мной главный герой одного из тех дарк-ромфэнтези с пометкой «18+», которые почитывала по ночам. Тот самый породистый типаж, которого авторы всегда описывают как Генри Кавилла на пике формы. Настолько безупречно-правильным, холодным и хищным было его лицо. Красота, которая должна принадлежать ангелам, если бы не...

Если бы не длинные, изящно заостренные кончики ушей. Что ж, это окончательно подтверждало: передо мной местный уроженец, а не залетный косплеер. Темный ангел. Из тех, что приходят в спальни к героиням в середине книги, чтобы разрушить их привычную жизнь и заставить забыть о гордости. Не в плане магии, о ней я еще ничего не знала, а в смысле той самой дьявольской маскулинности и почти животной притягательности, от которой у обычных женщин подгибаются коленки.

В моем вкусе, признаю. Если бы не одно «но».

На его лице застыла тяжелая надменность, сменившаяся презрением, когда он цинично, как оценщик на аукционе, смерил меня взглядом. Когда наши взгляды встретились, я не отвела глаз. Наоборот, смерила его ответным, холодным взглядом топ-менеджера, оценивающего платежеспособность контрагента.

Мой визави насмешливо выгнул бровь, явно не ожидая

столь прямого, жесткого отпора от существа в сером мешке. В ту же секунду я ощутила резкий, болезненный удар под дых.

— Глаза в пол! — прошипела мне на ухо управляющая. Она тут же вся подобралась, заискивающе улыбнулась и присела в глубоком, подобострастном реверансе.

— Господин, вот та рабыня, про которую я говорила. Она у меня всего несколько дней. Ею со мной расплатился один проходимец, которого я раньше в глаза не видела и, надеюсь, больше не увижу. Я как её увидела, сразу поняла: проблем не оберусь...

Покупатель даже не повернул головы в её сторону. Словно не замечая её заискивающего лепета, он, не отрывая от меня тяжелого взгляда, сделал первый шаг. Его движения были пугающе плавными. Он начал сокращать дистанцию, методично и неотвратимо, и остановился лишь в полушаге от меня.

Его мощная фигура полностью заслонила свет, нависая тяжелой тенью. От него пахло морозной свежестью хвои, терпким сандалом и едва уловимым мускусным шлейфом — этот аромат, казалось, вибрировал в воздухе, проникая под кожу и заставляя инстинкты бить тревогу.

В своем мире я никогда не чувствовала себя маленькой. Рост выше среднего, прямая спина и неизменные шпильки — мой «деловой доспех» позволял мне смотреть в глаза любому совету директоров, не задирая подбородка. Если оппо-

нент был выше, каблуки всегда восстанавливали паритет.

Здесь же, иронично думала я, пытаюсь выровнять дыхание после удара, никакие каблуки бы не помогли. Тело, в которое я попала, было изящным, но по сравнению с этим гигантом я казалась подростком.

Несмотря на это и ноющую боль в боку, я упрямо вздернула подбородок. Мой внутренний кризис-менеджер требовал сатисфакции за унижение, и плевать я хотела на их местные каноны подчинения. Если этот «герой романа» ждал, что я безропотно паду ниц, то он явно плохо разбирался в кризис-менеджерах.

Я открыто посмотрела на него. Вблизи его лицо оказалось не просто красивым — оно было пугающе совершенным. Холодная матовость кожи напоминала дорогой мрамор, лишенный малейших изъянов. Прямой, выверенный по линейке нос и тяжелая, волевая челюсть выдавали персону, привыкшую не просить, а жестко диктовать условия. Маска безразличия оставалась непроницаемой, но от него веяло такой плотной, подавляющей энергией, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Но я заставила себя не отводить взгляд. Его глаза — пронзительно-синие, цвета холодного сапфира — совершенно не сочетались с образом «ангела». Издалека, в полумраке, они казались черными, но сейчас, на близком расстоянии, я видела, как он изучает меня — словно читает открытую книгу.

Он слегка склонил голову к плечу и скрестил руки на гру-

ди. Мой взгляд невольно скользнул к его кисти: массивный перстень на указательном пальце полыхал тем же сапфировым огнем. Все его движения были настолько уверенными и наполненными такой хищной грацией, что у меня на загривке невольно зашевелились волосы.

— Милорд... — затрепетала управляющая, испуганно ломая пальцы в очередном поклоне. — Вы оказали мне великую честь, лично посетив мою скромную таверну! Эта темная, уверяю вас, чиста, её никто не...

— Покажи отметки, — безжалостно оборвал поток её раболепного красноречия глубокий, вибрирующий баритон, в котором чувствовалась абсолютная, непререкаемая власть.

В моей прошлой жизни люди с такой концентрированной энергией управляли международными корпорациями-гигантами, здесь они, видимо, управляли самой реальностью. Я мысленно окрестила его «эльфом», хотя в нем не было ничего от утонченных образов Толкина. В нем чувствовалась первобытная, опасная сила, завернутая в ледяную оболочку аристократизма. Его взгляд манил вопреки здравому смыслу, хотя само лицо казалось высеченным из льда.

Управляющая тут же засуетилась и, не спрашивая разрешения, грубо задрала рукава моего холщового мешка, выставляя вителиги на обозрение. В моем мире мои «пятна» никогда не вызывали у меня стеснения, я носила их как знак отличия и предмет гордости. Но здесь, когда его сапфировые глаза прошли по молочно-белым узорам, я ощутила ди-

кий, животный страх. Такой сильный, что едва удержалась, чтобы не вырвать руки и не спрятать их за спину. В его взгляде не было восхищения, в нем читался какой-то холодный расчет, которого я пока не понимала.

— Хорошо, — отчеканил он. — Завершим обмен.

Хозяйка таверны вновь защебетала и развернула меня к себе так резко, что перед глазами всё поплыло. Она сдавила мне горло пальцами, прямо поверх кожаного ошейника, что-то быстро и лихорадочно нашептывая себе под нос. Металлическая гравировка под её ладонями на секунду едва заметно нагрелась, а затем меня так же бесцеремонно толкнули обратно в сторону покупателя.

— Ваша очередь, господин.

Уголок его губ дернулся. Это не было улыбкой, скорее коротким, едва заметным сбоем в его идеальной мимике. Возможно, мне просто почудилось из-за головокружения от постоянной смены вектора движения и изнуряющего, почти животного голода, который в этот драматический момент напомнил о себе унизительно громким и протяжным урчанием.

Мир вокруг предательски качнулся. Я содрогнулась и едва не потеряла сознание, когда почувствовала его пальцы на своей шее. Он не сжимал горло с той тупой, обывательской яростью, как управляющая, но его прикосновение было... иным.

В тот момент, когда кожа этого «эльфа» коснулась моей,

он внезапно замер. Его зрачки расширились, почти затопив сапфировую радужку чернотой, а пальцы судорожно впились в ошейник, будто его ударило током. Он прерывисто вдохнул, и я увидела, как на его бледной шее резко дернулся кадык. Секунду этот безупречный хищник смотрел не на меня, а куда-то сквозь, с выражением существа, которое внезапно услышало оглушительный взрыв в абсолютной тишине. Системная ошибка? Сбой при передаче прав?

Однако он быстро, словно мне одной почудился этот «затык», что-то негромко пробормотал, и кожаный ободок на горле мгновенно налился теплом. Странная, покалывающая энергия побежала под кожей, пока он наконец не убрал руку.

Он посмотрел на меня иначе. Больше никакого ледяного пренебрежения, только странное, почти злое напряжение. Словно я только что совершила крупную кражу, о которой сама еще не подозревала.

— Поклонись своему новому хозяину, тварь! — снова зашипела управляющая и грубо толкнула меня в спину.

Я не удержала равновесие и упала на колени, но липкий страх мгновенно вытеснила бешеная, чистая ярость. Я нечеловечески, утробно зашипела на неё, обнажая клыки. Хозяйка таверны охнула и замахнулась для удара. Я автоматически зажмурилась, выставя блок, хотя в прежней жизни я бы легко перехватила этот замах и применила жесткий болевой прием, но это измученное тело, похоже, на уровне рефлексов привыкло только к побоям. Грустно.

Но удара не последовало. Я открыла глаза и увидела, что «новый хозяин» намертво перехватил запястье управляющей. При этом его лицо оставалось абсолютно безэмоциональным.

— Теперь эта темная не просто рабыня. Она моя Тень и находится под защитой моего имени, — отчеканил он ледяным тоном. — Никто не смеет прикасаться к моему имуществу.

Он с явным отвращением отбросил руку управляющей, брезгливо вытирая пальцы белоснежным платком, который возник словно из ниоткуда и тут же исчез. Я была бы готова мысленно поблагодарить его за интервенцию, если бы не это хлесткое, унижительное «имущество».

В доказательство моего «нового статуса» в воздухе материализовался увесистый кожаный мешочек. Я была готова поклясться: еще секунду назад его здесь не существовало. Он сухо и весомо звякнул о столешницу, когда эльф небрежно швырнул его в сторону хозяйки. Женщина, ловко перехватив оплату, отвесила низкий поклон и вцепилась в мешочек, прижимая выкуп к груди с жадностью, от которой меня едва не стошнило.

Настоящая это была магия или запредельная ловкость рук — не суть. Факт оставался фактом: баланс сделки был закрыт мгновенно. Меня продали, и транзакция прошла успешно.

Впрочем, мне стало совсем не до анализа. Сознание снова

начало ускользать. Я искренне надеялась, что этот кошмар наконец закончится пробуждением в моей постели, но пришла в себя от резких, бесцеремонных хлопков по щекам.

Я открыла глаза. Прямо передо мной находилось его лицо — идеальное, завораживающее и абсолютно холодное.

— Вон, — бросил он через плечо, даже не удостоив бывшую владелицу взглядом.

Управляющую не пришлось просить дважды. Она испарилась за дверью так быстро, что я едва успела зафиксировать сухой щелчок замка. Мы остались одни в просторном VIP-зале, пропитанном ароматом изысканных специй и тонким, холодным запахом его дорогого парфюма с нотами мускуса.

— Встань, — приказал он.

В его баритоне не было ни капли сочувствия. Я попыталась опереться на руки, но ладони предательски скользнули по гладкому полированному дереву. Изголодавшееся тело подвело меня, и я снова осела на пол, больно ударившись коленом.

— Встань, — повторил он медленнее, вкладывая в каждое слово осязаемую сталь. — У моего имущества нет права на слабость. Ты лишь еще один ресурс.

Ярость, которая до этого лишь тлела на дне сознания, вспыхнула с новой силой. «Ресурс»? В моем мире топ-менеджеры с таким отношением к человеческому капиталу заканчивали либо в суде по трудовым спорам, либо с пулей в голове. Я яростно вцепилась пальцами в край массивного ду-

бового стола. Собственные ногти — жесткие, заостренные, больше похожие на аккуратные когти хищника, о наличии которых я и не подозревала — с противным скрежетом глубоко вошли в древесину.

Тяжело дыша, я волевым усилием заставила себя подняться. Мир всё еще раскачивался, как палуба в шторм, но я выпрямилась во весь рост и посмотрела ему прямо в сапфировые глаза.

— Ресурс... восстановлен, — прохрипела я, невольно переходя на привычный жаргон.

«Эльф» на мгновение замер, и в его глазах промелькнула искра искреннего недоумения. Он явно не ожидал что имущество может ему что-то ответить без разрешения. Его взгляд медленно скользнул к столу, заваленному едой, а затем снова вернулся ко мне.

— Сядь, — он указал на стул напротив. — Ешь. Мне не нужна падаля, которая сдохнет по дороге к моему поместью.

Я не заставила себя ждать. Мой внутренний прагматик четко понимал: вести войну, просчитывать стратегию или планировать побег на голодный желудок — затея абсолютно безнадежная. Я села, стараясь сохранять остатки достоинства, хотя руки мелкого дрожали от слабости.

Он опустился в кресло напротив, изящно скрестив ноги. Его идеальные пальцы, украшенные тяжелым перстнем, начали мерно, гипнотизирующе постукивать по подлокотнику. Он не прикоснулся к еде. Он просто молча наблюдал за тем,

как я наперекор всему этикету, которому я всегда следовала, уничтожаю мясо и хлеб.

— Как твое имя? — спросил он. — Та эйра утверждала, что ты немая и скудоумная. Но твой взгляд говорит об обратном.

«Эйра», — мысленно зафиксировала я новый термин. Значит, местное обозначение статуса или расы.

Я проглотила кусок хлеба, глядя ему прямо в глаза. Интуиция подсказывала: сейчас не время для сложной лжи. На ней можно погореть при первом же перекрестном допросе.

— Тори, — ответила я коротко.

Покупатель замер. На мгновение мне показалось, что в глубине его сапфировых глаз вспыхнуло мрачное довольство, а губы вот-вот тронет хищная улыбка. Но нет. Показалось. Лицо эльфа снова превратилось в непроницаемую маску.

— Как давно ты в статусе рабыни, Тори?

Что мне ответить? «С того момента, как открыла глаза в подвале полчаса назад»? Я неопределенно пожала плечом и спряталась за кубком с терпким, вяжущим напитком, делая вид, что увлечена дегустацией.

— Кажется, тебе нет и двадцати, — задумчиво продолжил он, сканируя меня взглядом. — Как вышло, что Отмеченная звездами оказалась в ошейнике?

Я поперхнулась. И вовсе не из-за странного титула про «звезды», а из-за цифр. В своем мире я достигла гордых со-

рока пяти лет и воспринимала каждый прожитый год как честно взятый в суровых боях уровень. Отличные гены позволяли мне не бояться морщин, а безупречная фигура вызывала в окружении такую зависть, что за глаза меня часто называли ведьмой. Может, поэтому у меня никогда и не было близких друзей. На вершине вообще довольно безлюдно.

Окей. Теперь мне визуально снова около двадцати, но юридически я движимое имущество этого статного незнакомца. Карьерное понижение в должности, которое чертовски сложно проглотить.

— Что вы от меня хотите? — Растеряв остатки страха перед его аурой, я с глухим стуком поставила тяжелый кубок на стол. Вытерла пальцы тканевой салфеткой и, выпрямив спину, посмотрела на него своим фирменным, уничтожающим взглядом председателей совета директоров.

Он лишь хмыкнул, придя к каким-то своим, сугубо личным выводам, молча поднялся и направился к выходу. Распахнул тяжелую дверь и замер в проеме, недовольно оглянувшись на меня. Словно я была круглой душой, раз не догадалась мгновенно последовать за ним. С искренним сожалением посмотрев на оставшуюся на столе запеченную птицу, я всё же встала и пошла следом. Приоритеты расставлены: информация сейчас важнее калорий.

Мы снова пересекали общий зал, но теперь всё выглядело иначе. Атмосфера изменилась мгновенно: стоило моему новому владельцу войти, как шум стих. Посетители, еще секун-

ду назад гомонившие, синхронно роняли вилки и покорно склоняли головы. Он шел, не удостоив их даже мимолетным взглядом — власть, не требующая подтверждения и лишних слов.

Мы поднялись по широкой лестнице, и я, каюсь, на мгновение забыла о своем статусе «лота», невольно залюбовавшись его безупречной осанкой и... кхм... весьма выдающимися, отлично подчеркнутыми строгим кроем брюк ногами.

За этими размышлениями я не заметила, как мы оказались перед дверью, отделанной темным деревом. Та закрылась за нами с коротким, сухим щелчком, но мой взгляд остановился на довольно широкой, идеально заправленной кровати.

Тишина обрушилась на плечи внезапно. Мы снова остались вдвоем.

— Сразу обозначим рамки контракта, — мой голос прозвучал удивительно ровно, несмотря на бешено колотящееся сердце. Я выпрямила спину и шагнула в центр комнаты, принимая максимально уверенную позу. — Если вы приобрели меня для оказания эскорт-услуг интимного характера, то вынуждена огорчить: сделка неликвидна. Я не стану этого делать. Так что, если это условие критично, советую ликвидировать данный актив прямо сейчас.

Высокородный «эльф» замер. Пару секунд он смотрел на меня с таким искренним, неподдельным удивлением, будто я только что заговорила на языке птиц или залаяла как со-

бака. Затем он коротко хмыкнул и прошел вглубь комнаты, обойдя меня по широкой дуге с таким видом, словно сами мои предположения нанесли глубокое оскорбление его тонкому эстетическому душевному равновесию.

«Так, оцениваем действия противника», — привычно пронеслось в голове, пока я скрупулезно отслеживала каждое его движение.

Но «эльф» словно мгновенно забыл о моем существовании. Он зашел за широкую деревянную ширму, которую я поначалу и не заметила, совершил там пару манипуляций и вернулся уже со стопкой вещей в руках. Бросив одежду на край кровати, он смерил меня очередным холодным взглядом.

— За ширмой ванна, я подогрел воду. Смой с себя эту грязь, приведи в порядок волосы и оденься.

Он подошел на шаг ближе, и в его глубоком баритоне отчетливо зазвенел металл:

— Отныне ты представляешь моё родовое имя нося цвета моей семьи. Никто не имеет права его компрометировать. Через час я вернусь. Будь готова, мы сразу отправимся в путь.

Не говоря больше ни слова, он резко развернулся и вышел. Громкий, сухой поворот ключа в замочной скважине поставил финальную точку в нашей «дискуссии».

Разумеется, я тут же проверила дверь — заперто наглухо. Окно тоже не сулило быстрой свободы. За стеклом рас-

кинулся небольшой, но плотно застроенный городок — судя по всему, крупный логистический узел или перевалочный пункт для проезжих аристократов. Вид напоминал ожившую средневековую гравюру, только в чересчур высоком, пугающем разрешении. Каменные дома с острыми черепичными крышами лепились друг к другу, образуя запутанный лабиринт узких улиц. По брусчатке катились тяжелые экипажи, запряженные лошадьми, и сновали пешеходы.

Я внимательно всматривалась в эту массу. Социальное расслоение считывалось моментально. Местные «эйры» — хотя, глядя на их характерные острые уши, я сперва приняла их за эльфов из клишированного ромфэнтези — передвигались с гордо поднятыми головами, в то время как рабы покорно сменяли следом, вперив потухшие взгляды строго в землю. Жесткая корпоративная этика, доведенная до абсолюта.

У меня возникла импульсивная, глупая мысль разбить стекло и закричать, попытаться привлечь внимание или позвать на помощь... но шею тут же прошила острая, спазматическая боль. Рабский ошейник мгновенно среагировал на саму идею открытого неподчинения.

«Черт... Значит, физическое ограничение — это только вершина айсберга», — мрачно подумала я, массируя пульсирующее горло. — «Здесь встроенный трекер с функцией подавления воли. Надо срочно менять стратегию... а пока нужно привести актив в товарный вид».

Я поднесла руку к лицу и поморщилась. От моего рубища несло сточными канавами и сыростью. Подойдя к ширме, я обнаружила небольшую медную ванну. От поверхности воды шел густой, плотный пар. И как он умудрился подогреть такой объем за пару секунд? Локальный терморегулятор? Магия, не иначе. Физика этого мира определенно имела другие константы.

С нескрываемым удовольствием я стянула с себя грязную мешковину, безжалостно швырнув её в дальний угол, и шагнула к воде. Рядом на деревянной подставке лежал плотный брусок чего-то, напоминающего мыло. Я поднесла его к лицу и невольно зажмурилась от удовольствия. Тонкий аромат лаванды и дикой розы был глубоким, благородным и... чертовски приятным.

Не выпуская мыла из рук, я с млеющим вздохом погрузилась в горячую воду. Из горла само собой, без моего ведома, вырвалось низкое, вибрирующее мурлыканье.

Я замерла, прислушиваясь к этому странному звуку, рокочущему где-то глубоко в грудной клетке. Низкий, бархатный рокот... Ого. Я умею мурлыкать? Эта новая биологическая оболочка определенно имела свои скрытые «бонусы». Кажется, запредельный стресс запустил какой-то древний, эволюционный механизм саморегуляции и успокоения.

Я тщательно смыла пену. Вода в ванне стремительно потемнела от пыли и въевшейся грязи подвала. Теперь, когда этот «слой истории» был окончательно стерт, я наконец-то

смогла детально рассмотреть свое новое тело.

Кожа оказалась не просто серой — она имела глубокий, благородный графитовый оттенок с матовым отливом, как у классических темных эльфов из фэнтези-саг, книги о которых я когда-то тоннами поглощала в самолетах между длительными командировками. Но на ощупь она была поразительно нежной, словно дорогой шелк плотной выделки. А молочно-белые узоры витилиго на руках и плечах на этом темном фоне теперь казались не дефектом, а контрастной, почти светящейся изнутри росписью. Они в точности повторяли очертания моих прежних пятен.

Единственное вещественное доказательство существования той Виктории, которая еще вчера подписывала многомиллионные контракты в столице.

«Так», — я методично проводила мылом по плечу, — «если судить по книжной классике, то передо мной типичный набор: темный эльф, она же дроу, она же Тень-рабыня. Острые уши — чек. Экзотический цвет кожи — чек. Но клыки?»

Я провела кончиком языка по зубам, натываясь на острые, непривычно длинные клыки.

«Так, стоп», — мелькнуло в голове. — «У классических дроу клыков точно не было. Это уже какой-то кроссовер с вампирами или местный эксклюзив? Вампиро-эльфы?»

Я невольно усмехнулась собственной мысли, и на спокойной поверхности воды отразился оскал настоящего, опасного хищника. Звучит как название дешевого подросткового

романа. Но если отбросить шутки, вопрос расовой классификации становится приоритетным для выживания.

Тот факт, что у моего покупателя зубы были безупречно ровными, человеческими, а у меня и, скорее всего, у всей моей расы — явные признаки плотоядного зверя, наводил на очень странные мысли. В нормальной природе хищник всегда доминирует. Как же вышло, что в этой системе координат существа с клыками моют ножки у золотых тронов тех, кто обделен природой? Или здешние «светлые» аристократы — хищники иного порядка? Цивилизованные, скрывающие свои зубы за маской безупречного этикета?

Я вспомнила «эльфа», который меня купил. Его идеальную матовую кожу, его леденящую надменность.

Здесь система гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Есть светлые — местные правители, эйры, и есть мы темные, которых низвели до статуса бесправного скота. Если это мир по Сальваторе или Толкину, то где-то на горизонте должна маячить эпическая война добра со злом. Но судя по тому, как деловито и прагматично меня оценивали, здесь правит не магия древних пророчеств, а суровая, циничная рыночная экономика.

Я погрузилась в теплую воду по самый подбородок, чувствуя, как кошачье мурлыканье в груди окончательно затихает, сменяясь холодной, расчетливой решимостью.

Ладно, Виктория Павловна. Первым делом нужно досконально понять, кто мы такие в этой иерархии. Биология, ка-

стовые законы, юридические тонкости местного рабства. Если ты теперь заперта в теле темной, начни использовать её физические преимущества. В фэнтези они всегда были чертовски живучими, ловкими и опасными. А в сочетании с моим земным дипломом МВА и опытом кризис-менеджмента... это может стать самым успешным антикризисным кейсом в моей карьере.

Я выбралась из купели, оценивая движения — тело двигалось с пугающей грацией, словно я всю жизнь занималась профессиональным спортом, а не сидела в офисе за монитором. Обмотав вокруг груди грубое полотенце, я оглядела комнату и лишь сейчас, когда адреналин немного отступил, заметила в глубине то, что ускользнуло от внимания ранее. Большая зеркальная поверхность в тяжелой бронзовой раме.

Я медленно подошла к нему, чувствуя, как теплые капли стекают по новой, графитовой коже. Теперь, когда грязь казематов была полностью смыта, отражение заставило меня шумно сглотнуть.

Тело было совершенным, атлетичным, с породистыми длинными линиями и пугающе экзотичным. Но больше всего меня — быюти-маньяка со стажем — поразило качество. Кожа была невероятной по своей текстуре: гладкой, упругой, поразительно ровного матового оттенка... если не брать во внимание светлые пятна на теле. Я подалась вперед, вглядываясь в отражение. Ошибки быть не могло. Не только на руках — всё моё новое тело, до последнего микрона, повторя-

ло причудливый рисунок витилиго, который был у меня в той, земной жизни.

Моя персональная «карта пятен». В своем земном прошлом я никогда не стеснялась особенностей своего тела. Моё витилиго — а пятна покрывали большую часть кожи, милосердно пощадив лишь лицо — я всегда носила с неизменным достоинством, как личную экзотическую фишку. Но эта кожа требовала колоссального, регулярного и чертовски дорогого ухода: специфического увлажнения, защиты и лучших премиальных линеек, чтобы удерживать идеальный тонус сорокапятiletней женщины.

Здесь же... Юное, сильное тело обладало абсолютным совершенством по умолчанию. Никаких полярных контрастов, сухих участков или капризных зон. Этому графитовому великолепию не нужны были ни сыворотки, ни корейские многоступенчатые ритуалы, на которые я тратила часы. Чистая, первозданная роскошь здоровой биологии, доставшаяся мне даром.

Серебро мокрых волос тяжелой волной лежало на плечах, а глаза... они не просто светились в полумраке, они буквально гипнотизировали.

Но мой профессиональный взгляд почти сразу соскользнул ниже. К шее.

Я осторожно коснулась пальцами ошейника. Кожа под ним стала мягкой, словно пропиталась дорогими косметическими маслами, а выбитая на металле гравировка теперь си-

яла тончайшими, едва заметными линиями. Но главное изменение коснулось камня. Тот мутный, серый булыжник-инвентарник исчез без следа. На его месте теперь пульсировал глубоким, благородным цветом чистейший сапфир. И его отенок один в один повторял ткань одежды, аккуратно сложенной на кровати.

Моя теория оказалась верной? Цвет камня определял принадлежность раба к цветам хозяева? Нужно будет многое узнать о мире, в который я попала. Благо, я быстро учусь.

Я отвела взгляд от серебряного зеркала и подошла к кровати. Стопка одежды, которую бросил покупатель, оказалась на удивление качественным, продуманным ансамблем, но... явно не моего размера.

Никаких пошлых рюшей, дешевого кружева или прозрачных тканей, чего можно было бы ожидать от фэнтезийных рабовладельцев. Здесь лежал плотный белый жилет с высоким, глухим воротником, узкие брюки из эластичного, дорогого материала и тяжелая накидка глубокого сапфирового цвета. Я машинально поднесла ткань к лицу, вдыхая воздух — мне нужно было убедиться, что от них не несет чужим присутствием или едкими химикатами. Но вещи пахли пугающей, почти стерильной чистотой, лишенной даже намека на запах чужого тела.

Однако, стоило мне натянуть всё это на себя, я буквально утонула в складках, а рукава свисали далеко за пределы ладоней, превращая меня в Пьеро.

Кое-как подпоясавшись широкой лентой, которую нашла на столике, и небрежно подвернув штанины, я встала посреди комнаты. Вид в зеркале был, мягко говоря, непрезентабельный — оверсайз, перешедший все разумные границы. Но я заставила себя выпрямить спину и высоко поднять подбородок. Виктория Павловна не умеет выглядеть жалко, даже если её нарядили в «чехол от танка». Профессиональная харизма вывезет любой костюм.

Но, несмотря на это, мне стало как-то уютно, впервые, как я попала в этот мир и это тело. Ткань приятно холодила кожу, а сапфировая накидка чертовски выигрышно подчеркивала серебро моих волос. Я, как могла быстро, заплела их в одну тугую, аккуратную косу, закрепляя конец остатками ленты, когда в дверях пронзительно и сухо щелкнул замок. Время вышло.

Когда «хозяин» вошел, я могла бы поклясться, что в глубине его сапфировых глаз промелькнула искра искреннего веселья. Но нет, маска высокомерия не выдала ни одной живой эмоции. Он лишь покачал головой, пробормотав что-то про «отсутствие мозгов у теней», которая не догадалась сама применить магию.

«Магию?!» — возмущенно подумала я. — «Может, мне еще и годовой отчет силой мысли составить?»

Он небрежно, едва уловимо взмахнул кистью. В ту же секунду я почувствовала, как ткань на мне зашевелилась, словно живой, разумный организм. Сапфировое полотно и белый

жилет начали стремительно сжиматься, уплотняться и укорачиваться, перекраивая сами себя, пока не сели по фигуре идеально, подчеркивая каждый изгиб. Теперь я выглядела безупречно и строго, хотя и излишне худощаво, может быть сказывалось затяжное «гостеприимство» подвала.

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Холодный сканирующий взгляд эйра медленно прошелся по мне от носков сапог до собранной серебряной косы. Я отчетливо видела, как расширились его зрачки, когда он заметил, как мои молочно-белые узоры на шее теперь причудливо переплетаются с серебряным металлом его родового герба на высоком воротнике жилета. По коже невольно побежали мурашки, не от страха, а от того, как бесцеремонно и долго он меня изучал.

Он подошел вплотную, сокращая дистанцию до опасного минимума. Нависая надо мной всем своим невозможным ростом, он словно лишал меня доступа к кислороду. Но сильнее страха был этот запах, резкий, доминирующий сандал, смешанный с хвойной горечью и мускусом. Он дурманил, сбивал с толку, и я не заметила, как он, не предупредив, перехватил мою руку.

Его пальцы, сухие и обжигающе горячие, уверенно и жестко обхватили запястье. Контраст между моей кожей и его хваткой был пугающим. Он еще раз внимательно изучил открывшиеся линии, задержав взгляд на тонком переплетении витилиго, и достал узкий кожаный браслет. На нем были вы-

биты такие же сложные, едва заметные узоры, как на моем ошейнике.

Одним коротким движением он застегнул браслет на моем запястье и медленно провел по нему ладонью. Я почувствовала странную, осязаемую волну тяжелой энергии, которая прокатилась от руки по всему телу. Прямо у меня на глазах белые узоры на графитовой коже начали стремительно тускнеть, пока не скрылись совсем, оставив лишь ровный, чистый оттенок мокрого асфальта.

— Никто не должен знать о твоих отметках, — его голос прозвучал тише обычного, но в нем отчетливо лязгнул холодный металл приказа. — Для всего остального мира отныне ты просто Тень. Красивая, редкая, но стандартная. До тех пор, пока я сам не решу иначе, твои «звезды» не существуют. Ты поняла меня?

Он что... только что мимоходом признал меня красивой?

На долю секунды я едва не потеряла концентрацию. Его тяжелый, магнетический взгляд буквально впился в мое лицо, словно пытался прошить сознание насквозь и прочесть скрытые мысли. Я почувствовала, как к щекам подступает предательское, горячее тепло. *«Да что с тобой такое, Виктория Павловна?»* — зло прикрикнула я на себя внутренним голосом. — *«Молодые гормоны в этой новой биологической оболочки решили заиграть яркими красками, и тебя инстинктивно потянуло на доминирующую особь, даже если она холоднее арктического айсберга?»*

Я подавила вспышку злости на собственную слабость. Вместо смущения просто резко кивнула, не отводя взгляда. Ошейник тут же нагрелся, плотно охватив горло: это был не совет, а приказ. Приказ, который я физически не смогу нарушить. Значит, в этом мире слова имеют весомую плотность свинца.

Эйр — или все-таки эльф, как окрестил его мой мозг из-за острых ушей? — прищурился, пытливо всматриваясь мне в глаза, словно искал ответ на вопрос, который сам еще не до конца сформулировал, и наконец отпустил мою руку. Но не отошел. Его губы сжались в тонкую линию, выдавая напряжение. На миг мне показалось, что он колеблется и ведет какой-то внутренний спор.

Но через мгновенье маска ледяного безразличия вернулась на его породистое лицо так же стремительно, как и исчезла.

— Уже лучше, — произнес он наконец, выпрямляясь. — Ты готова? Нас ждет порталный переход.

Он развернулся, конечно же не дожидаясь ответа. Его тяжелый плащ взметнулся, обдав меня резким, чистым запахом хвои. Я посмотрела на его широкую спину, мельком подумав, что в этой вселенной порталы — это, конечно, крайне удобный вид логистики, но с таким «генеральным директором» мне бы больше пригодился парашют. Желательно, с функцией экстренного катапультирования обратно в мой уютный, безопасный офис в Москва-Сити.

— Куда конкретно мы отправляемся? — спросила я, стараясь, чтобы тон оставался ровным и не выдавал остаточного волнения от его прикосновения.

— Домой, — отрезал он, и в его голосе промелькнули нотки раздражения от моих расспросов. — В Астер-Холл. А вот после ты лично узнаешь, почему «Отмеченная звездами» стоит целого состояния.

Он еще раз окинул меня коротким, финальным взглядом, едва заметно усмехнулся и резко коснулся пальцами крупного кулона на своей груди. Воздух перед нами мгновенно пошел маслянистыми, бензиновыми пятнами, стремительно сворачиваясь в сверкающую, пространственную сапфировую воронку. Я застыла, инстинктивно пытаюсь просчитать плотность и стабильность этой физической аномалии, но эйр просто перехватил мою ладонь, блокируя любые колебания.

— Не задерживай дыхание, — бросил он и уверенно шагнул прямо в пустоту, увлекая меня за собой.

«Надеюсь, мой корпоративный страховой полис покрывает межмировые перелеты», — успела промелькнуть последняя связная мысль, прежде чем весь мир вокруг нас с грохотом взорвался мириадами ослепительных искр.

Глава 2. Астер-Холл.

Тори.

Следующие несколько часов прошли как в плотном, изнуряющем тумане. Я фиксировала происходящее лишь отдельными, болезненными вспышками. Если бы мой земной фитнес-тренер увидел меня сейчас, он бы решил, что я умудрилась прогулять абсолютно все тренировки за последние десять лет.

В прошлой жизни я инвестировала в свое тело огромные бюджеты: топовые залы, функциональная диагностика, кардио, йога, медитации. Я методично превращала себя в безотказный, высокопроизводительный механизм, который обязан функционировать на пике даже в три часа ночи на многомиллионных переговорах.

А здесь? Ирония судьбы в чистом виде. Визуально я выгляжу как оживший эстетический идеал, даже несмотря на экзотический цвет кожи, чьи пропорции способны вызвать оторопь, но на внутреннем балансе чувствую себя как разряженный в глухой ноль аккумулятор.

Каждый переход через портал, а их по пути следования было несколько, безжалостно выбивал из меня последние остатки сил. Пространство с глухим гулом выворачивалось наизнанку, то немного, что попало утром в желудок при каждой переходе пыталось покинуть тело, а голова раскалы-

валась от запредельного давления. Высокородный эйр шел впереди стремительно и легко, ни разу не обернувшись и не давая мне ни секунды на передышку.

Но я больше не задавала лишних вопросов и принципиально не просила об остановке. В моем личном кодексе упасть в обморок перед ключевым «заказчиком» — значит добровольно признать полную профнепригодность. Поэтому я просто жестко фокусировала взгляд на его прямой, затянутой в плащ спине, превратив ходьбу в чисто механический процесс перемещения ног.

В какой-то момент эта порталная чехарда наконец прекратилась. В затухающем сознании отпечаталось нечто настоящему величественное: взмывающие в грозовое небо шпили, монументальный серый камень и архитектура, от которой веяло древней, незыблемой силой. Нас встречала плотная шеренга слуг — ровный, синхронный ряд опущенных голов и тусклый отблеск металла. «Корпоративный стандарт Астер-Холла», — вяло мелькнуло в моем угасающем мозгу.

Хозяин поместья на ходу бросил короткий, отрывистый приказ кому-то, кто вышел нам навстречу. Из-за общего истощения я не запомнила лица — показалось, что это была еще одна светлая, по всей видимости, управляющая этим огромным объектом. Я зафиксировала лишь сухой, абсолютно властный голос. Сам же владелец этого мира, судя по масштабам, тут же удалился, даже не взглянув на меня напоследок.

док. Товар доставлен на склад, первичная приемка и логистика завершены успешно.

Сейчас я покорно шла за этой управляющей по бесконечному анфиладному коридору. Зрение постепенно обретало былую четкость, медленно выплывая из серого марева усталости. «Так, Виктория Павловна, соберись. Оценка доступных ресурсов, экспресс-анализ внешней среды», — приказала я себе, заставляя взгляд сфокусироваться на спине впереди идущего проводника.

Кадровик высшего звена, не иначе. Шла она быстро, чеканя шаг — так ходят люди, у которых в подчинении сотни душ и поминутный график. Безупречная форменная одежда: белоснежный корсет и тяжелая юбка сапфирового, «корпоративного» оттенка Астер-Холла. Высокий воротник-стойка со спины полностью закрывал шею. Алебастровая кожа, светлые волосы, собранные в тугой пучок.

«Значит, средний менеджмент здесь набирают из своих?» — строила я гипотезу, едва поспевая за ней в подвернутых мужских брюках.

Мы резко остановились перед небольшой деревянной дверью. Управляющая развернулась ко мне с быстротой отлаженного механизма. И вот тут воротник её формы, имевший спереди небольшой вырез, преподнес мне то, чего я никак не ожидала увидеть.

На её светлой, фарфоровой шее красовался кожаный ошейник. Один в один как мой. Тот же тип гравировки, тот

же камень, сияющий холодным сапфировым светом. Её губы разомкнулись, чтобы отдать распоряжение, и я застыла. У нее были клыки. Аккуратные, острые, идеально белые клыки — точь-в-точь как у меня, но на фоне фарфоровой кожи они смотрелись еще более хищно.

Мой мозг, обычно работающий со скоростью передового суперкомпьютера, просто выдал критический сбой и намертво завис. Системная ошибка. Мир, который я только что так красиво разложила по полочкам, снова с грохотом рассыпался на мелкие, не поддающиеся классификации осколки.

Разве рабство здесь не определяется по цвету кожи? Я ведь видела тех лощенных аристократов в таверне — у них были безупречные, человеческие улыбки. А здесь передо мной стоит идеальный образец их расы, менеджер среднего звена, и она... такая же, как я? Светлая, но с клыками, которые никак не вяжутся с образом благородной девы, и рабским ошейником на шее?

Разве рабство здесь не определяется по цвету кожи?!

Я подняла взгляд на её застывшее, словно высеченное из льда лицо, и только в этот сверхкороткий момент поняла, что выдала свой вопрос вслух. Громко.

Управляющая даже не шелохнулась. Её серые глаза, пустые и лишённые всякого проблеска тепла, впились в мое лицо. В коридоре повисла такая густая, осязаемая тишина, что я отчетливо услышала собственное учащенное дыхание.

— Ты с какой горы свалилась? — в ее интонации на миг

промелькнуло чисто человеческое недоумение, но оно тут же утонуло в ледяной дисциплине. Не успела я подобрать аргументы, как она отчеканила заученную фразу: — В Астер-Холле не задают вопросов. В Астер-Холле исполняют волю Хозяина.

Она сделала шаг ко мне, сокращая дистанцию.

— Твой цвет кожи — это лишь твоя цена на аукционе. Но здесь, в Астер-Холле... — она коснулась камня моего ошейника длинным тонким пальцем, и по телу прошла неприятная вибрация, — цвет у всех один. Цвет принадлежности дому Астер.

Она резко сделала шаг назад и беззвучно толкнула деревянную дверь за своей спиной.

— Это твоя комната. Тебе повезло: наш хозяин — самый щедрый. У каждой Тени в этом доме есть свое место.

И опять это слово. «Тень». Я уже поняла, что так называют рабов, если для них определялся конкретный хозяин, но... Стоит поинтенсивнее в ближайшем будущем погрузиться в терминологию этого мира, чтобы не выдать себя. Кто знает, как относятся здесь к иномиркам. Я читала множество книг: где-то их восхваляли, где-то преследовали и казнили...

Я отбросила пока эти мысли и вошла внутрь, мгновенно, на чистом автомате сканируя новый объект. Небольшая каморка, но по сравнению с сырым подвалом городской таверны — это был фактически президентский люкс. Кровать с настоящим, плотным матрасом (уже весомый плюс), шкаф

для хранения личных вещей, стол, стул и даже узкое окно, обеспечивающее вентиляцию и минимальный обзор территории. В углу — деревянная тумба с фаянсовым тазом и кувшином для умывания. И, что важнее всего небольшое, хоть и чуть мутноватое зеркало.

Пока я мысленно принимала жилой фонд и оценивала условия проживания, управляющая начала говорить. Её голос лился ровно, монотонно, без единой живой эмоции — словно она зачитывала жесткие пункты должностной инструкции, которую знала наизусть последние лет сто.

Мой мозг работал с ощутимой задержкой, окончательно измотанный порталными прыжками и магией, которая, стоит признать, есть в этом мире. В моем родном мире её, разумеется, не существовало, но зря, что ли, я в свободное от слияний и поглощений время зачитывалась ромфэнтези? Иронично, но этот неофициальный багаж знаний сейчас спасал меня от банального сумасшествия. Мозг не бился в панике, а услужливо подкидывал готовые шаблоны, классифицируя местное колдовство как специфический, пока еще не изученный мной инструмент управления.

Опираясь на эту импровизированную базу, я судорожно пыталась фиксировать и структурировать ключевые тезисы вводной лекции, которую чеканила управляющая.

«Так, резюмируем, Виктория Павловна, — привычно включился мой внутренний аналитик. — Наш главный контрагент на текущем этапе — Сесилия, как все же пред-

ставилась мне управляющая. Судя по выправке, директор по управлению поместьем и персоналом. Жесткий администратор, абсолютно преданная системе. И теперь я официально зачислена в её ведомство в качестве... прости господи, младшего ассистента по клинингу. Проще говоря — поломойки высокого полета».

Сесилия тем временем перешла к внутреннему регламенту. Оказалось, у меня будут четкие функциональные обязанности, список которых Хозяин имеет право расширить в любой момент, без предварительного уведомления и, разумеется, без компенсаций. Типичный трудовой договор с открытой датой и неограниченным объемом работ. Но следующий пункт заставил меня внутренне напрячься.

— Ты обязана беспрекословно подчиняться гостям дома, — чеканила Сесилия, — и, разумеется, Леди Алессе, невесте нашего господина.

«Опа, у него есть невеста... — мысль кольнула неожиданно остро, почти обидно, что заставило меня разозлиться на саму себя. — Грустненько, Тори. С другой стороны, лишний стейкхолдер в системе только усложняет управление проектом. Две головы в руководстве — это всегда борьба за власть».

Тем временем Сесилия, заметив мой расфокусированный взгляд, тяжело вздохнула. Она явно приняла мою глубокую задумчивость за ступор или шок, поэтому терпеливо, как для ребенка, повторила правила. Несколько раз. Подробно.

С фиксацией на жестком тайминге и безупречной дисциплине.

В её четкой иерархии на недостигаемой вершине царил, конечно же, сам Хозяин и его высокородные гости. Чуть ниже шел немногочисленный наемный персонал — те единицы свободных, кого привлекли со стороны. Затем располагался руководящий состав вроде Сесилии — старшие слуги, которые добились своего места многолетними трудами и эффективностью, даже оставаясь при этом в статусе Теней. И в самом низу, в категории «прочие ресурсы», значилась я. Обычная бесправная Тень.

В какой-то момент ее монолога дверь без стука открылась, и в комнату вошла молоденькая девушка. Тоже темная как я, с такой же глубокой серой кожей, но, мой взгляд мгновенно зафиксировал главную деталь, на её шее не было ошейника. Сесилия коротко представила её как Малию: отныне я буду заниматься клинингом вместе с ней, и она введет меня в курс дела.

Малия мило, открыто улыбнулась, и я на секунду замерла: на фоне её темной кожи глаза девушки сияли пронзительно-голубым, почти небесным оттенком. Это делало её лицо удивительно живым и приветливым. Она аккуратно оставила на кровати стопку свежего белья, полотенца, мою будущую форму и легкой, почти танцующей походкой упорхнула из комнаты.

Видя моё недоумение, а я действительно не понимала, как

темная в этом мире может выглядеть такой искренне счастливой, Сесилия нахмурилась. Она хотела промолчать, но, наткнувшись на мой выжидающий взгляд, всё же снизошла до пояснений:

— Малия — свободная лира. Хозяин подарил ей вольную, так как она была рождена от наших Теней в день его рождения. Девчонке предлагали подъемные блага, но она... — Сесилия неопределенно повела рукой у виска, — предпочла остаться в поместье. В отличие от остальных, ей платят регулярное жалованье, и она мечтает накопить на выкуп родителей. Хотя это пустое, свободу здесь купить нельзя. Её можно только заслужить.

Сесилия резко замолчала, запоздало сообразив, что сболтнула лишнего новенькой. Я внутренне усмехнулась: надо же, за напускной ледяной холодностью здешнего директора по кадрам скрывалась обычная человеческая тяга к сплетням. Прекрасно, этот маркер мне еще пригодится.

— Твое дело — подчиняться и молча выполнять работу, — сухо подвела итог Сесилия, поправляя и без того идеально сидящую форму. — Сегодня для тебя сделано исключение. Отдыхай. Чуть позже принесут ужин. Твоя работа начнется завтра на рассвете.

Управляющая развернулась и вышла. Глухой щелчок дверного замка возвестил о том, что мой первый рабочий день в ином мире официально завершен.

Я осталась одна. Тяжело опустилась на кровать, чувствуя,

как от пережитых порталных перегрузок гудит и ноет абсолютно каждая мышца. Глаза закрывались от перенапряжения.

«Так, стоп...» — я заставила себя открыть глаза, визуализируя структуру новой корпорации. — «Сесилия — Тень. У неё клыки, алебастровая кожа и точно такой же ошейник, как у меня. Она юридически бесправна. Но при этом она руководит свободным наемным персоналом, который в табели о рангах стоит выше неё! Свободные подчиняются рабыне? А Малия — Тень по рождению, но получила вольную за лояльность? Свободу нельзя купить, но можно заслужить?»

В бизнесе подобная вертикаль работает только в одном случае: если перед нами жесткая, но абсолютно реальная система карьерного роста. Если раб может подняться до генерального управляющего огромным поместьем и, возможно, получить вольную, значит, здесь оценивают эффективность. Здесь есть свои «KPI».

А раз система гибкая, то ошейник — это не пожизненный приговор. Внутри меня, словно от мощного разряда дефибрилятора, проснулся азартный, отчаянный игрок.

«Значит, из этого статуса можно выйти легально. Если у свободы в этом мире есть конкретная цена, я её узнаю. А затем сделаю всё, чтобы снизить эту стоимость до минимума».

Мне еще предстояло много выяснить об этом мире, если, конечно, каким-то чудом я не проснусь утром снова в своей кровати там, в Москва-сити. Но по крайней мере, у меня по-

явилась надежда. Осталось набраться информации и составить план. А пока... глаза закрываются и ...

...и на следующее утро чуда не произошло.

Еще не открывая глаз, я лениво подумала: «Ну и чертовщина мне приснилась». Но когда сознание окончательно включилось, я поняла, что лежу далеко не на своем любимом ортопедическом матрасе, под головой нет привычной анатомической подушки, а кожа не чувствует мягкого шелка пижамы.

Я тут же распахнула глаза и уставилась на свои руки. На серо-графитовую кожу чужого тела.

В груди болезненно эхом отозвалась пустота. На мгновение, всего на одну короткую, позорную минуту, меня накрыло глухим, ледящим отчаянием. Захотелось закричать, забиться в истерику, потребовать вернуть мою понятную, выстроенную годами столичную жизнь. Я бессильно уронила руки обратно на кровать и замерла, уставившись в незнакомый потолок. Насчет «азартного игрока» я вчера, пожалуй, погорячилась. Сейчас я чувствовала себя банкротом.

Я позволила этой минуте слабости истечь. Ровно шестьдесят секунд на жалость к себе — непозволительная роскошь в условиях кризисного менеджмента.

А затем я попыталась потянуться и... застыла от удивления.

Как ни странно, я проснулась абсолютно бодрой. Тело, еще вчера молившее о пощаде после порталных прыжков,

отозвалось непривычной легкостью и какой-то хищной собранностью. Никакой мышечной боли, никакого ощущения разбитости. Видимо, новая биологическая оболочка имела встроенный режим ускоренной регенерации — чертовски полезная опция для выживания в условиях агрессивной среды.

Собравшись с мыслями, я поднялась, быстро умылась и облачилась в форму. Серый графит моей кожи на фоне белоснежной ткани корсета и сапфировой юбки выглядел вызывающе эстетично, почти как кадр из дорогого глянца. Я затянула шнуровку, стараясь оставить место для вдоха, и бросила взгляд на браслет на руке. Он сидел плотно, надежно скрывая мои «звездные» отметки.

Я попыталась восстановить в памяти вчерашний лабиринт коридоров, но не успела даже коснуться ручки, как дверь распахнулась.

В комнату, словно порыв теплого ветра, ворвалась Малия. От неё исходил удивительно уютный аромат: сладковатая, нежная ваниль с легким подтоном свежего сдобного теста. Она сияла так ярко, словно заменяла собой утреннее солнце, обнажая в улыбке свои острые клыки. Я молча смотрела на неё, привычно заломив бровь вверх. В своей прошлой жизни я всегда настороженно относилась к таким «добродушным» людям — опыт подсказывал, что за широкой улыбкой часто скрывается либо отсутствие критического мышления, либо глубоко зарытый интерес. Бескорыстная доброта в мо-

ем корпоративном мире встречалась реже, чем единороги.

Но Малия, казалось, совершенно не замечала моего скепсиса. Её восторг был почти осязаемым, а аура «уютной булочной» только усиливала этот контраст с моим внутренним холодом.

Вчера она вела себя точно так же, когда пришла ко мне в комнату поздно вечером, разбудила и буквально заставила поесть. Она тогда вообще не обращала внимания на мою кислую мину и односложные ответы. Без умолку рассказывала об Астер-Холле и о Хозяине, с придыханием и восторгом, который, кажется, был единственным общим знаменателем между ней и ледяной Сесилией. А потом, под моим недоуменным взглядом, уложила обратно в кровать, чуть ли не подтыкая одеяло... Если честно, прими я это сейчас за чистую монету, решила бы, что сошла с ума. Я до сих пор не была уверена, что это не был сон, порожденный портальной лихорадкой.

Однако сейчас она с точно таким же восторгом вела меня по коридорам, на ходу рассказывая обо всем, что успело произойти за вчера и сегодня, делясь планами на день, будто я её об этом спрашивала, ей богу.

— Но всё это потом, сначала нужно тебя накормить! Уж очень ты худенькая, — тут же затрепетала она. От неё пахло ванилью ещё сильнее, когда она без спроса приобняла меня за талию, увлекая за собой вниз по лестнице.

Меня явно вели напрямиком к пищеблоку. Оттуда уже до-

носились такие умопомрачительные ароматы свежей выпечки и жареного мяса, что мой желудок отчетливо и громко заурчал. Противиться этому первобытному зову я даже не подумала. Покорно последовала за своим гиперактивным проводником.

Кухонный блок встретил нас утренним хаосом. Везде сновали Тени, звякала посуда, разносился стук ножей и шипение масла на огромных плитах. Малия без тени сомнения усадила меня на свободный стул у края длинного стола, ловко пододвинула глубокую миску и принялась порхать туда-сюда, щедрой рукой накладывая мне еду.

Одновременно с этим она умудрялась выполнять роль радушного хозяина приема, на ходу представляя меня каждому, кто пробежал мимо с подносами или мешками муки. В этом калейдоскопе лиц мелькнули и её родители, про которых вчера упоминала Сесилия.

Большинство работников здесь действительно были темными Тенями в ошейниках, но изредка мелькали и светлые лица в таких же шейных обручах. Атмосфера на удивление была странно дружелюбной для места, где официально процветает рабство — никакого свиста бичей или забитых взглядов, скорее, это напоминало запару в успешном, культовом ресторане перед открытием.

Без ошейника, не считая мою напарницу, на всей этой огромной кухне был только один работник — представительный, статный эйр с идеальной осанкой. Как шепотом

пояснила Малия, это был главный шеф-повар Астер-Холла. Его личный контракт был эксклюзивным: он готовил исключительно для Хозяина и его статусных гостей, и близко не прикасаясь к котлам для челяди.

Поедая всё еще появляющуюся в тарелке еду, Малия, кажется, задалась целью откормить меня за один присест, подкладывая то ароматное тушеное мясо, то пышные утренние лепешки, а я продолжала собирать первичные данные...

Из щебетания Малии я узнала, что Хозяин живет один. Его отец, Алистер Вейн, был Верховным Советником и регентом при принце, который вот-вот должен был вступить в права наследования. Совершеннолетие в этом мире наступало в тридцать лет — цифра, которая заставила меня зависнуть на пару секунд. Как оказалось, средняя продолжительность жизни светлых и темных составляла около трехсот лет. Эта новость неизменно порадовала бы меня в Москве, но здесь... перспектива прожить три столетия в ошейнике напоминала пожизненный срок без права на УДО.

Принц обитал во дворце, шпиль которого виднелся на горизонте, где изредка бывал и наш владелец. Гости в Астер-Холле случались редко, и вскоре, наконец, я узнала имя нашего «генерального директора».

Маркус. А если точнее, герцог Маркус Астер.

Еще одно несоответствие книжным «эльфам», которые в моем представлении должны были носить имена вроде Элландиэль или Трандуил. Маркус — это звучало твердо, ко-

ротко и функционально. И совсем не походило на утонченные имена вымышленных рас.

— Маркус... — пробормотала я, снова поймав себя на том, что от усталости и избытка информации говорю вслух. Проклятая ментальная деформация этого тела — озвучивать внутренний монолог в самый неподходящий момент.

— Что за «эльфы»? — Малия удивленно моргнула и, увидев мою скривившуюся физиономию, звонко рассмеялась.

Повара на секунду отвлеклись, добродушно усмехнулись и продолжили ритмично шинковать какую-то экзотическую зелень.

«Что ж...» — я нахмурилась и уткнулась взглядом в тарелку, усердно вылавливая ложкой вкусный, сладковатый овощ, по вкусу напоминавший нашу земную морковь.

Своей реакцией Малия только что окончательно подтвердила мою догадку: здешние расы, и светлые, и темные, не имели ничего общего с шаблонными книжными канонами. Никаких тебе прекрасных эльфов или коварных дроу. Здесь действовали совершенно иные, пока непонятные мне законы эволюции и классификации. Кто же они такие на самом деле?

— И что не так с именем? — отсмеявшись, вернула мое внимание Малия. — Наш Хозяин — воин и самый лучший из эйров, которых я знаю!

Она покосилась на главного повара, который горделиво стоял чуть поодаль с выпрямленной спиной и высоко подня-

той головой. Он усердно делал вид, что совершенно не слушает ее болтовню, но кончики его острых ушей едва заметно подрагивали. Малия тихо хихикнула, а потом вновь посмотрела на меня, сузив глаза и невольно повторив характерный жест своего господина.

— Откуда, ты говоришь, к нам попала? — с живейшим любопытством спросила она, подперев кулачком щеку. — Хозяин на моей памяти никогда не покупал новых Теней, только принимал подаренных... Как давно ты в статусе рабыни?

Не успела я ничего ответить, как её отец, один из поваров-Теней Лавий, мягко цокнул языком и качнул головой, выразительно посмотрев на дочь. В этом жесте не было злости — скорее, привычное родительское снисхождение к не в меру болтливому ребенку.

— Малия, ну сколько можно, — негромко, но веско произнес он, возвращаясь к заправке соуса. — Будь корректнее, у Тори и без твоих допросов голова кругом. Тебя совершенно не касаются дела Хозяина и его дарителей.

— Отец прав, Малия, всё, что есть за пределами Астер-Холла, остается там, — мелодично вторила ему другая Тень Сенежа - мать Малии, которая посмотрела на меня с тихим, понимающим сочувствием, продолжая размеренно замешивать тесто для хлеба.

Малия робко, но понимающе улыбнулась и смущенно опустила глаза. Было видно, что в этой семье к её безудерж-

ному щебетанию относятся как к стихийному бедствию, с любовью и смирением. Впрочем, уже через секунду она как ни в чем не бывало снова переключилась на рассказы о прелестях жизни в замке.

После этого плотного, невероятно сытного завтрака, в процессе которого мне еле-еле удалось остановить Малию, готовую скормить мне, кажется, весь суточный запас пищеблока, я искренне отблагодарила поваров. Родители моей новоиспечённой напарницы тепло улыбнулись мне на прощание.

Мы вышли в коридор и заглянули в одну из подсобок недалеко от кухни, где уже стояли приготовленные для нас корзины со всевозможными принадлежностями для уборки. Подхватив этот нехитрый инвентарь, мы наконец направились в сторону восточного крыла.

Малия продолжала увлеченно щебетать, пока мы переходили из одного коридора в другой. Из её монолога я мимоходом выяснила, что это место не просто скромное «поместье», как пренебрежительно назвал его сам герцог, а величественный фамильный замок древнего рода Астеров.

Мы шли по бесконечным, залитым мягким магическим светом переходам, а я методично отмечала детали: магические светильники, гобелены, полное отсутствие пыли. «Высокие стандарты эксплуатации помещений», — фиксировал мой мозг.

Но в этой идеальной картине для меня все еще оставались

неразрешимые аномалии. Взять хотя бы те же клыки. Почему у тех эйров в таверне или у самого герцога их нет, а у «светлой» Сесилии — есть? У повара-эйра — пусто, а у других светлых Теней — острый оскал?

Стоило мне об этом заикнуться, проклятая привычка нового тела озвучивать мысли вслух опять дала о себе знать, как Малия замерла. Она посмотрела на меня с такими округлившимися глазами, словно я спросила, почему трава зеленая. Не дожидаясь моего ответа, лира тут же принялась шепотом, но горячо объяснять прописные истины этого мира.

После её экспрессивной лекции картина мира прояснилась, и она была циничной до боли. Оказалось, клыки — базовая анатомия и темных, и светлых.

Как ни забавно, обе расы считали себя потомками драконов.

— Да ладно... — не сдержавшись, тихо ляпнула я вслух.

Малия тут же осеклась и снова уставилась на меня своими округлившимися глазами. Осознав, что опять выдала внутреннюю реакцию, я лишь невозмутимо пожала плечами и мило, максимально обезоруживающе улыбнулась, делая вид, что просто восхищена масштабом легенды. Не обращая больше внимания на её подозрительный взгляд, я мысленно приказала себе держать лицо. Впрочем, Малию не пришлось долго реанимировать: дефицит чужого внимания она не переносила, поэтому уже через несколько мгновений как ни в чем не бывало продолжила свою «лекцию».

Да, в этом мире, по крайней мере, в это свято верили абсолютно все, когда-то действительно жили драконы. Этот мир, в который я попала, назывался Эйри. Да-да, светлые тысячелетиями настолько возвышали себя и при этом были настолько узколобы в нейминге, что окрестили свою расу эйрами прямо в честь самой планеты. Я искренне позабавилась внутренне, когда узнала об этом, но мы отвлеклись.

Итак, драконы по какой-то причине покинули этот мир более трех тысяч лет назад, и теперь и светлые, и темные считали себя их прямыми и единственными наследниками. Поэтому, хоть светлые и не любили это признавать, у них было слишком много общих анатомических черт с темными... Но бросьте, мы-то с вами прекрасно знаем: то, что в концепцию верят миллионы, еще не делает её историческим фактом. На Земле у нас тоже есть как минимум один культовый пример с третьим сентября, перевернувший календарь.

Но светлые эйры возвели эстетику в абсолют, посчитав клыки «животным пережитком». Высшее сословие и средний класс (да, социальное расслоение здесь работало строго по лекалам моего мира) использовали магию или артефакты, чтобы скрыть эту деталь своего лица. Магия, к слову, была доступна далеко не всем, и мне еще предстояло тщательно во всем разобраться, но позже. Как обычно, богатые во всех мирах владели ключевыми ресурсами, поэтому проблем с тем, чтобы скрыть или исправить «некондицию» в облике, у них не возникало — пусть даже подобные артефакты-иллюзии

стоили безумных денег и были редким товаром.

Возьмите хотя бы мой зачарованный браслет, который в первый же день выдал мне герцог, чтобы надежно спрятать мои «звездные» пятна. Правда, из минусов — любая активная магия всегда оставляла след, хотя это малая жертва.

Низшие же сословия, у которых хронически не хватало маны или золота на дорогие иллюзии, не имели возможности играть в высокие технологии. Они решали вопрос консервативно и жутко: просто варварски подпиливали зубы вручную.

А светлые Тени? У них словно отняли право даже на эту «цивилизованную» маскировку. Их клыки оставались дополнительным клеймом, подчеркивающим место в иерархии: ты можешь быть светлым по крови, но ты Тень по статусу. Темные же, по моим наблюдениям, были в этом плане честнее и практичнее. Они не видели в анатомической особенности ничего постыдного. Напротив, для них это было естественно.

Впрочем, немного позже мне всё же удалось закрыть один из главных пунктов моего аудита и узнать, как и кто становится здесь рабами.

Разговорить Сесилию оказалось непросто, но я умудрилась найти к ней подход. Всё сработало как по учебнику, стоило мне понять, кого именно напоминает мне эта суровая управляющая. В моем земном детстве была соседка баба Дуся. Весь дом обходил её за версту и звал старой каргой, а

для меня, недополучившей материнского тепла, она стала самым близким человеком. Я просто её не боялась. Своей настырной, отчаянной привязанностью я растопила её лед, и баба Дуся научила меня жизни. У неё была сложная, полная штормов судьба, и то, кем я стала — сильной, жесткой, умеющей читать людей и управлять этими знаниями, — была её заслуга.

Этот навык не раз выручал меня на Земле, помогая разговаривать самый проблемный персонал. Сработал он и здесь. Сесилия была точь-в-точь как баба Дуся: колючая, непроницаемая снаружи, но способная на глубокое внутреннее тепло. Когда я подобрала к ней ключ, наши вечера на кухне превратились в тихие чаепития. Управляющая, хоть наутро и делала вид, что ничего не было, поддавшись моим аккуратным вопросам и мнимой «амнезии», щедро делилась информацией.

Картина рабства оказалась сухой, системной и безжалостной. В этом мире Тенью мог стать каждый, независимо от расы, но механизмы пополнения «инвентаря» в двух Империях принципиально отличались.

Темные были военными трофеями в бесконечной, изнурительной войне между двумя Империями в этом мире, Империи Светлых Айвари и Империей Темных Тенебрисом, которая длилась без малого полторы тысячи лет. Сейчас этот конфликт вроде как стоял на паузе, но его последствия проросли вглубь поколений: большинство темных Теней в

Астер-Холле уже рождались рабами, никогда не зная свободы. Впрочем, «свежая кровь» в Империю светлых прибывала регулярно. Живой товар перепродавался на внутренних рынках, а в особо запущенных случаях, как я успела догадаться по недомолвкам, вовсю трудились контрабандисты.

Когда я попыталась выудить подробности о геополитике Тенебриса, Сесилия — а точнее Сесси, как она разрешила себя называть после того, как однажды вечером мы вместо травяного чая распили бутылочку чего-то крепкого, чертовски напоминавшего земной бурбон, — лишь сухо отмахнулась.

— Большая политика меня не касается, Тори, — отрезала она, глядя в окно на темнеющий сад. — Моя задача — благополучие Хозяина и безупречный порядок в Астер-Холле. Остальное — пустой шум.

Но про светлых Теней Сесилия знала всё. Их каста формировалась за счет жесткой судебной машины Айвари. Высокородные эйры и простые граждане становились Тенями за государственную измену, контрабанду, тяжелые преступления или полную финансовую несостоятельность перед короной. Причем закон действовал гибко: в зависимости от тяжести «проступка» или суммы долга, статус Тени мог быть как временным — пока осужденный не отработает штраф до последнего медяка, — так и пожизненным. С полной «гражданской смертью», лишением статуса и магии.

Хуже всего было то, что кара за преступления высшего

порядка в Айвари имела веерный характер и была по цепочке. Захмелев от местного алкоголя, Сесилия со слезами на глазах призналась, что её собственный дед когда-то попытался провернуть крупную незаконную махинацию против короны. Расплата оказалась несоразмерной: статус эйра и все привилегии отобрали не только у него, но и у всего его будущего рода. Сесилия родилась Тенью просто потому, что её предок оказался плохим игроком на политической арене.

При этом разница в отношении к рабам была колоссальной. Светлая Тень в доме господина — это был высший, несмываемый позор, живой пример падения и деградации рода, к которому свободные эйры относились с брезгливым презрением.

Темная Тень воспринималась совершенно иначе. И дело здесь было вовсе не в их выносливости или физическом потенциале. Реальность этого мира оказалась куда циничнее и, признаться, не так уж далеко ушла от капиталистических схем моей родной Земли с её нефтяными вышками и газовыми монополиями.

Темные Тени в Айвари были стратегическим сырьем. Живыми, возобновляемыми батарейками. Из путаных оговорок Сесилии я поняла главное: светлым хронически не хватало собственной магии, отчего и появились артефакты, требующие постоянной внешней подпитки. А у темных с этим проблем не было, поскольку, в отличие от светлых, их магия была совершенно другого рода. В подробности этих различий

я пока не углублялась — этот пласт информации мне еще только предстояло вскрыть и проанализировать позже.

Но суть схемы была ясна: темные рабы здесь использовались как генераторы. Причем позволить себе темную Тень могли далеко не все. Это был товар высшей ценовой категории. И здесь работала простая прогрессия: чем больше у аристократа рабов, тем больше у него магии и тем больше дефицитных артефактов он может выставить на продажу. Что в итоге приводило нас к старой как мир истине: богатые стремятся богатеют, а... ну, продолжение этой формулы мы все прекрасно знаем.

Но кем бы ты ни был, темным или светлым, если на тебе рабский ошейник, ты не свободен. Тот факт, что рабов здесь называли «Тенями», был по-своему поэтичен и чертовски унизителен. Тень не существует сама по себе — она лишь отражение воли того, кто стоит на свету. Твое происхождение полностью меркнет перед фактом владения. Ты больше не принадлежишь к своей расе — отныне ты значишься лишь в инвентарном списке конкретного рода.

Впрочем, и здесь захмелевшая Сесилия не упустила случая с гордостью заявить, как персоналу Астер-Холла повезло с хозяином. По её словам, эйр Маркус не занимался коммерческой выкачкой сил и не штамповал артефакты на продажу. Энергию темных он задействовал по минимуму — исключительно для поддержания систем самого замка.

Впрочем, после того первого дня я самого герцога вообще

не видела. Может, он и вовсе забыл о моем существовании... Но я была бы не я, если бы покорно плыла по течению и ждала, пока всё решится само собой. Даже если бы я проснулась в этом мире в теле какой-нибудь прекрасной принцессы, запертой в башне, я бы не стала сидеть у окна и покорно ждать, пока меня спасут благородные рыцари. Это просто не в моем характере. Я бы нашла способ договориться с драконом, взяла бы охрану на аутсорс, и сама возглавила этот замок.

Поэтому сидеть сложа руки в статусе бесправной рабыни я не собиралась. Раз уж я здесь, нужно брать управление кризисом в свои руки.

Я приняла новую реальность и старательно адаптировалась к своему положению. Но адаптировалась не значит «смирилась». Для меня это было лишь трезвым признанием текущих условий, паршивой стартовой позицией, которую нужно срочно менять.

И как только мой мозг окончательно поймал этот рабочий ритм, я начала выстраивать стратегию выживания, которую назвала «Проект Свобода».

Для любого дела нужны три вещи: ресурсы, люди и информация. С ресурсами было туго — из активов у меня числились только странные отметки под браслетом на запястье. Сама эта лента стала моей главной загадкой: я физически не могла её снять. Стоило пальцам коснуться застежки, как мышцы сводило легким, но непреодолимым спазмом. То ли встроенная магия, то ли приказ хозяина, который впитался

в меня через ошейник. Владелец просто ограничил мне доступ к собственному телу.

С людьми было чуть лучше — Малия и её семья стали первыми источниками инсайдов. А после того, как мне удалось разговорить Сесилию, в информационном вакууме наконец-то появилась первая брешь.

Картина мира потихоньку складывалась, но я отлично понимала: рассказы Сесилии и сплетни Малии — это лишь верхушка айсберга. Мне нужны были сухие параграфы закона и жесткие факты, а не чужие трактовки.

«Итак, Виктория, промежуточные итоги аудита понятны, но список вопросов всё еще огромный», — привычно включился мой внутренний контролер.

Во-первых, что из себя представляет Империя Светлых, гордо именуемая Айвари, на самом деле? Позолоченную теократию или эффективную военную диктатуру?

Во-вторых, какова реальная обстановка в Тенебрисе — на родине таких, как я? Из рассказов Малии выходило, что это земли вечных сумерек и раздора. Но я слишком хорошо знала, как работают государственные вбросы и пропаганда. Что там происходит на самом деле?

В-третьих, каков юридический статус темных Теней в Империи Темных? Существуют ли законы обмена пленными? Есть ли у меня на той стороне хоть какие-то права, семья, статус? Если я решусь на побег, куда мне бежать — в пустоту или туда, где меня ждут?

И, наконец, самое важное: были ли в истории этого мира такие же попаданцы, как я? Эту часть своей истории я продолжала тщательно скрывать, боясь стать объектом для опытов в местных лабораториях. На редкие вопросы о том, почему я не знаю элементарных вещей, я неизменно отвечала: «Провалы в памяти после травмы». Удобная легенда, которая временно снимала с меня ответственность.

Как управленец, я жестко разделила задачи. Сначала — разобраться в местных правилах и обеспечить безопасность здесь и сейчас. А уже потом искать способ вернуться домой. В моем мире информация стоила дороже нефти. Здесь она стоила жизни.

— Тори, ты чего замерла? — Малия коснулась моего локтя, заглядывая в глаза. — Нам еще нужно успеть подготовить гостевые покои в восточном крыле. Сесилия сказала, что господин ждет важных гостей, и если мы не закончим вовремя...

— Я в порядке, Малия, — отозвалась я, заставляя себя улыбнуться. — Просто прикидываю объем работ. Веди, показывай фронт задач.

Пока мы шли, я методично продолжала осматривать каждый коридор, подмечая посты охраны и выходы. Из разговоров с напарницей я уже знала, что в замке есть главный информационный архив герцога — его огромная библиотека. Малия рассказывала о ней с восторгом, но тут же опустила меня на землю: замок огромный, библиотека в другом кры-

ле, а у нас из-за бесконечной уборки просто нет времени на прогулки.

Но я была бы не я, если бы не нашла способ обойти этот запрет. В этой библиотеке сто процентов хранились оригиналы законов Айвари. И если я хотела найти лазейку в своем «контракте», мне нужно было попасть именно туда. Лично изучить первоисточники, а не довольствоваться слухами.

По крайней мере, пока ко мне никто не лез, и я могла спокойно планировать свои первые шаги.

Знала бы я тогда, что я окажусь так не права.

Глава 3. Архитектура контроля.

Тори.

Да. Я слегка переоценила свои силы...

Малия была абсолютно права: свободного времени у нас не оставалось в принципе. Одно дело — построить в голове красивый план выживания, и совсем другое — столкнуться с суровой реальностью.

Первые две недели в Астер-Холле прошли в режиме жесткого, изнурительного тест-драйва. Я осваивала роль бесправной Тени на практике: физической нагрузки было столько, что к вечеру темнело в глазах. Да, общую схему этого мира я благодаря Сесилии уже примерно понимала, но конкретные законы Айвари, в которых могли скрываться лазейки для моего освобождения, всё еще оставались закрытой книгой. До библиотеки — если бы я ещё её нашла — я банально не могла дойти, ноги не держали.

Каждый день замок Астеров методично проверял мое новое тело на прочность. Огромные гостевые покои восточного крыла, анфилады бесконечных коридоров, тяжелые гобелены, которые нужно было выбивать до идеальной чистоты, — система Маркуса Астера требовала безупречности во всем.

Впрочем, само тело постепенно адаптировалось к нагрузкам и наконец-то стало походить на живое. Намного улучшился цвет лица, а на костях появились первые здоровые

сантиметры — и всё благодаря строго контролируемому питанию, за которым Малия следила с фанатичностью заправского диетолога. Уж не знаю, какая у неё была глубинная мотивация, но каждый раз, когда мне удавалось немного поправиться, Малия воспринимала это как свою личную, грандиозную победу.

Самого герцога за эти недели я видела редко, да и то исключительно издалека. Но парадокс заключался в том, что Маркуса Астера могло не быть рядом физически, но его присутствие ощущалось повсюду. Оно стало для меня константой, фоновым шумом, к которому я привыкла быстрее, чем к тяжести рабского ошейника.

Вопреки моим первоначальным страхам — ведь я слишком хорошо помнила мрачные исторические хроники земного рабства, — герцог не применял грубых мер воздействия на рабов. В Астер-Холле не было слышно свиста плети или истошных криков. Здесь карали иначе, гораздо тоньше и изощреннее: абсолютной изоляцией, лишением и без того скудных привилегий и изнурительным, удушающим контролем.

Но я справлялась. До определенного момента. На исходе третьей недели система дала сбой, причем по моей вине.

Завернув за угол со стопкой свежих простыней, я на полном ходу врезалась во что-то монументальное и твердое, пахнущее густым, терпким сандалом и морозной хвойной горечью. Ткань лавиной разлетелась по полу, а я, едва удерж-

жав равновесие, вскинула голову и замерла.

Это был он.

Маркус Астер стоял неподвижно, сверху вниз разглядывая меня. От него веяло холодом и тем самым, уже знакомым мне, тяжелым мускусным шлейфом, который словно перекрывал доступ к кислороду. Первые секунды его взгляд был абсолютно пустым и холодным — герцог смотрел на меня так, словно вообще не мог вспомнить, кто я такая и что делаю в его доме. Но затем в его сканирующих глазах что-то изменилось. Он замер, застыв каменным изваянием, и пауза затянулась настолько, что в моей голове цинично промелькнула мысль: «У него что, припадок? Может, симулировать обморок или просто тихо сбежать под шумок, пока хозяина замкнуло?»

Но сбежать мне не дали. Герцог отмер, еще раз препарирующим взглядом скользнул по моему лицу, резко развернулся и ушел, не проронив ни слова и даже не приказав наказать за испорченное белье.

А уже вечером Сесилия «осчастливила» нас с Малией распоряжением о срочном переводе.

Пока моя несменная напарница восторженно ликовала, собирая инвентарь и щебеча о том, как нам повезло оказаться поближе к парадной жизни замка, я лишь хмурила брови. Мой внутренний аналитик требовал ответов. Что произошло в том коридоре? Он действительно умудрился забыть обо мне на все эти три недели? Если так, то временная амнезия

руководства была мне только на руку. Но если его ступор и этот внезапный перевод — часть какого-то другого плана, то чем этот шаг обернется для моей безопасности?

Возможно, я зря волновалась, и он правда не видел во мне ничего, кроме очередной безликой Тени. Наверное...

Но весьма скоро я поняла, что тихая жизнь закончилась, и начала искренне скучать по нашему старому, скучному и пустому гостевому крылу. На новом месте скрыться от внимания хозяина Астер-Холла стало невозможно.

Формально герцог делал вид, будто я лишь часть интерьера, вроде антикварных ваз в коридоре. Но мой внутренний радар фиксировал иное. Стоило мне оказаться с ним в одном пространстве, как я кожей чувствовала его цепкий, преследующий взгляд. Маркус отслеживал каждое мое движение, каждую мимолетную реакцию. Хуже того, объем моих задач рос в геометрической прогрессии. Герцог через Сесилию нагружал меня работой так, словно намеренно проверял предел моей выносливости.

Малия только диву давалась, безропотно помогая мне справляться с этой лавиной поручений. Порой она хитро поглядывала на меня и подшучивала, что Хозяин слишком уж часто заходит проверить пыль именно там, где работаю я, и что такое внимание к простой Тени — знак особого интереса.

Я же лишь сухо отмахивалась. Проработав годы в бизнесе, я слишком хорошо знала эту стратегию. Никакой романтики

тут не было и в помине. Для меня это был банальный стресстест: жесткий руководитель проверяет надежность нового, непонятного актива, прежде чем задействовать его в реальном проекте.

Впрочем, у этого изнурительного перевода обнаружился один весомый, жирный плюс, который перекрывал все минусы. Я наконец-то сделала первый реальный шаг в своем «Проекте Свобода» — обнаружила библиотеку.

К моему удивлению, вход в этот зал знаний не охранялся трехглавыми псами — по крайней мере, в его общую часть. Сама библиотека Астер-Холла была великолепна той парадной роскошью, от которой перехватывало дыхание. Огромные двухъярусные стеллажи из темного дерева уходили под самый потолок, пахло дорогой кожей, старой бумагой и воском, а сквозь огромные витражные окна падали разноцветные лучи солнца.

Пока мы на автомате протирали поверхности, Малия, замороженная этой красотой, то и дело восторженно дергала меня за рукав. Она шепотом умоляла меня обратить внимание то на изящную резьбу балюстрады, то на невероятную лепнину с изображением величественных крылатых ящеров, то на старинные чернильницы.

Но меня вся эта музейная эстетика совершенно не интересовала. Красивые интерьеры не куются в кандалы, но и свободу они не возвращают. Меня интересовали исключительно знания.

Выждав момент, когда в зале не осталось других слуг или Теней, я без малейшего зазрения совести подошла к ближайшему стеллажу и решительно вытащила массивный фолиант в глухом переплете.

Малия от такой наглости едва тряпку из рук не выронила. Испуганно озираясь на массивные дубовые двери, она подскочила ко мне и отчаянно зашептала, активно жестикулируя:

— Тори, ты с ума сошла?! Положи на место!

— Я просто смотрю, Малия, — максимально невозмутимо отозвалась я, бегло перелистывая пожелтевшие страницы с сухими параграфами. — А что, знания для Теней официально запрещены законом?

Напарница вдруг неестественно для неё съёжилась. На её темной коже не было видно румянца, но по тому, как она резко отвела глаза, я поняла — девчонка страшно смутилась.

— Нет, но... — замялась она, непонятно почему растеряв всю свою обычную болтливость.

— Ну и отлично! — тут же обезоруживающе улыбнулась я, праздную маленькую тактическую победу.

Поставив фолиант на место, я начала медленно проходиться пальцами по другим корешкам, жадно вчитываясь в названия. К моему глубокому облегчению базовые языковые пакеты этого мира в моей голове работали исправно. Буквы не были похожи ни на один из алфавитов Земли, но мой мозг распознавал их автоматически, без малейшей задерж-

ки. Видимо, память предыдущей владелицы этого тела передала мне знание местной письменности по наследству — полезный бонус, позволивший впитывать информацию как губка.

Но всё, что попадалось на глаза прямо сейчас, было совсем не тем, что требовал мой «Проект Свобода». Я продолжала вчитываться в названия, стремительно теряя терпение.

— И это всё? — тихо спросила я, поворачиваясь к напарнице. — Тут только стихи, хроники древних династий и общие философские трактаты. Где законы? Где судебные архивы? Это что, вся библиотека замка?

Малия, продолжая нервно коситься на коридор, набожно прижала ладони к груди и выдохнула едва слышно:

— Всё?! Да ты что! Это лишь «открытая зона» для гостей и поверхностного чтения. Настоящие родовые архивы, исторические свитки и книги магии надежно скрыты вон за теми железными дверями в глубине. Туда обычным Теням путь заказан под страхом смерти, Тори. Даже не смотри в ту сторону!

Я провела взглядом по глухой, окованную металлом двери в конце анфилады. Закрытый сектор. Ограничение прав доступа. Что ж, вполне ожидаемо. Но даже эта малая, легально доступная доля, оставшаяся на открытых полках, сейчас была для меня бесценным ресурсом.

В этот же вечер, выкроив время после окончания работы и ужина, я приступила к делу. Главное в таких операциях

делать максимально уверенный вид, будто ты идешь четко по распоряжению руководства. С этим выражением лица я и прошмыгнула в библиотеку.

Убедившись, что в зале никого нет, я замерла перед бесконечными рядами тяжелых корешков. Мои пальцы коснулись первого фолианта. Пора было выяснить, по каким законам играет эта Империя.

С этого момента моя жизнь раздвоилась. Днем я оставалась идеальным, безропотным исполнителем, но ночью, безжалостно жертвуя драгоценными часами сна, я возвращалась к стеллажам. Тайком, страница за страницей, я поглощала тексты, выстраивая в голове вертикаль власти этого мира, изучая его экономику и жесткие социальные регламенты. Мне нужно было найти юридическое подтверждение тем сухим и безжалостным схемам рабства, о которых мне за бурбоном проговорила Сесилия. Информация была моим единственным ликвидным активом в этой клетке, и я наращивала его с фанатизмом инвестора, запрыгнувшего в перспективный стартап.

Однако работа на износ в две смены — дневную на Хозяйина и ночную на саму себя — рано или поздно должна была привести к сбою. Человеческий ресурс имеет свой лимит. В корпоративном мире это называется системным выгоранием, а на практике оборачивается банальной потерей концентрации в самый неподходящий момент.

Спустя неделю моих ночных бдений информационная пе-

регрузка взяла свое: я отключилась прямо в библиотеке, уткнувшись носом в тяжелый фолиант по геополитике Разлома двух Империй.

Проснулась я от резкого чувства опасности. В зале стало невыносимо, неестественно холодно, а воздух буквально вибрировал от напряжения. Сначала я почувствовала запах — густой, ледяной сандал, перебивающий затхлую библиотечную пыль. Он проникал в легкие, лишая возможности мыслить рационально, и от этого осознание реальности пришло быстрее, чем я успела открыть глаза. Я подняла взгляд, признаюсь, трусливо скрестив пальцы, чтобы мне показалось, чтобы там никого не было. Но конечно же...

— В Айвари за порчу государственных архивов слюной отсекают пальцы, — ровно, без единой эмоции произнес герцог, хотя на одно мгновение мне показалось, что в его глазах сверкнула искра веселья.

Я рефлекторно вытерла уголок губ и быстро посмотрела на сухую пожелтевшую страницу. Слава богу, никаких пятен от слюны. Я медленно подняла взгляд на герцога, всё ещё прижимая пальцы к губам. Уверена, в моих глазах читался немой вопрос: «Ты сейчас серьезно, или у тебя настолько специфическое чувство юмора?». Но тот самый блеск, который мне померещился, бесследно исчез. Маркус смотрел на меня совершенно непроницаемо, и в этой тишине воздух снова стал тяжёлым, пропитанным терпким сандалом и хвоей.

Поняв, что попытка разрядить обстановку провалилась, я решила, что лучшая защита — это нападение.

— В тех землях, откуда я пришла, за нецелевое использование ресурсов просто выставляют штрафной счет и временно ограничивают доступ, эйр Астер, — максимально собранным, деловым тоном отозвалась я, глядя ему прямо в глаза. — Отсекать пальцы — это экономически неэффективно. Ими гораздо удобнее проводить инвентаризацию ваших фондов.

Я внутренне приготовилась к гневу. Ждала, что он немедленно вызовет управляющую для наказания. Но герцог лишь медленно подошел ближе. Его сандаловый шлейф накрыл меня с головой, вытесняя запах старой бумаги, а он продолжал приближаться, пока не склонился прямо над моим лицом.

Маркус пристально всматривался в мою щеку, и вдруг уголок его строго очерченных губ едва заметно, почти незаметно дрогнул. Я уже хотела съязвить — неужели сухие параграфы из главы о Разломе Империй от долгого контакта действительно отпечатались на моей коже зеркальным шрифтом? Наверное, сейчас я выглядела максимально нелепо. Но стоило мне приоткрыть рот, чтобы нарушить тишину, как его взгляд плавно переместился на мои губы.

Мимолетная усмешка тут же сошла с лица герцога, и он резко нахмурился. Его взгляд мгновенно потяжелел, став препарирующим и темным. Теперь он смотрел на меня в

упор — точь-в-точь как генеральный директор, который застукал перспективного сотрудника за промышленным шпионажем в пользу конкурентов.

— Наказанием за твою беспечность будет... труд, Тень. Раз уж ты так стремишься к знаниям, ты приведешь этот сектор в идеальный порядок. По алфавиту, по датам и даже по авторам. Одна ошибка, и я закрою библиотеку для тебя навсегда.

Это было изощренно. Вместо примитивной физической боли он применил санкции к моему важнейшему источнику ресурсов. И он не блефовал. Весь следующий день Хозяин Астер-Холла не покидал библиотеку. Он сидел в глубоком кресле с раскрытой книгой, не проронив больше ни слова, но я спиной чувствовала его тяжелый, контролирующий взгляд каждую секунду. Он словно лично проводил жесткий стресс-тест моей выдержки. Остальные Тени и слуги, как мне тогда казалось, даже не заглядывали в библиотеку, обходя ее по широкой дуге, буквально дрожа от одного присутствия герцога.

А я... к своему собственному удивлению, ловила себя на шальной мысли, что этот тотальный надзор со стороны высшего руководства бодрит меня лучше любого крепкого кофе. Поэтому смело встречала его взгляд, когда мы пересекались глазами.

В следующие дни наше противостояние превратилось в своеобразную игру в шахматы, где каждый ход считывался

во взгляде или жесте. Пару раз мы сталкивались в узких коридорах поместья, где было не разойтись, не задев друг друга аурами.

Согласно этикету Айвари, я должна была вжаться в стену и покорно опустить глаза. Но мой внутренний управленец отказывался подписывать этот приказ. Вместо этого я лишь слегка склоняла голову — ровно на тот угол, который отделяет вежливость от подобоострастия, — и продолжала изучать герцога и его мир как сложный, многомиллиардный кейс.

Маркус каждый раз застывал. На его бледной скуле перекатывался желвак, а в темно-синих глаз вспыхивал ледяной всполох. Он явно не привык, чтобы имущество смотрело на него с таким экспертным интересом. В его мире вещи подчиняются, а не анализируют владельца. Но герцог, как ни странно, не наказывал меня за дерзость. Он лишь смотрел — долго, пытливо, с мрачным любопытством, словно пытался взломать мой код.

Особенно остро это ощущалось в библиотеке. Как-то вечером я проскользнула туда, поверив слухам, что дела заставили хозяина покинуть Астер-Холл. Я уже предвкушала блаженные часы в тишине, но стоило переступить порог, как сердце пропустило удар: в своем любимом кресле сидел он.

В неверном свете магических ламп его профиль казался высеченным из мрамора. Я застыла, судорожно прикидывая путь к отступлению. Но Маркус, даже не поднимая взгля-

да от страницы книги, которую он читал, коротко и властно махнул рукой. «Работай, раз пришла», — без слов читалось в этом движении.

Я прошла к дальним стеллажам, взяла тяжелый том по истории правовых актов и устроилась за соседним столом. Мы сидели в десяти метрах друг от друга, разделенные веками сословной пропасти и сапфировым ошейником на моей шее. Но в тот момент я позволила себе думать, что мы лишь два партнера на затянувшихся и очень тяжелых переговорах, где у каждого своя жесткая позиция, но правила игры одни на двоих.

— Почему ты не боишься меня? — внезапно нарушил он тишину.

Его низкий голос прозвучал так неожиданно, что я едва не выронила книгу. Герцог всё так же смотрел на страницу, но его пальцы, сжимавшие переплет, напряглись.

— Страх для человека — плохой советник, эйр Астер, — автоматически ответила я любимую фразу тети Дуси максимально ровным тоном. — Он затуманивает логику и мешает оценивать риски. К тому же Вы слишком цените эффективность, чтобы портить ценное имущество ради минутного гнева.

Маркус наконец поднял голову. Наши взгляды встретились.

— Ты слишком много думаешь для Тени, — произнес он. — И слишком часто используешь слова, которых нет ни в

одном словаре Империи.

— Возможно, вам стоит обновить свои словари, — парировала я, прежде чем успела включить самоцензуру.

В его глазах промелькнула тень усмешки — мимолетная, почти невозможная для этого ледяного лица. Маркус не вернулся к чтению, чтобы подчеркнуть мою незначительность, как делал обычно. Вместо этого он медленно закрыл книгу, отложил её в сторону и встал.

Он сделал шаг к моему столу, неотвратимо, ломая привычную дистанцию.

Я продолжала сидеть, вцепившись в край столешницы, когда герцог склонился надо мной, опираясь ладонями на дерево. Он был так близко, что я почувствовала жар его тела. Его пальцы легли в каких-то миллиметрах от моей кисти. Мы не коснулись друг друга, но воздух между нами сгустился настолько, будто он физически прижал мою руку к столу.

— Тогда скажи мне, Тори. Что такое «человек»? — его голос опустился до едва различимого рокота.

Он наклонил голову, и его тяжелый, тягучий взгляд медленно скользнул от моих глаз вниз, задерживаясь на губах с такой пугающей интенсивностью, будто он пробовал их на вкус. Затем ниже — к пульсирующей жилке на шее, где поблескивал ошейник.

В легких стало горячо, как перед грозой. Сердце забилось о ребра с такой силой, что в звенящей тишине он мог слышать этот ритм.

«Черт. Спалилась», — запоздало щелкнуло в мозгу. Но я не позволила себе отклониться назад. В моем мире отступление означает проигрыш. А я не собиралась сдавать позиции этому СЕО в его же офисе.

— Отвечай, — выдохнул он мне почти в губы, и его зрачки расширились, практически затопив радужку. — Откуда в твоей голове слова, которых не существует в этом мире?

Его длинные пальцы продвинулись по столу и на мгновение задели мои. Между нашими руками ощутимо заискрило, будто ударило током.

— Человек... — мой голос надломился, стал хриплым. — Это субъект воли, эйр Астер. Тот, кто осознает себя вне зависимости от внешней классификации.

Маркус прищурился, его взгляд снова вернулся к моим губам с отчетливым, голодным блеском. Его дыхание, пахнущее горьким кофе, коснулось моей щеки.

— Субъект воли? — повторил он с опасной бархатистостью. — Ты рассуждаешь как философ, потерявший разум, или как шпион, забывший легенду. В Айвари нет места для «субъектов» без Света. А ты...

Еще секунда, и воздух в библиотеке готов был вспыхнуть. Его пальцы едва заметно дрогнули, стремясь преодолеть последний барьер и вновь коснуться моей кожи, но Маркус резко сжал руку в кулак и отступил на шаг. Маска ледяного безразличия вернулась, хотя тяжелое дыхание выдавало бурю.

— И всё же ты сидишь передо мной и торгуешься за смыс-

лы слов, — отчеканил он, и в его голосе снова зазвучал привычный металл. — Ты не просишь пощады. Ты анализируешь меня. Кто вложил в голову рабыни мысли о «субъектах»?

Я хотела ответить что-то ироничное про курсы МВА, но слова застряли в горле.

— Что бы ты ни искала в этих фолиантах, в этом доме нет путей вперед для таких, как ты. Потому что «человек» в ошейнике — это оксюморон. Ты Тень, Тори. Инструмент в моих руках. Твой предел — безупречно чистые полы. Всё остальное — опасные галлюцинации, которые я советую тебе выжечь из головы, пока это не сделал кто-то другой.

Он развернулся и ушел, а я проводила его взглядом, фиксируя, как дрожат мои пальцы. Маркус Астер не был просто тюремщиком. Я видела это в его глазах, когда его зрачки расширились от случайного касания. Он был похож на организм, в кровь которого попал смертоносный яд, вызывающий сладкую лихорадку. Я была для него этой болезнью, ломающей безупречный порядок. И самое страшное — эта лихорадка ему нравилась.

Но больше он ко мне так близко не подходил. Все следующие дни герцог лишь «кружил» по орбите, не приближаясь, но и не выпуская меня из поля зрения. Я постоянно ощущала его тяжелый контроль: и в саду, когда подрезала розы, и во дворе, когда мы с Малией выбивали ковры. Он ждал, когда я сломаюсь и заговорю на языке рабов.

Но я планировала заговорить с ним на языке законов, которые он сам считал незыблемыми.

К концу первого месяца моего прибывания в новом мире и ночных бдений первичный аудит законодательства Айвари был завершен. Из сотен прочитанных страниц я выжала главное: легальные лазейки для Теней существовали, но все они сводились либо к неподъемному экономическому выкупу, либо к безумным судебным прецедентам, которые утверждал лично Император. Самые ценные козыри, регулирующие статус «особых» Теней, Маркус скрывал в закрытом секторе.

И раз в открытых правилах Империи готового решения для меня не нашлось — я была готова вытащить его из-за железных дверей. Я изучу этот скрытый архив. А если там не окажется законного пути — я создам его сама, используя их же логику против них.

Я была так сосредоточена на своем «Проекте Свобода», что пропустила важный сигнал — резкое изменение атмосферы в доме. Сесилия стала еще более дерганой, повара без устали готовили самые изысканные деликатесы, а Маркус... Маркус перестал «кружить». Он заперся в своем кабинете, и запах хвои в коридорах сменился ощущением надвигающейся бури.

На следующее утро буря обрела имя.

Глава 4. Алесса.

Тори.

— Идем, милая, нам пора! — Малия ворвалась в мою комнату, когда солнце едва коснулось шпилей замка.

Впрочем, я уже была на ногах. Все казалось обычным, но, когда напарница бросилась ко мне и лихорадочно, с какой-то пугающей суетой начала поправлять мне воротник формы, я перехватила её запястья. Её пальцы заметно дрожали, а в небесно-голубых глазах плескался самый настоящий, первобытный страх.

— Малия? Что случилось?

— Сегодня нам нужно будет выйти на парадную террасу, — быстро, почти без заминки зашептала она, испуганно оглядываясь на дверь. — Леди Алесса прибыла вчера поздно вечером.

— Алесса... это его невеста, да? — я нахмурилась, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Погоди, но это же вообще не наше крыло, нас опять переводят?

После нашей стычки с герцогом в библиотеке прошло около двух недель. Маркус Астер словно вычеркнул меня из своего расписания. Ночные залы библиотеки теперь принадлежали мне одной, да и объем моих дневных задач по его указке резко сократился. Я вообще перестала его видеть. В какой-то момент я даже поймала себя на мысли, что без поня-

тия, в поместье ли герцог вообще или уехал по делам Империи — замок казался вымершим. По идее мне следовало радоваться такой передышке и спокойно заниматься своими поисками. И я радовалась. Наверное.

Малия на мгновение замялась, снова оглянулась на дверь и добавила еще тише:

— Вчера вечером она была не в духе. Слуги шепчутся, что господин до глубокой ночи не выходил из кабинета, сославшись на срочные дела. Леди Алесса улыбалась, как ни в чем не бывало, но все вазы в её покоях к утру оказались разбиты... случайно, конечно. Ночью она требовала списки всех новых приобретений Дома, а утром прилетел этот приказ. Идем же, Тори!

На мгновение сердце странно сжалось, но я решительно подавила этот глупый порыв. В Москве на переговорах мне приходилось сталкиваться с куда более агрессивными и капризными стейкхолдерами, так что ревнивая невеста, крушащая интерьер — точно не повод для паники. Я подняла бровь, глубоко вдохнула и уверенно пошла за напарницей.

Мы миновали анфиладу парадных залов. До этого я видела господскую часть Астер-Холла только издалека, со стороны парка, где мы с Малией выбивали ковры. Изнутри же это крыло поражало тяжелой, подавляющей роскошью: высокие своды, бесконечные галереи и гобелены, от которых за милю веяло вековой историей и огромными деньгами.

Но когда мы вышли на террасу, у меня по-настоящему пе-

рехватило дыхание.

Вид на бесконечные сады, утопающие в утреннем тумане, и величественные шпили замка на горизонте был монументальным. Безупречная архитектура, масштаб, ландшафтный дизайн — если бы на моей шее не поблескивал ошейник, я бы уже на автомате прикидывала стоимость этого актива на международном рынке недвижимости.

А так как ошейник был, не давая забыть мне о моем новом статусе, я быстро повторяла действия Малии, которая точечными, выверенными движениями расставляла приборы. Посуду и еду доставил крепкий парень, один из Теней. Я заметила, как при взгляде на него Малия на мгновение засмушалась и сбилась с ритма своего щебетания. Видимо, корпоративные романы не чужды и Астер-Холлу.

Когда он покинул нас и всё было расставлено в строгом соответствии с местным ГОСТом, Малия жестом указала мне на место за стульями, где мы должны были застыть в ожидании.

— Слушай внимательно, Тори, — голос Малии стал совсем тихим, почти неслышным. — Когда выйдет леди, не смотри ей в глаза. Вообще. Смотри на её туфли, на край скатерти — куда угодно. Она очень внимательна к деталям, а ты... ты слишком красивая, чтобы...

Договорить она не успела. Тяжелые створки дверей распахнулись с едва слышным шелестом, представляя нам невесту герцога, будущую хозяйку Астер-Холла.

Леди Алесса была идеальным воплощением светлой аристократии. Пока она медленно, с королевским превосходством шла ко столу, я успела рассмотреть её во всех деталях. На ней было платье цвета топленого молока, расшитое сложными темно-красными узорами, но внимание приковывало не это. Плечи эйры венчали великолепные наплечники из матового золота, украшенные каплевидными алыми кристаллами, которые, казалось, пульсировали внутренним светом при каждом её движении.

Из книг библиотеки герцога я уже знала, что одежда и цвета в Айвари играли ключевую роль в социальном позиционировании. В Империи Светлых именитые рода владели строго закрепленным оттенком, который был так же важен, как родовое имя. Это работало как незримое клеймо, вшитое в саму ткань мироздания. Магия цвета в Империи Светлых была абсолютным законом: чужой оттенок на одеждах не просто считался самозванством — он ощущался кожей как фальшь, а сама магия могла обернуться против того, кто посмел его примерить. Это была печать судьбы, которую невозможно подделать или смыть.

К примеру, мой герцог... хм, то есть наш герцог был сапфировый. Цвет, который я сейчас носила не только в форме прислуги, но и в камне моего ошейника. Именно поэтому камень на нем сменил цвет в ту самую секунду, когда Маркус завершил сделку в таверне. Сапфировый блеск, глубокий и холодный — теперь это был знак моей принадлежности к

дому Астеров. Мой новый «паспорт», выжженный в камне и магии. Теперь понятно, почему он тогда так акцентировал внимание на том, что я «ношу цвета его семьи».

Что ж, впрочем, спасибо и на этом. Сапфир всегда был моим любимым драгоценным камнем. Чисто теоретически, моим хозяином мог оказаться какой-нибудь престарелый барон с пристрастием к мутным агатам или ядовито-зеленым хризолитам, которые категорически не подходят к моему цветотипу. А тут — глубокий синий, благородная классика, почти привычный корпоративный дресс-код. Если, конечно, на секунду забыть о том, что этот «дресс-код» намертво застегнут на моей шее.

Поначалу меня, как человека с Земли, знатно путала вся эта металлическая роскошь вокруг. Изучая хроники, я судорожно пыталась понять: если высшая аристократия закрепила за собой драгоценные камни первой величины, оставив императорскому роду абсолютную монополию на золото, то почему это самое золото блестит на доспехах того же Маркуса или наплечниках Алессы?

Мой внутренний аналитик быстро навел порядок в матчасти. Оказалось, нужно четко разделять физический металл и Родовой Цвет. Использовать золото, платину или серебро в качестве ювелирной оправы, фурнитуры или элементов брони не запрещалось никому из высшей знати — это был лишь маркер запредельной ликвидности. Но упаси тебя бог сделать золото своим главным геральдическим цветом. Но-

сшить полностью золотые мантии, красить в этот цвет родовые флаги или обладать золотым свечением ауры имел право только императорский дом. Это был их доминирующий спектр магии.

Ко всему прочему, у самого правящего дома могло быть множество ветвей, но чем отдаленнее было родство со старшей линией — к примеру, с будущим Императором, — тем меньше в их одежде, знаменах и геральдике оставалось того самого чистого, доминирующего золотого сияния.

Нижние касты и вовсе довольствовались стандартным спектром — обычной радугой, из серии «Каждый охотник желает знать...». Средний класс пытался казаться выше, выбирая суррогаты: наш главный повар Лаурье, будучи свободным эйром, носил голубой, но при каждом удобном случае подчеркивал, что это «цвет лазурита».

Но особняком во всей этой кастовой структуре стояли Носители Древней Крови.

И вот тут следовало различать нюансы, в которых я разобралась далеко не сразу. Да, и светлые, и темные в массе своей считали себя потомками драконов на уровне биологии. Но Древние Рода, если верить преданиям, вели свои родословные от Правящих Драконов — сильнейших титанов первородной магии. Эти легендарные существа стояли над всеми остальными, ведали балансом мира и, как шептались мифы, напрямую подчинялись воле Бога Солнца и Богини Луны.

Но до того, как драконы покинули этот мир, Боги, которые

прежде были едины, по какой-то неведомой причине разъединились. Этот теологический раскол и породил нынешние расы: Бог Солнца создал светлых, а Богиня Луны — темных. Разные расы, разные виды магии. Но Драконы когда-то были их общим божественным детищем. Именно поэтому обе расы, несмотря на взаимную вражду, одинаково считались анатомическими потомками великих ящеров, которых в Эйри больше не осталось.

Эх... я на Земле в книгах всегда обожала драконов, и какая ирония, что я попала в мир, где от них остались лишь сказки.

Сказки, которые для большинства оставались красивым мифом, но для элиты служили вполне осязаемым инструментом контроля. Как говорится в моем мире: кто владеет информацией — тот владеет миром. Древние рода прекрасно пользовались этим правилом, тщательно оберегая свои секреты и оставаясь на самой вершине аристократии, включающей правящую династию и лишь несколько избранных фамилий, вроде тех же Астеров. Говорили, что их родовые цвета и уникальные магические маркеры напрямую связаны с пламенем или чешуей тех самых первородных владык.

Однако в официальной истории Правящих Драконов и этих древних родов зияли огромные, просто неприличные пробелы. В тех книгах, что мне удалось изучить в библиотеке герцога, хронология выглядела сильно отредактированной. Вся по-настоящему подробная информация, юридиче-

ские акты прошлых эпох и летописи Первых явно хранились в закрытых архивах, куда у меня, как у «инвентаря» младшего звена, не было ни единого шанса попасть. Пока что.

Что касается стиля Империи Светлых, он сохранял строгость линий и обилие металлических вставок, которые я заметила еще в таверне. Но чем выше статус, тем сложнее становились элементы. Наплечники были своего рода маркером ликвидности — позволить их себе могли немногие, а по их отделке, форме и длине плаща можно было безошибочно определить ранг в обществе.

И судя по пульсирующим рубинам на расписных наплечниках, ранг у гостей был запредельным. Как мне в свое время шепнула Малия, Алесса была графиней, потерявшей родителей еще в детстве и взятой под опеку самим Регентом, отцом Маркуса.

Я смотрела на неё, к своему стыду, едва ли не приоткрыв рот. Её лицо имело форму безупречного, острого сердца: фарфоровая кожа контрастировала с платиновыми волосами, в которые был искусно вплетен жемчуг. Вместо привычной косметики на её коже сияли изящные золотые линии — они тянулись от висков к высоким скулам, визуально заостряя и без того волевой подбородок. Миндалевидные глаза Алессы, цвета плотного дорогого вина, таили в себе нечто древнее и пугающе властное, а пухлые, покрашенные алым губы застыли в холодном, безупречном изгибе.

Кончики её изящных, острых ушей были унизаны сереб-

ряными каффами, а руки от запястий до кончиков пальцев скрывались под хитросплетением колец и браслетов. Такие украшения здесь были не просто прихотью, а верификацией статуса, подчеркивающей силу рода. А от Алессы исходила почти физически ощутимая волна превосходства и абсолютной власти над этим миром. Она медленно приближалась ко столу, и её взгляд, холодный и острый, как скальпель, сразу вонзился в меня. Графиня полностью проигнорировала застывшую Малию, сосредоточившись на моей фигуре с той тщательностью, с какой опытный закупщик осматривает дефектный товар.

Я послушно опустила глаза, делая вид, что изучаю её великолепный подол, расшитый алыми нитями, но это была лишь секундная тактическая уступка.

— Это она? — голос Алессы прозвучал капризно и хлестко. — Та самая новая Тень, которую Маркус притащил сюда лично?

Я замерла, краем глаза отмечая, как скривился её утонченный нос. Она смотрела на меня, как на грязь под своими дорогими туфлями. Маскирующий браслет на моем запястье едва заметно нагрелся, пульсируя в такт учатившемуся сердцебиению.

Я медленно подняла взгляд. Мои движения были плавными и выверенными — я годами тренировала эту «непробиваемую вежливость» на переговорах с самыми сложными клиентами в моем мире. Когда мои глаза встретились с её, я не

отвела взгляд.

Алесса ожидала увидеть страх. Или мольбу. Возможно, даже искру ненависти, которая бы её позабавила. Но она наткнулась на зеркальную гладь моего профессионального равнодушия. И это вывело её из равновесия быстрее, чем любая открытая дерзость.

— Ты... — она запнулась, её пухлые губы гневно дрогнули, а золотистые линии на скулах, казалось, вспыхнули ярче.

Но затем она внезапно улыбнулась — холодно и хищно — и грациозно опустилась в кресло. Начался спектакль. В течение следующих двадцати минут Алесса изводила нас мелкими, абсурдными поручениями. «Подай это», «Налей то», «Слишком горячо», «Слишком холодно». Малия металась бледной тенью, пытаясь угодить, но я видела, как Алесса следит не за приборами, а за мной. Она искала во мне признаки того самого «особого отношения» Маркуса, о котором шептались слуги. И чем больше она их не находила, тем больше закипала.

На пике её раздражения, когда я подавала ей очередной напиток, Алесса нарочито расслабила пальцы. Тончайшая фарфоровая кружка выскользнула, с оглушительным звоном разбиваясь об пол прямо у моих ног. Горячий чай хлестнул по плитам, а фарфоровая крошка с резким звоном рассыпалась у наших ног.

— Ты! Убери это, — бросила Алесса, глядя на меня в упор.

Я молча опустилаcь на колени и начала собирать фарфор. Когда я потянулась за последним крупным куском, носок замшевой туфли Алессы «случайно» пнул мою руку. Осколок глубоко полоснул ладонь. Темная кровь выступила на коже. Малия вскрикнула и бросилась ко мне, но Алесса ледяным тоном приказала ей убираться прочь.

Оставшись со мной наедине, она наклонилась ниже. От неё волной накрыл густой, одуряюще-сладкий аромат дорогих лилий. Он был настолько интенсивным, что перебивал всё вокруг, словно Алесса хотела своим присутствием вытеснить в этой комнате любой другой запах, кроме своего.

— Почему ты молчишь? — прошипела она. — Маркус притащил в дом немую куклу? Пойми, Тень: он взял тебя как новую игрушку. Ему просто любопытно, на сколько тебя хватит, прежде чем он тебя выкинет.

Она брезгливо посмотрела на свои туфли, на которые брызнуло несколько капель моей крови, и её улыбка растянулась, обнажая ровно идеальные зубы, хотя на краткий миг мне показалось что я видела клыки.

— Слижи это, — приказала она, и в её глазах зажглось торжество. — Покажи свою преданность дому Астер.

Это было за гранью. Моя внутренняя «Виктория Павловна» — та, что закрывала многомиллионные сделки и ставила на место зарвавшихся чиновников, — окончательно перехватила управление. Я медленно поднялась с колен. Кровь с ладони крупными каплями стекала на светлый камень тер-

расы, но я даже не вздрогнула.

— Я не буду этого делать, — произнесла я ровным, глухим голосом.

Алесса вскочила, её лицо исказилось от ярости. Золотые линии на коже вспыхнули алым.

— Ты Тень! Грязь под моими туфлями! — прошипела она. — Встань на колени, немедленно! Я твоя будущая хозяйка, всех Теней поместья и всего Астер-Холла!

Я чувствовала, как ошейник остался холодным. Приказ не прошел. Что бы она ни говорила, магия рабского ошейника не считала её моей хозяйкой. Это дало мне ту самую долю свободы, в которой я нуждалась.

— Знаете, эйра, — я слегка склонила голову, глядя ей прямо в глаза, — там, откуда я родом, говорят, что истинное величие не нуждается в том, чтобы топтать тех, кто ниже. Если ваша власть держится только на злобе, то она куда эфемернее, чем этот утренний туман. И, судя по вашему бюджету на украшения, вы пытаетесь компенсировать то, чего вам катастрофически не хватает внутри.

— Ты... как ты смеешь так разговаривать со мной?! Смотреть на меня?! — выкрикнула она. Её лицо исказилось, теряя всю фарфоровую красоту. — Ты должна знать свое место, Тень!

Рука графини, усыпанная тяжелыми кольцами, взметнулась для удара.

Я лишь слегка склонила голову набок, заставив себя да-

же не зажмуриться. Ни единого движения, ни малейшей попытки защититься — пускай видит, что ментально я ей не подчиняюсь. И плевать, что рабская «память тела» в этот момент трусливо умоляла меня сжаться, упасть на колени и закрыть лицо руками. Мой прямой, изучающий взгляд стал последней каплей. Из безупречно покрашенного рта Алессы вырвался яростный выдох, и она резко повалила руку вниз, готовая наотмашь полоснуть меня острыми гранями серебряных перстней по щеке...

— Алесса, — низкий, ровный голос раздался от дверей, и от этого звука по террасе мгновенно прошел ощутимый ледяной фронт. Воздух вокруг словно застыл, в секунду превратившись в хрупкое, звенящее стекло.

Рука графини замерла в каких-то сантиметрах от моего лица. Я даже не моргнула, хотя кожей чувствовала могильный холод металла, едва не коснувшегося моего лица. А затем медленно, с абсолютным, почти вызывающим спокойствием перевела взгляд на вошедшего.

Герцог стоял в дверном проеме. Сегодня на нем был темно-синий мундир с высоким жестким воротом, который делал его фигуру еще более внушительной и суровой. Сапфировое сукно почти сливалось с тенью коридора, и только серебряное металлическое шитье на наплечниках холодно бликовало на свету. Лицо Маркуса, как всегда, напоминало безупречную ледяную маску, но в его обманчиво спокойном тоне было столько скрытой угрозы, что воздух на террасе,

казалось, мгновенно загустел.

— Не припомню, чтобы ты вступала во владение Астер-Холлом или я разрешал тебе рукоприкладство по отношению к МОЕМУ имуществу, — произнес он, медленно приближаясь к нам.

Алесса моментально опустила руку. Её лицо в мгновение ока приняло выражение невинной обиды, но я видела, как бешено пульсирует жилка на её шее.

— Маркус, дорогой! — она выпрямилась, пытаясь вернуть себе достоинство. — Я просто... я просто хотела показать новой Тени её место. В Астер-Холле всегда был идеальный баланс, и я, как твоя будущая жена, обязана поддерживать этот порядок. Она ведет себя крайне неуважительно. Я должна прививать смирение каждому, кто входит в этот дом, чтобы к нашему союзу здесь не осталось места для хаоса.

Маркус подошел к нам и остановился прямо между мной и своей невестой. Он не смотрел на Алессу — его пытливый, тяжелый взгляд был прикован к моему лицу.

— Она ведет себя ровно так, как я ей приказал, — отрезал он, и я почувствовала, как мой ошейник снова едва заметно нагрелся. — И её смирение, как и любой Тени, — это моё личное дело. Что же касается твоего статуса хозяйки...

Он повернулся к ней, и в его взгляде не было и тени той теплоты, которую она так старательно демонстрировала.

— Алесса, ты здесь гостя. Пока кольцо рода Астер не на твоём пальце, твоя власть в этом доме заканчивается на по-

роге твоих гостевых покоев. Не пытайся переписывать регламент в моем доме, пока я сам не вручил тебе перо.

Для Алессы это был сокрушительный удар по имиджу. Золотые линии на её скулах задрожали. На глазах у Тени жених фактически указал ей на дверь.

— Но Маркус! — выкрикнула она, её голос сорвался на высокую ноту, показывая слишком не свойственную светлым несдержанность. — Я лишь забочусь о нашей репутации! Она же...

— Это не обсуждается, — его голос стал опасно тихим.

Они смотрели друг на друга. Алесса искала в его глазах хоть каплю поддержки, но наткнулась на монолит. Она быстро стушеввалась, поняв, что дальнейший спор только сильнее уронит её авторитет. Она сделала глубокий вдох, заставляя маску «идеальной невесты» снова прирасти к лицу.

— Ты прав, милый. Я пока гостя, и здесь явно не хватает нежной женской руки, чтобы сгладить твою... излишнюю суровость, — Алесса жеманно улыбнулась и провела рукой по его груди, мельком бросив на меня взгляд, обещающий скорое возмездие. — Не волнуйся, после нашего Единения я наведу здесь настоящий Порядок. Каждая Тень будет приносить пользу тебе и нашей новой семье. Особенно — нашим будущим детям.

Она вновь приторно улыбнулась Маркусу, изо всех сил делая вид, что инцидент исчерпан и она всё еще на первом месте.

— Я вернусь во дворец, — Алесса обворожительно улыбнулась, восстанавливая дыхание после вспышки гнева. — Принц попросил меня лично доставить приглашение на его праздник моему любимому жениху. Я так скучала... Спасибо за прекрасную ночь, Маркус.

Она соблазнительно лизнула покрашенные губы, собственническим движением потянула его за лацкан сюртука, вынуждая наклониться, и поцеловала. Долго, демонстративно, не сводя с меня победного, торжествующего взгляда. Маркус застыл, не отвечая, но и не отталкивая её публично.

Наконец графиня отстранилась, коснулась подвески-амулета на шее и шагнула в открывшееся марево портала. Огненная вспышка погасла, оставив после себя шлейф чересчур сладких, удушливых духов и звенящую, тяжелую тишину.

Герцог не сводил взгляда с пустого места, где только что была его невеста. Никакой нежности — лишь окаменевшее лицо и кулаки, сжатые до побелевших костяшек. В его глазах, лишенных привычного ледяного спокойствия, темнело что-то угрожающее, отчего воздух вокруг, казалось, стал тяжелее.

Медленно, словно преодолевая внутреннее сопротивление, он перевел взгляд на мою руку, с которой все еще медленно капала кровь. Его зрачки мгновенно расширились, затапливая сапфировую радужку, и в этом тяжелом внимании промелькнуло нечто такое, от чего у меня по-настоящему

перехватило дыхание.

— Ты ранена, — констатировал он без намека на вопрос. Низкий голос прозвучал почти глухо.

— Случайность, Ваша Светлость, — ровно ответила я, хотя пульсирующая боль в ладони становилась всё навязчивее. — Фарфор чашки оказался на редкость хрупким.

Маркус проигнорировал мою жалкую попытку сделать вид, что графиня здесь ни при чем. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до непозволительного минимума.

— Дай. Руку.

В его голосе звучал такой приказ, что спорить было бы самоубийством. Я медленно протянула ему ладонь, стараясь, чтобы пальцы не дрогнули.

— В Астер-Холле не бывает случайностей, — отрезал он, окончательно нарушая дистанцию, которую сам же установил десять дней назад.

Он перехватил мое запястье — уверенно, но пугающе аккуратно. Пальцы герцога обожгли кожу, будто под ними циркулировало жидкое пламя. Маркус бережно развернул мою ладонь, изучая рваный порез.

Его лицо изменилось: вся показная холодность исчезла, сменившись тяжелой сосредоточенностью. Порез, благодаря регенерации моего нового тела, уже начал затягиваться, но Маркуса это, похоже, не успокоило. Он достал из кармана сюртука белоснежный платок и протянул мне.

Я скользнула взглядом по его безупречно очерченным гу-

бам и ровно произнесла:

— Оставьте себе, Ваша Светлость. Вам он, кажется, сейчас нужнее.

Герцог на мгновение завис. Видимо, он совершенно не привык к отказам.

Я молча провела кончиком пальца по своим губам, затем сделала едва уловимый жест в сторону его лица. Он проследил за моим движением, задержав взгляд на моих губах, а потом медленно поднес платок к своим. Стер остатки яркой помады Алессы и с каким-то недоумением посмотрел на алое пятно на белоснежной ткани.

Маркус снова поднял на меня глаза и... рассмеялся. Звук был живым, неуместным в этой обстановке. Он тут же осекся, замаскировав порыв сухим кашлем и возвращая себе привычную маску холодного аристократа.

— За подобную дерзость, Тори, любой другой господин уже приказал бы высечь тебя на конюшне, — в его голосах всё еще плясали опасные искры.

— И правда, — спокойно отозвалась я, глядя прямо на него. — А ведь могли бы. Вы наказали бы меня лично, Ваша Светлость?

Внутри меня на секунду похолодело. «Я что... флиртую с ним? Рискую головой ради сомнительного удовольствия по пикироваться?» Но отрицать очевидное было глупо: за те прошедшие дни я действительно скучала по нашим ментальным шахматам. И самое пугающее, что Маркус, кажется,

охотно принял правила этой игры.

— Мог бы, — неожиданно низким голосом, вызывая у меня мурашки, подтвердил он, делая шаг ближе. — И да. Сделал бы это сам.

О. Мой. Бог... Если бы кто-то знал, какие картинки в этот момент пронеслись перед моими глазами. Жесткие веревки на запястьях, хлёткое натяжение, чужие безжалостные и горячие руки — привет земной литературе категории «восемнадцать плюс», которую я когда-то почитывала вечерами ради разгрузки мозгов.

А этот, прости господи, герцог только усугублял ситуацию. Он наклонился еще ближе, буквально сминая мое личное пространство, окружая меня своей тяжелой, подавляющей энергетикой и густым запахом хвои и мускуса.

Его взгляд гипнотизировал, он словно пытался взломать мои щиты, выпотрошить и присвоить все секреты, что я так тщательно прятала. Внизу живота предательски, тугой волной потянуло вниз, а воздух между нами, совсем как тогда в библиотеке, наэлектризовался настолько, что по коже крупным бисером посыпались мурашки, а волосы на руках встали дыбом. Мое новое, молодое тело упорно отказывалось признавать в нем хозяина — ведомое чистыми инстинктами, оно видело в нем только опасного, чертовски привлекательного мужчину.

Но когда он медленно шевельнулся в мою сторону, сокращая и без того призрачную дистанцию, меня словно окатило

ледяной водой. Это мимолетное движение отрезвило мгновенно. Я отчетливо вспомнила алый след поцелуя Алессы на его губах — тот самый, который он только что стер своим же платком.

Внутри вспыхнуло резкое, жгучее раздражение.

«Виктория, соберись! — приказала я себе. — Ты для него — экзотический девайс». Наличие невесты и его двусмысленное поведение только подтверждали правоту графини: я лишь забавная игрушка, способная развлечь скучающего владельца своей дерзостью, пока ему не надоеет новизна.

Но не успела я развить эту мысль, как тень улыбки окончательно исчезла с его лица. Маркус моргнул и удивленно посмотрел на меня, словно сам не ожидал собственного порыва и того, как далеко зашел. Переведя взгляд на мою ладонь, он резко выхватил со стола чистую льняную салфетку, буквально всунул её мне в здоровую руку и, не оборачиваясь, стремительно вышел с террасы.

Малия, всё это время стоявшая в дверях, выглядела так, будто только что посмотрела финал самого кассового любовного романа в истории. Она восторженно зажала рот ладонями, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Было ясно: она едва сдерживается, чтобы не засыпать меня вопросами о том, что это, черт возьми, сейчас было. Хотелось бы и мне знать.

Всю следующую неделю я вновь не видела ни Маркуса, ни его высокосветской невесты. Я сосредоточилась на рабо-

те, продолжая с легкостью вытягивая информацию об этом устройстве мироздания из Малии, закрывая дыры, что не могла найти в библиотеке, или собирая сплетни от Сесилии, с которой мы продолжали частенько пить вечерний чай или что покрепче.

Наблюдая за всеми ними, я кожей чувствовала фундаментальную трещину, проходящую через этот мир. В голове постепенно складывалась цельная картинка — из того, что я вычитывала в книгах библиотеки (куда, как ни странно, мне по-прежнему оставался доступ), и того, что я видела своими глазами в Астер-Холле.

Но разница между двумя расами этого мира была куда глубже банальной вражды. Она крылась в самой природе их магии.

Светлые эйры, ярчайшим примером которых были Маркус и его невеста, казались мне существами холодного расчета. Их магия была внешней, структурной — они не генерировали силу сами, а лишь перенаправляли готовые Потоки стихий, крутя невидимые рычаги мироздания через жесткие формулы и самоконтроль. В их Империи открытые эмоции считались слабостью, «шумом», ломающим этот стерильный Порядок. По крайней мере, в официальной истории Империи Айвари во всех красках расписывалось, какими сильными и великими были светлые в прежние века. Как легко они подчиняли себе осязаемые элементы среды: будь то движение водных масс, невидимые воздушные течения, колебания

земли или чистая энергия света. По крайней мере так было до того, как драконы покинули этот мир.

Темные же были устроены иначе. Им не требовались внешние Потоки — они сами являлись генераторами, вырабатывая силу изнутри, выжигая и преобразуя в чистую магию эмоций, страсти или гнева, как собственных, так и окружающих. Их магия была намертво завязана на ментальное поле и чувства. Например, Малия умела неосознанно транслировать свое состояние окружающим, отчего рядом с ней мне всегда становилось так странно спокойно, особенно когда эта лира улыбалась.

И именно эта способность темных производить колоссальные объемы внутренней энергии, которую сами светлые создавать физически не умели, и сделала их главным стратегическим сырьем Айвари. Когда драконы покинули мир, а внешние Потоки после загадочного Разлома начали стремительно иссякать, светлые столкнулись с жестким магическим дефицитом. Чтобы не потерять контроль над средой, они перешли на артефакторику. Вот только сложным механизмам и накопителям требовалось постоянное «топливо». А что может быть лучше батарейки, которая подзаряжает себя сама. Но как использовать эту энергию?

Ответ крылся в ошейниках. Они не стирали личность — это было бы невыгодно, ведь сознательное существо генерирует больше энергии в стрессе или при усилии. Ошейник работал как магистральный шунт: он намертво блокировал вы-

ход магии вовне, перенаправляя каждый крохотный импульс в накопители. Мы становились живыми, мыслящими батареями, обреченными отдавать свою силу, пока артефакты светлых продолжали исправно работать.

«И не нужно быть гением, чтобы понять причину войн, — цинично констатировала я. — Стоило Потокам просесть, как светлым потребовался новый источник. Вековая бойня была не теологическим конфликтом, а борьбой за доступ к ресурсам. Нас использовали, пока мы были нужны, и маскировали это ненавистью, чтобы никто не задавал лишних вопросов».

Бесконечный цикл насилия, запущенный ради банального удержания власти.

Но в официальных хрониках я наткнулась на странное, почти неприличное «белое пятно». Примерно двадцать один год назад война достигла своего пика, а затем внезапно... оборвалась. словно из уравнения вычли ключевой элемент, и вся машина убийств заглохла в один момент. В тот год погиб последний Император Светлых. А после Регент (отец Маркуса) и Императрица Темных Амредия заключили временное перемирие. Но, как я поняла из юридических трактатов, это не был мир. Юридически война всё еще продолжалась, просто стороны «взяли паузу». Окончательный договор мог подписать только законный монарх, надевший корону, и все ждали совершеннолетия принца Адриана.

А пока наступила эпоха «тихого насилия». Рабство про-

цветало по обе стороны. Светлые продолжали использовать темных как «батарейки» для своих нужд или живой инвентарь, сковывая их внутреннюю силу магическими ошейниками. Что творилось в этот момент в Империи Темных, за хребтами гор — оставалось загадкой. Было глупо делать выводы, не зная никого, кто бывал в тех землях, а слепо верить официальным догмам «не той» стороны — против моих профессиональных правил, так что этот вопрос я пока оставила открытым.

По крайней мере, светлые в своих книгах даже не пытались скрывать очевидного: для большинства эйров Тень была лишь операционным ресурсом, который не жалко списать при износе. Ничего личного — просто амортизация оборудования.

И именно на этом фоне Маркус Астер выглядел самым странным элементом системы. Он был светлым до мозга костей — холодным, закрытым, расчетливым. Но то, как он смотрел на «имущество», как он позволял мне дерзить и как он стер платком чужую помаду... это не вписывалось ни в одну методичку по управлению Тенями. В отличие от большинства рабовладельцев, он давал своим Теням образование. Малия, как и большинство Теней Астер-Холла, например, умела читать, что в этом мире считалось излишеством для слуг. Но моё умение не только читать, но и производить в уме сложные вычисления, поразило всех еще больше. Малия и Сесилия несколько раз пытались выпытать, где я жила

до Астер-Холла. Я бы и рада была рассказать, но память тела была девственно чиста. Я пробовала медитировать, надеясь на «доступ к архивам», как это бывало в ромфэнтези книгах, но всё было безуспешно. Рассказывать правду о своем мире я побоялась — кто знает, законно ли здесь быть «попаданкой»? Вдруг меня сочтут неисправным магическим объектом и отправят на утилизацию?

Тем не менее, я не могла просто сидеть сложа руки. Используя свои знания о технологическом менеджменте и доступную здесь магию (которая, по сути, была просто другим видом энергии), я начала потихоньку оптимизировать процессы. Автоматизация учета продуктов на кухне, логистика уборки, графики смен — за недели Астер-Холл стал превращаться в более логичный и отлаженный механизм.

Время летело. К концу второго месяца моего пребывания в этом чужом мире я уже начала всерьез полагать, что Маркус забыл о моем существовании. Я убедила себя, что стала для него лишь удачным приобретением для интерьера — полезным, функциональным, но не требующим личного внимания.

Как выяснилось, я глубоко ошибалась.

Глава 5. Хозяин.

Тори.

Два месяца в Астер-Холле пролетели как один бесконечный рабочий день. Знаете, в прошлой жизни я искренне гордилась реструктуризацией крупного металлургического холдинга, считая это абсолютным пиком своей карьеры. Оказалось, я понятия не имела о настоящих вызовах.

Астер-Холл стал, пожалуй, самым захватывающим и опасным проектом в моей практике. В Москве я думала, что «интересно» — это когда у тебя кассовый разрыв и акционеры дышат в затылок. Здесь же «интересно» приобрело совсем иной масштаб. Это когда задача заставляет мозг работать на пределе просто для того, чтобы ты продолжала дышать. Здесь ценой ошибки был не бонус по итогам года, а твоя собственная жизнь. И, черт возьми, этот драйв мне даже начал нравиться.

Результаты были ошеломляющими, и дело не в том, что я знала секрет какого-то чудо-устройства. Мой опыт из прошлого мира — умение видеть хаос и превращать его в систему, настраивая работу огромных корпораций, — оказался здесь моим главным супероружием.

Я не изобретала колесо. Я просто внедрила несколько своих наработок по оптимизации процессов, которые когда-то спасли реальные производства. Оказалось, что, если пра-

вильно распределить потоки ресурсов и выстроить логистику внутри поместья, у Теней освобождается уйма времени. Сначала на мои нововведения смотрели с опаской, как на ересь, но, когда Тени увидели результаты, скепсис сменился восторгом. Теперь они сами обивали пороги у комнаты Сесилии, выпрашивая: «Дай ей хоть часок, пусть поможет и нам!»

Это был азарт высшей пробы. Каждая задача — вызов, требующий предельной концентрации. Правда, где-то на периферии сознания, под слоем рабочих графиков и планов, всё ещё пульсировал ледяной ужас. Я была в другом мире, в теле рабыни, чья жизнь стоила меньше чашки фарфора, и понятия не имела, чем закончится этот «проект». Но пока работа приносила успех, я просто вытесняла эти мысли, запирая их в дальний ящик. В конце концов, лучший способ выжить — это стать незаменимой.

Каждая задача была для меня вызовом, а такие я обожала. Но ещё интереснее было познавать местную магию.

Здесь говорили, что раньше магия текла полноводной рекой, пропитывая каждый камень и дерево. Но те времена давно миновали. Теперь она напоминала пересыхающий ручей: сильные дары остались привилегией высшей аристократии, вроде Маркуса, или немногих воинов в императорской гвардии. Остальные же привыкли полагаться на артефакты — капризные и безумно дорогие штуки, ценившиеся на вес золота. Однако я видела в магии не просто «мистический

дар», а еще один ресурс. Энергия темных, отличной от светлых, была подавлена не доступом к неким потокам, а рабочими ошейниками. Но несмотря на это ее можно было направить и заставить работать на систему. И, как выяснилось, крошечная искра этой силы нашлась и во мне.

Помню свой первый раз... Это случилось ночью, когда я засиделась над чертежами логистики дальнего крыла. Работа шла туго, и вдруг мои мысли предательски вильнули в сторону.

Я вспомнила Маркуса — его глаза, глубокие, как бездна, и то, как обжигающе горячие пальцы перехватили моё запястье. Вспомнила густой аромат хвои и мускуса, буквально смявший моё пространство, и его низкий, вибрирующий голос: «И да, сделал бы это сам...».

Стоило воскресить в памяти эту опасную близость, как по телу пробежала знакомая дрожь, туго потянув вниз живота. Внутри, прямо за рёбрами, стало невыносимо жарко. Это не напоминало внешнее электричество — скорее то, как вскипает кровь от резкого прилива адреналина. Жар, прокатившийся по венам, достиг кончиков пальцев.

Я вздрогнула, пытаюсь отогнать навязчивый образ хозяина, и сосредоточилась на схеме. Визуализировала импульс настолько чётко, что кончики пальцев закололо. Тонкая фиолетовая искра сорвалась с ногтей, заставив сигнальный колокольчик на стене жалобно задрожать без всякого прикосновения.

Воздух в комнате резко пахнул озоном, как за секунду до удара грозы. Именно в этот миг до меня окончательно дошло: я здесь больше не посторонняя гостья, не случайный зритель и не пассивный инвентарь. Я стала частью этого мира. Мира, насквозь пропитанного рабством и несправедливостью, но вместе с тем... магией. И я собиралась изучить её до последнего винтика, чтобы использовать в своих целях. В конце концов, если не магия, то какой еще ресурс в этой средневековой глуши мог бы воплотить в жизнь мой самый главный и амбициозный проект под кодовым названием «Свобода»?

Изучать местную энергосистему методично, как я привыкла делать на Земле, оказалось адски сложно. Проклятый сапфировый ошейник душил любые крупные всплески, работая как жесткая глушилка сигналов. Но кризис-менеджеры не сдаются перед блокировками — они ищут лазейки. Я сосредоточилась на микро-задачах и начала тренироваться на бытовых мелочах.

Моей первой грандиозной победой стали магические лампы. Обычно их всегда зажигала Малия, стоило нам прийти на уборку в очередное крыло особняка: она просто касалась стеклянных сфер, делясь своей искрой. В те моменты я отчетливо чувствовала, насколько её сила — чистая, свободная от оков — превосходила мои жалкие потуги. Ведь, в отличие от меня, Малия была свободной лирой, и её энергии ничего не мешало.

Я же неделями училась незаметно фильтровать крошечные, почти неосязаемые капли силы сквозь барьер ошейника, направляя их точно в хрустальные сердцевины светильников. И когда одна из ламп под моими пальцами впервые послушно налилась мягким, ровным и чистым светом, я едва не закричала от восторга. Это был мой личный, секретный взлом местной системы безопасности. Я управляла силой. Сама.

Я методично продолжала эти скрытные тренировки, изо всех сил стараясь не думать о Маркусе и почти заставив себя забыть о той безобразной стычке с его высокомерной невестой. Рутину затягивала, и жизнь снова стала казаться понятной, предсказуемой и приятно структурированной.

Ровно до тех пор, пока в один из дней всё не перевернулось с ног на голову.

Я стояла в мастерской, счастливо улыбаясь и глядя на результат работы местного мастера. Под моим руководством он собрал первый механический измельчитель — простую вещь с системой шестеренок, которая должна была сэкономить поварам часы ручного труда. Мать Малии восторженно хлопала в ладоши, глядя, как машина делает за минуту то, на что раньше уходило всё утро.

Я наслаждалась этим маленьким производственным триумфом, как вдруг ко мне подошла Сесилия. Ее лицо было непривычно строгим, почти официальным. Я уже успела привыкнуть к её сдержанному дружелюбию, поэтому этот

внезапный холод в голосе заставил сердце ёкнуть.

— Следуй за мной, — коротко бросила Сесилия, не глядя мне в глаза. — Его Светлость ждет тебя в кабинете. Немедленно.

Я пошла за ней, судорожно гадая, что могло пойти не так. За два месяца я успела превратить Астер-Холл в отлаженный механизм, и до этого момента Маркус, казалось, был доволен (или слишком занят, чтобы мешать). Но когда мы остановились перед массивными дверями его личного кабинета — схему замка я уже выучила наизусть, отмечая посты стражи и толщину стен, — я поняла: это не из-за очередной внедренной «мясорубки».

Сесилия обернулась, посмотрела на меня долгим, почти сочувственным взглядом, но ничего не сказала. Она просто открыла дверь и жестом указала во внутрь. Я зашла, и тяжелое дерево за моей спиной захлопнулось с глухим стуком. Я невольно вздрогнула.

— А вот и ты.

Голос прозвучал из тени. Глубокий, властный, пробирающий до костей. Я даже не знала, что он вернулся из своей поездки в столицу. Я подняла голову и замерла, наткнувшись на его взгляд.

Прошло столько времени с последней нашей встрече, а сейчас он был передо мной... и какого, спрашивается, черта мое сердце предательски затрепетало? В прошлой жизни я бы решила, что у меня аритмия на почве стресса. Но сейчас

глупо было отрицать очевидное: это чертово юное тело реагировало на него вопреки всякой логики.

Герцог сидел за массивным столом с идеально прямой спиной. Выглядел, как и всегда, великолепно — безупречный, словно сошедший с парадного портрета, и совершенно недостижимый, что слегка подбешивало. Маркус даже не поднял головы, когда я вошла, он продолжал что-то писать.

Эта пауза была намеренной, чисто управленческий жест. Он давал мне возможность постоять у порога и заново почувствовать масштаб его власти в этом пространстве. Напомнить, кто здесь Тень, а кто хозяин.

— Подойди, — бросил он, не прерывая работы.

Я не шелохнулась. За два месяца я так и не научилась бездумно выполнять приказы, и моё внутреннее «я» — кризис-менеджера с двадцатилетним стажем — протестовало против этого тона. Но ошейник быстро напомнил о реальности. Короткий предупреждающий импульс заставил меня вздрогнуть. Стиснув зубы, я медленно двинулась ко столу.

Маркус продолжал писать, и я невольно засмотрелась. На его красивые, сильные руки с длинными пальцами, уверенно сжимающими перо. На крепкие плечи с металлическими наплечниками, которые казались ещё шире в полумраке кабинета.

Я так увлеклась осмотром, что не заметила, как скрип пера стих. Маркус отложил его, откинулся на спинку кресла и теперь неторопливо, почти лениво, осматривал меня в от-

вет. Его взгляд задержался на моей одежде. За эти два месяца я провела в Астер-Холле настоящую «реформу спецодежды». Вместо неудобных, вечно мешающих при беготне юбок, я внедрила узкие брюки из прочного сукна, усиленные на коленях кожаными вставками для защиты, и приталенный колет с высоким воротником — глубокого синего оттенка, в тон фамильным цветам дома Астер.

Этот фасон, напоминающий снаряжение младших офицеров, давал Теням долгожданную свободу движений. Мой дизайн был продуман до мелочей: колет украшала тонкая контрастная белая окантовка, подчеркивающая вертикальные линии кроя, а глубокие боковые разрезы обеспечивали полную свободу движений. Широкий кожаный пояс с системой подвесов для связки ключей, рабочих инструментов и магических накопителей превращал форму в идеальный рабочий инструмент. К тому же ткань была пропитана защитными чарами: форма не мялась, отталкивала грязь и сохраняла безупречный вид даже после смены в хозяйственных блоках. Я искренне удивлялась, почему этого не сделали раньше, но Сесилия быстро прояснила: в Айвари ничего не меняется без приказа хозяина, а лорды редко задумываются об удобстве слуг.

Сесилия тогда передала его краткое одобрение: герцог выслушал предложение, фыркнул (что было ему совершенно не свойственно), но в итоге согласился. Теперь он видел результат лично. И, судя по тому, как его глаза медленно скользну-

ли по линии моего бедра к туго затянутому поясу, результат его...

— Помоги мне понять одну вещь, — тихо произнес он, прервав мои мысли. — Как Тень, которую я приобрел в безымянной таверне, которой расплатились за ночлег... та, что, по словам хозяйки, три дня рыдала навзрыд, сумела построить всех в моем доме и даже переодеть моих слуг в военную форму?

Я слегка покачнулась, опираясь на одну ногу, собираясь с мыслями. Но ответить я не успела. Его взгляд, только что пронзительный и холодный, внезапно потяжелел и опустился на мои бедра. Маркус застыл, словно наткнулся на невидимую преграду, и я отчетливо увидела, как дернулся его кадык, когда он тяжело сглотнул.

Тишина в кабинете стала почти физически ощутимой. Воздух будто наэлектризовался, и я почувствовала, как по моей спине, прямо по невидимым сейчас пятнам, пробежала знакомая волна холода. Озон. Моя магия снова отозвалась на этот скачок напряжения, угрожая вырваться искрами прямо здесь, на ковре его кабинета.

Маркус медленно поднял взгляд обратно к моим глазам, но в них уже не было прежней ледяной уверенности. В глубине зрачков вспыхнуло что-то темное и первобытное. Но он быстро мотнул головой, словно сбрасывая наваждение. Прямо на моих глазах я видела, как он снова берет себя в руки, надевая привычную броню аристократа.

— Ты не ответила на вопрос, Тори, — его голос стал на октаву ниже, приобретя опасную, рокочущую хрипотцу. — Откуда в тебе это? Кем ты была до встречи со мной?

Я поняла, что врать бесполезно. Такие люди, как он, чуют ложь за версту, а в моем положении любая фальшь могла стоить жизни. Я решила сказать правду, пусть и частичную.

— Правда в том... что я не помню, — я твердо встретила его взгляд. — Не помню, кем была. Не помню даже, как оказалась в той таверне, и уж точно не помню, как, по вашим словам, плакала там три дня. Моя память начинается с того утра и нашей встречи. Я...

Я увидела, как в его взгляде вспыхнул мгновенный скептицизм. Он явно не привык к таким удобным объяснениям, и я поспешила опередить его вопросы.

— Можете приказать мне сказать правду, — я невольно коснулась пальцами ошейника. — Ошейник не даст соврать, Вы сами это знаете. Но то, что я говорю — истина, Ваша Светлость.

Язык мой просто не поворачивался назвать его «хозяином». Это слово казалось мне физически отвратительным, чужеродным моему существу.

Маркус заметил мою маленькую лингвистическую диверсию. В его глазах на мгновение что-то блеснуло — так быстро, что я не успела разобрать, был ли это гнев на мою дерзость или скрытый смехок.

— «Ваша Светлость», — медленно повторил он, словно

взвешивая это обращение. — Ты говоришь, что едва помнишь себя, но прекрасно знаешь этикет. И при этом распоряжаешься в моем доме как в военном лагере.

Маркус поднялся из-за стола, не сводя с меня глаз. Медленно обойдя массивную дубовую преграду, он скрестил руки на груди и небрежно оперся бедром о край столешницы. Теперь, когда между нами не было мебели, его рост и мощное телосложение, казалось, заполнили всё помещение. В моем восприятии он стал центром гравитации этого кабинета, подавляющим и неоспоримым. Он долго смотрел на меня, изучая, словно сложный отчет с двойным дном, а я чувствовала, как под этим взглядом моя профессиональная выдержка начинает давать трещины.

— Значит, чистый лист... — он сделал шаг в мою сторону. Я заставила себя не отступать, хотя каждый инстинкт самосохранения кричал о близости хищника. — Что ж, Тори. Если ты не помнишь, кем была, нам придется сосредоточиться на том, кто ты есть сейчас. А сейчас ты Тень, которая стала слишком заметной. Моя невеста требует твоей головы, Сесилия просит дать тебе больше прав, а я...

Он остановился так близко, что я физически ощутила его ауру: терпкий сандал, перемешанный с резкой хвойной горечью и глубоким, почти животным мускусом. Этот аромат, смешавшись с моим собственным — пронзительным, электрическим озоном, — создал невероятное сочетание, напоминающее морозный воздух перед началом сильнейшего

шторма в высокогорье. Он буквально заполнил мои легкие, вытесняя любую способность мыслить критически.

Маркус наклонился, нарушая границы моего пространства. Его взгляд скользнул по моей шее, и он нахмурился: вид ошейника, казалось, оскорблял его эстетическое чувство.

Маркус медленно протянул руку. Я затаила дыхание, когда его сухие, обжигающе горячие пальцы коснулись металла, едва заметно задевая кожу на шее. По позвоночнику пробежала дрожь — это было не просто легкое прикосновение, а...

— Что вы хотите от меня? — сипло спросила я.

Маркус не ответил сразу. Его пальцы задержались на ошейнике, описывая медленный полукруг по камню, и этот жест казался до странности собственническим.

— Чего я хочу? — эхо его собственного голоса прозвучало тихо, почти задумчиво. — Я... я хочу... — его голос стал совсем тихим, почти шепотом, вибрирующим где-то у меня под кожей. — Я хочу понять, как в теле плаксивой девчонки оказалась душа... — он сделал паузу, и его глаза, темно-синие, как ночная бездна, казалось, заглянули мне в самую суть, выжигая все мои защиты. — Душа, которая не принадлежит этому миру.

Мир вокруг меня качнулся. Сердце, казалось, остановилось, а затем пустилось вскачь. Как? Откуда он знает?

— Ты думаешь, я не заметил? — в его шепоте прозвучала

опасная усмешка. — Почему Отмеченная звездами даже не знает, что это такое, и не скрывалась от светлых? Думаешь, я не заметил, как ты смотришь на вещи, которые для любой рабыни должны быть понятны? Или, наоборот, как загорались твои глаза, когда ты не должна была что-то понимать? Я искал информацию о тебе. Тень, проданная за долги в захолустной таверне... но в реестрах ни одной из Империй нет никого с твоим лицом. Твоего прошлого не существует.

Его палец переместился с ошейника на линию моей челюсти. Едва ощутимое касание обожгло кожу сильнее прямого контакта с огнем.

— Ты смотрела на мои владения не с трепетом, а с расчетом — так смотрят хозяева, оценивающие актив. Твои расчеты... ты используешь логику, которой нет в свитках Империи. И твоя магия... она «чужая». В ней нет того первобытного пламени, что горит в темных, но в ней есть структура, которую я не могу постичь. Ты другая. Я почувствовал это с первой секунды в той таверне. Ты слишком стойко переносишь то, что сломало бы любую. Я не знаю никого — ни среди светлых, ни среди темных, — кто был бы одновременно так дерзок и.... так опасно прозорлив.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Вскрыто. Мой самый главный козырь — моя инаковость — был разыгран против меня. Мне стало тяжело дышать — то ли от его слов, лишивших меня последней легенды, то ли от его пугающей близости и прикосновений, которые отзывались во мне странным,

предательским трепетом.

— Ну же, — он чуть сильнее провел пальцами по скуле, и я почувствовала, как по коже пробежал слабый магический импульс. — Скажи это. Скажи то, что я уже знаю. Откуда ты, Тори?

От звука моего имени, произнесенного его низким голосом, у меня поплыло перед глазами. Его руки, его запах, жар его тела — всё это окутывало меня плотным коконом.

— Я не понимаю, о чем вы, — мой голос сорвался на шепот.

Я инстинктивно уперлась руками в его грудь, чувствуя твердые мышцы и размеренный ритм сердца. Маркус мгновенно накрыл мои ладони своими, лишая возможности отстраниться. Я попыталась вырваться, но он держал крепко.

— У меня есть доступ к архивам, закрытым для всех, — ровно произнес он. — Древние хроники упоминают «иномирян». Гостей, что появлялись здесь по Зову драконов.

Я затаила дыхание. «Зов драконов»? Эта информация ударила наотмашь. Я молчала, ожидая продолжения, но он лишь изучал каждую эмоцию на моем лице, пытаясь увидеть ответы. Наконец он отпустил мои руки. Я тут же спрятала их за спину, сжимая пальцы, чтобы унять дрожь. Я сделала шаг назад и осознала, что уперлась поясницей в край его стола. Когда он успел загнать меня в этот угол?

Маркус заметил это и усмехнулся, продолжая давить на меня своей аурой. Его присутствие по-прежнему подавляло,

но теперь в нем было меньше угрозы и больше... хищного любопытства исследователя, нашедшего уникальный экземпляр.

Я поняла: реакция выдала меня с потрохами. Скрывать-ся дальше значит зарывать себя заживо. К тому же это был шанс узнать, как я на самом деле оказалась в этом мире. Если, конечно, он не блефовал. Собрав остатки мужества, я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, в эту сапфировую бездну, где сейчас полыхало нечто совершенно не аристократическое.

— Это правда, Ваша Светлость, — выдохнула я, признавая поражение в этой партии. — Я из другого мира. В тот день, в таверне, я действительно впервые открыла глаза в этой реальности. Я не помню прошлого той, в чье тело попала.

В его взгляде вспыхнуло торжество. Хищник загнал добычу в угол. Лицо оставалось безупречной холодной маской, но в глазах бушевала буря — смесь арктического холода и безумного интереса, от которого по коже пробежали искры.

— И что теперь? — я выпрямилась, заставляя голос звучать твердо, как на совете директоров. — Отправите меня на утилизацию как неисправный магический объект? Или... — я выдержала паузу, не позволяя себе моргнуть, — Хозяин Астер-Холла найдет применение для «актива», чья ценность выше, чем кажется на первый взгляд?

Маркус молчал несколько минут продолжая всматри-

ваться в мои глаза. В тишине кабинета я слышала только оглушительный стук собственного сердца.

— Применение я найду, — наконец произнес он, и уголок его губ едва заметно дернулся в хищном удовольствии. — Но учти, Тори. В этом мире за такие секреты не просто убивают. За них развязывают войны. И теперь твоя жизнь принадлежит мне вдвойне.

Он сократил расстояние, наклоняясь так близко, что наши носы почти соприкоснулись. Он изучал меня с пугающей жадностью. Жар его тела ощущалось даже сквозь плотное сукно моей формы. Взгляд Маркуса скользнул по моей шее к ошейнику, и он снова нахмурился — так, словно этот атрибут рабства стал для него личным оскорблением, досадной помехой.

Он вновь медленно, почти благоговейно протянул руку. Кончик его пальца коснулся сапфира — точно так же, как в ту первую ночь в таверне. Камень мгновенно нагрелся, и я вздрогнула: по телу прошел разряд, отзывавшийся резким жаром внизу живота.

— Чего вы хотите от меня? — шепотом повторила я, чувствуя, как под его взглядом рассыпается моя тщательно выстроенная оборона.

— Я хочу... — его голос стал тихим, вибрирующим на грани слышимости. — Я хочу знать о тебе всё. Каждую деталь этой чужой логики и каждое мгновение мира, который создал тебя такой.

Напряжение стало невыносимым. Воздух в кабинете загустел, превращаясь в тягучий сироп, в котором тонули последние остатки здравого смысла. Я кожей чувствовала: «опасная зона». Хозяин. Невеста. Пропать сословий. Мне нужно было срочно разрушить это марево, пока мы не совершили ошибку, которую невозможно будет откатить назад. Мой мозг лихорадочно искал «стоп-кран».

— Вы обещали рассказать про мои отметины... — выпалила я, бросая этот вопрос, как спасательный круг. — Почему я должна их скрывать? И почему вы называете меня Отмеченной звездами?

Маркус замер. Мой вопрос должен был разбудить его мозг, вернуть к «сухим фактам», но по его глазам я видела — это не сработало. Его палец застыл на моем ошейнике, а во взгляде отразилась яростная борьба между первобытным желанием и холодным долгом. Он приоткрыл губы, чтобы ответить, но лицо продолжало склоняться к моему. Я уже чувствовала жар его дыхания на своих губах, готовая зажмуриться и... провалиться в эту бездну.

— Нам не стоит... — выдохнула я, хотя всё моё существо в этот момент предательски тянулось навстречу.

— Тори, я... — его голос сорвался, становясь пугающе низким.

В большинстве книг, что я читала в Москве, героев всегда прерывали именно в такой момент. Я всегда злилась на авторов, крича в страницу: «Да дайте им уже поцеловаться!».

Но сейчас, когда это была моя реальная, пугающая жизнь, я почти молила о вмешательстве извне. Удача или злая ирония — не знаю, но в эту секунду дверь кабинета распахнулась так резко, что грохот удара о стену прозвучал как пушечный выстрел.

Реакция Маркуса была мгновенной и пугающей. В долю секунды аристократ исчез, уступив место воину с отточенными рефлексам. Он не оттолкнул меня — напротив, его рука железной хваткой легла мне на талию, рывком разворачивая и буквально вжимая в пространство за своей спиной. В одно мгновение он стал для меня живым щитом, закрывая собой от любой возможной угрозы. Я кожей чувствовала, как от его плеч начала исходить тяжелая, подавляющая мощь — магия эйра, готовая сорваться с цепи.

— Ваша Светлость, простите... он... я... я пытался остановить! — донесся с порога заикающийся, полный неподдельного ужаса голос.

Это был Версон, личный секретарь Маркуса. За эти два месяца я успела изучить его достаточно хорошо. Он был воплощением идеального светлого эйра — холодный, безупречно правильный, функционирующий с точностью швейцарских часов. Он не был «скользким», нет, он был пугающе монолитным и устрашающе верным. Для Версона я была лишь инвентарем, который внезапно начал проявлять аномальную активность. Ему не просто не нравилось, что мне «позволяли многое», — его до глубины души возмущало

само нарушение векового протокола. Тень должна служить, безмолвно и эффективно, а не вести дебаты в кабинете герцога, нарушая священную иерархию Империи.

И если уж Версон — этот оплот спокойствия и правил — сейчас заикался от страха, значит, в Астер-Холл пришла сама Смерть. Или кто-то похуже.

— Хватит мямлить, Версон, — раздался незнакомый голос.

В кабинет вошел незнакомец. Он был молод, возможно, ненамного старше Маркуса, но в нем чувствовалась совершенно иная порода. Он прошел вглубь, не удостоив секретаря даже взглядом, и остановился в центре. Черно-золотые одежды сразу выдавали в нем представителя имперского рода.

— И так теперь встречают старых друзей? — в голосе прозвучала ледяная ирония.

Маркус отпустил Версона коротким кивком, но сам не расслабился ни на секунду. Он продолжал закрывать меня спиной, создавая физический барьер.

— Ты не предупреждал о приезде, Адриан, — голос Маркуса вибрировал металлом.

Имя вспыхнуло в памяти, воскрешая страницы генеалогических древ. Принц Адриан Таларон. Будущий Император.

Сесилия часто делилась крупницами истории Астер-Холла. Она знала Маркуса с пеленок и помнила, как он рос и «воспитывался» вместе с принцем. Они всегда были близки, по-

что как братья, скованные общими тайнами и суровой дисциплиной Регента.

Но статус принца давал Адриану право на любую дерзость. Вопреки ожиданиям, он лишь приподнял бровь на холодный прием Маркуса. Вместо того чтобы смотреть на хозяина дома, он чуть наклонил голову, пытаясь заглянуть за его плечо. В этот момент наши взгляды встретились.

Безупречный. Дерзкий. Самоуверенный. Длинные, цвета расплавленного золота волосы ниспадали на плечи, обрамляя лицо, которое казалось на столько идеальным, что это слегка пугало. Острые кончики ушей, едва заметно выступавшие из золотистых прядей, украшала россыпь изящных серёг, делавших образ ещё более неуловимым. В нем не было той живой, маскулинной харизмы, что исходила от Маркуса — только холодная, стерильная безупречность абсолютной власти.

Он был облачен в роскошный камзол из черного бархата, расшитый причудливыми золотыми узорами, подобными ядовитым лозам. Его облик дополняло обилие драгоценностей: по груди змеились многочисленные цепи, скрепленные массивными брошами, а на пальцах блестело несколько колец с инкрустированными камнями. Но среди них выделялось одно — массивное родовое кольцо со свернувшимся драконом, подавляющее своей древностью.

Ослепительно выделялись наплечники в форме хищных драконьих лап. Искусно выполненные, они венчали его пле-

чи, словно корона, подчеркивая статус владельца. В Империи всё это означало лишь одно: я смотрела на того, в чьих жилах текла кровь правящей династии. Чистое, концентрированное золото власти.

Но больше всего внимания привлекали его глаза — пронзительно, неестественно золотые, сияющие изнутри густым медово-янтарным светом. Честно говоря, такой оттенок я видела только в той самой безумно популярной саге о вампирах моего мира. Но здесь этот взгляд не обещал романтики. Это был взгляд зверя, оценивающего добычу. И я поняла — я следующая.

Адриан сделал шаг, вынуждая Маркуса наклониться еще ниже, чтобы перекрыть меня. Этот жест удивил: герцог защищал меня с такой готовностью, словно я была государственным протоколом высшей категории, а не просто имуществом.

Принц с легкостью обошел этот «живой щит» пронзительным взглядом. Воздух вокруг меня словно загустел.

— А это еще кто? — в его тоне скользнуло любопытство, от которого по коже побежали мурашки.

Маркус в ответ лишь сильнее напряг плечи, снова качнувшись, чтобы преградить путь, но Адриан тут же грациозно сместился. Это нелепое противостояние начало напоминать попытку выглянуть из-за спины слишком высокого человека в очереди. Я стояла, затаив дыхание, и с каждой секундой происходящее казалось мне всё более сюрреалистич-

ным: двое самых опасных эйров Империи устроили «кошки-мышки» из-за моей персоны. Наблюдать за этим молчаливым танцем двух хищников было бы даже смешно, если бы я не была в центре этой сцены.

Наконец, Маркус, видимо, осознав абсурдность ситуации, замер. Он отступил на полшага, сложив руки на груди — его поза оставалась напряженной, но теперь он не пытался загродить меня физически.

На безупречном лице Адриана промелькнула насмешка, переходящая в короткий, сухой аристократический смешок.

— С каких пор ты начал от меня что-то прятать, Маркус? — он прищурился, и в его золотых глазах вспыхнул искренний интерес. — Или это и есть та самая Тень, про которую мне все уши прожужжала Алесса? Твоя новая... игрушка?

Я почувствовала, как по плечам Маркуса прошла волна ярости, хотя внешне он остался неподвижен. Его голос прозвучал тише и опаснее:

— Ты прекрасно знаешь, что у меня нет игрушек. Тем более в моем доме.

Адриан проигнорировал его тон. Он сделал полшага вперед, не сводя с меня глаз — холодный, безупречный и пугающе идеальный.

— Представь меня, — приказал он.

— Конечно, Ваше Высочество, — Маркус произнес это с едва уловимой заминкой, и в его голосе проскользнула сталь.

Он медленно отступил на шаг вбок. Этот жест был почти

торжественным и в то же время вынужденным. Герцог полностью открыл меня взору принца Империи. Я осталась стоять на месте, не опуская головы. Внутренняя «железная леди» требовала держать строй, хотя колени всё еще подрагивали после близости с Маркусом.

Адриан не просто смотрел, пока Маркус представлял его мне, а после кратко назвал лишь мое имя. Взгляд принца буквально препарировал меня. В нем не было того тепла, что я видела у Маркуса. Только аналитический расчет. Он скользнул глазами по моей новой форме — узким штанам и приталенному колету, — и на его губах появилась двусмысленная, дерзкая усмешка.

— Любопытный фасон, — протянул принц, и в его голосе прорезалась саркастичная нотка. — Скажи-ка, Марк, а эта форма... она быстро снимается?

От Маркуса снова прошла волна сдерживаемого гнева. Он сжал кулаки, и Адриан это заметил. Принц прищурился, явно наслаждаясь тем, как легко ему удастся вывести из равновесия ледяного герцога.

— Смотрите-ка, — Адриан едва заметно хмыкнул, и в его глазах промелькнуло опасное веселье. — Мой самый безупречный, «ледяной» герцог... и вдруг пошел трещинами? Неужели твой хваленый самоконтроль, Марк, рассыпается из-за обычной Тени?

Он вдруг рассмеялся, но в этом смехе мне послышалось скрытое разочарование — то ли во мне (как в недостаточно

«монументальном» объекте), то ли в Маркусе, который так легко поддался эмоциям. Я молчала, наблюдая за ними с той отстраненностью, которой научилась в своем мире на бесконечных совещаниях.

— Я ожидал увидеть нечто... более грандиозное, учитывая жалобы Алессы, — Адриан снова надел маску безразличия. — Да, она необычно красива, даже для темной, но, Маркус, тебе не стоит так расстраивать невесту из-за Тени. Она не стоит того, чтобы портить отношения с будущей женой.

— Я думаю, я сам разберусь со своей невестой и со своими Тенями, Адриан, — Маркус заметно расслабился, когда прямой интерес принца ко мне угас.

В дверях неслышно появилась Малия. В её руках подрагивал тяжелый серебряный поднос с тончайшим фарфором и закусками, аромат которых мгновенно смешался с запахом дорогого табака и озона, зависшего в кабинете.

— Присядешь? — предложил Маркус принцу. — Тори, ты свободна.

Я уже готова была сорваться с места, но голос принца остановил меня как удар хлыста.

— О нет, пусть она останется, — хищно улыбнулся Адриан.

Маркус сделал приглашающий жест к креслам, но Адриан даже не шелохнулся. Вместо этого он небрежно взял закуску с подноса, который Малия удерживала едва подрагивающими руками.

Его взгляд, только что сканировавший меня, внезапно потяжелел и стал откровенно оценивающим. Он медленно, с ленцой хищника, скользил по Малии — от начищенных мысков её туфель вверх по новой форме. Ткань, которую мы с таким трудом подбирали, чтобы она выглядела профессионально и статусно, теперь казалась мне предательски тонкой. Она слишком соблазнительно облегла идеальную фигуру девушки, подчеркивая каждый изгиб — факт, который я, черт возьми, совершенно не учла, когда занималась «ребрендингом» персонала. Я проектировала удобство и авторитет, а создала... идеальную витрину.

Взгляд Адриана замер на испуганном лице Малии. Бедная девочка застыла, превратившись в живое воплощение ужаса перед его золотым сиянием.

— Почему я не видел тебя раньше? — мягко, почти интимно спросил Адриан. Он закусил губу, и на мгновение — клянусь, мне не показалось — я увидела острый клык, который тут же исчез, сменившись идеальной улыбкой светлого.

Малия мгновенно покраснела. На её темной коже этот румянец проступал удивительно нежно, делая её похожей на смущенного ребенка. Она испуганно посмотрела на Маркуса. В её пронзительно-голубых глазах, на фоне потемневшего от волнения лица, застыл немой крик о помощи. Казалось, эта яркая небесная синева сейчас померкнет под тяжестью его огненного взгляда.

— Даже не думай, Адриан, — голос Маркуса утратил вся-

кое подобие светского спокойствия. — Малия — свободная лира в моем доме и под моей личной защитой.

Принц выдержал паузу ровно столько, чтобы она стала невыносимой.

— Не делай из меня монстра, Марк, — наконец произнес он, продолжая изучать мою подругу (да, я уже считала её подругой, первой настоящей в этом и прошлом мире). Наконец он сел в кресло. — Я просто ценю красоту. В любом её проявлении.

— Малия, поставь поднос и уходи, — голос Маркуса стал еще холоднее, если это вообще было возможно.

Адриан хмыкнул, так и не притронувшись к закуске. Он отпустил Малию взглядом, но лишь для того, чтобы снова перевести его на Маркуса. Энергетика в кабинете была наэлектризована до предела.

— И что тебя сюда принесло? — наконец нарушил тишину Маркус.

Принц, кажется, мгновенно утратил интерес к Малии. Моя подруга, не дожидаясь повторного приглашения, аккуратно поставила поднос с закусками на стол и ретировалась из кабинета так быстро, что я ощутила порыв ветра. Как только дверь за ней закрылась, Адриан преобразился.

Он набросился на чай с закусками с такой жадностью, будто не ел неделю. Куда делся светлый аристократ? Принц полностью развалился в глубоком кресле, закинув ногу на ногу и совершенно не обращая внимания на крошки, рассыпаю-

щиеся по его безупречному камзолу. Он выглядел как человек, который наконец-то снял слишком тугой корсет. Хотя слово "человек" здесь было неприменимо. Как там они себя называют? Эйры? Светлые? Неважно. Сейчас он выглядел просто живым. Настоящим.

Маркус молча наблюдал за этим зрелищем, вопросительно подняв бровь. Адриан лишь фыркнул в ответ, проглотив кусок пирога.

— Ты не представляешь, Марк, как мне всё это осточертело, — глухо произнес принц, отставляя чашку. — Эти бесконечные дворцовые интриги, подготовка к коронации, мой чертов юбилей по случаю совершеннолетия... Каждый лизоблюд в столице считает своим долгом обсудить цвет моих парадных панталон. Но хуже всего — твой отец.

Адриан со стоном откинул голову на спинку кресла.

— Твой старик выпивает из меня все соки. Как Регент, он считает своим долгом контролировать каждый мой вдох. «Адриан, нужно сделать так», «Адриан, это решение преждевременно», «Адриан, слушай своего Советника» ... Он окружил меня стеной из правил и протоколов. Мне иногда кажется, что я не будущий правитель, а его личный проект, который он полирует до блеска. Повезло тебе, что у тебя есть это захолустье, где можно спрятаться от его «мудрых наставлений».

— Так ты пришел ко мне, чтобы пожаловаться на моего же отца?

Маркус медленно поднял вверх вторую бровь, и теперь его лицо выражало такое количество ироничного скепсиса, что это выглядело почти комично. Контраст между «идеальным принцем», жующим пирог, и «ледяным герцогом», играющим роль психолога, был настолько велик, что я непроизвольно фыркнула. Громко. Отчетливо.

Оба взгляда мгновенно скрестились на мне.

Маркус смотрел так, будто я только что совершила акт государственной измены прямо на его ковре, а в глазах Адриана вспыхнуло нечто новое — смесь удивления и острого, почти хищного интереса.

— Кажется, твоя Тень находит страдания будущего Императора забавными, — медленно проговорил Адриан, переставая жевать и в упор глядя на меня. — Смелая девочка. Или ты просто понимаешь в семейных конфликтах больше, чем хочешь показать?

Маркус резко кашлянул беря в руки кружку чая, пытаясь вернуть беседу в деловое русло.

— Она... иногда забывает о субординации, — холодно пояснил он, бросив на меня предупреждающий взгляд. — Потеря памяти, видимо, стерла инстинкт самосохранения вместе с остатками этикета.

Адриан медленно откинулся назад, не сводя с меня глаз. В его взгляде не было почтения, только ленивое любопытство хищника, рассматривающего интересную вещь, издавшую неожиданный звук.

— Так вот ты какая, — протянул принц. — Я-то думал, Алесса преувеличивает от ревности. Она расписывала тебя как исчадие ада, которое околдовало всех слуг и заставило Маркуса потерять голову. А ты просто... дерзкая.

Он взял с подноса сладость, напоминающую макарун, покрутил её в длинных пальцах и неожиданно улыбнулся — остро, как бритва.

— Знаешь, Марк, я её понимаю. В этой девчонке есть что-то раздражающее. Какое-то неуместное, почти аристократическое достоинство. Скажи мне, Тень, кем ты была перед тем, как надеть этот ошейник?

Он пытливо смотрел мне прямо в глаза. Я же, привыкшая к вызовам самых жестких советов директоров, не отвела взгляда. Умение «держатъ лицо» здесь стало вопросом выживания души.

— Не говори, сам угадаю, — Адриан вошел в азарт. — Какая-нибудь обедневшая графиня? Или тебя предал любовник? А может, ты беглая преступница, нашедшая в амнезии идеальное убежище?

Я заметила, как напрягся Маркус. Его пальцы, лежавшие на столе, побелели. Он явно боялся, что Адриан докопается до сути раньше времени.

— А может... — глаза принца заблестели. — А может, это у вас игры такие? Никакая она не Тень, и это ваша прелюдия перед...

— Не носи чепухи, Адри! — Маркус раздраженно зака-

тил глаза, с глухим стуком ставя кружку на стол. — Ты пересмотрел дешевых столичных постановок.

Принц весело расхохотался, выдавая еще пару безумных вариантов. Маркус мрачно наблюдал за этим фонтаном идей, но я видела, как желваки на его лице ходят ходуном. Внутри меня закипало холодное бешенство — «Железная леди» едва сдерживалась, чтобы не предложить этим «господам» вытереть крошки с подбородков.

— Она всего лишь Тень, Адриан, — наконец отрезал герцог. — И мне абсолютно плевать, кем она была «до». Важно лишь то, что сейчас она — моя. И она под моей защитой.

В голосе Маркуса снова зазвенел металл.

— «Моя» ... — повторил принц, смакуя это слово. — Твоя... кто?

— Тень, — сквозь зубы повторил герцог. — Раз уж ты здесь, давай к делу. Ты не явился бы в мое «захолустье», — при этих словах мне стало обидно за прекрасный Астер-Холл, — только ради пирогов.

Адриан мгновенно подобрался. Ленивая расслабленность исчезла, уступив место ледяному совершенству.

— Ты прав. Через две недели коронация. Ты знаешь, что после нее я должен буду...

Маркус резко подался вперед, бросив на меня быстрый, настороженный взгляд, в котором читался не просто приказ молчать, а настоящая тревога.

— Адриан... — предостерегающе начал он.

— Знаю, знаю, — отмахнулся принц, не сводя с Маркуса глаз и явно наслаждаясь своей осведомленностью. — Ты не веришь в те предсказания, что мы получили в Ту Ночь. Но носителей Древней Крови осталось слишком мало. Поверь, я лично проверил всех этих пресловутых леди великих родов и не почувствовал даже тени Резонанса. Если же пророчество говорило не о них, а об «Отмеченных звездами» ... то их и вовсе не осталось. И я...

— АДРИАН! — не выдержал герцог. Его голос громыхнул в тишине кабинета, а сам он красноречиво покосился в мою сторону, буквально впечатывая меня взглядом в стену и напоминая другу о «лишних» ушах в комнате.

Принц вдруг прикусил губу, ухмыльнувшись собственной неосторожности. В его глазах на мгновение вспыхнул фанатичный, почти безумный блеск, от которого у меня перехватило дыхание.

— Что? Не доверяешь своим Теням? — он бросил на меня короткий, колючий взгляд. — Ладно, расслабься, Марк. Я... я буду ждать тебя на коронации. Ты нужен мне там как никогда. Старик-регент не должен диктовать условия. Я обязан найти Её, — уже совершенно серьезно добавил он, поднимаясь с кресла и легким, почти магическим движением руки очищая камзол от крошек.

Одним жестом он вернул себе маску безупречного наследника, но слова о «лишних ушах» и «отмеченных» уже повисли в воздухе ядовитым туманом.

Но принц лишь как-то криво улыбнулся и коснулся амулета на груди. Рядом с ним, искажая пространство, возникло золотистое марево портала. Перед тем как войти в него, принц обернулся, посмотрел на нас поочередно и заговорил тихим, лишенным иронии голосом:

— Будь осторожен, друг мой. Тебя слишком давно не было в столице. Твой отец — весьма проницательный, и до него дошли слухи, что ты что-то ищешь.

Принц сделал паузу, и я поняла: Маркус искал информацию обо мне, но в столице это истолковали по-своему.

— Вести о твоём «приобретении» достигли его ушей в очень искаженном виде. Алесса всю пользуется твоим отсутствием, пуская слухи — уверен, для того чтобы ускорить ваше единение. А старик теперь убежден, что ты нашел древний артефакт или секретное оружие, способное пошатнуть его власть...

Адриан сделал паузу, и его взгляд стал жестким, по-настоящему императорским.

— В любом случае, береги... себя. И не позволяй случайной интрижке с Тенью ослепить тебя. У нас есть общие цели, и если кто-то из Совета подумает, что ты можешь потерять голову, ты рискуешь потерять не только репутацию, но и всё то, к чему мы стремились все эти годы.

Принц нагло подмигнул мне, словно и не произносил только что опасных, секретных вещей. Он вел себя так, будто у меня не хватит мозгов понять хотя бы слово из сказан-

ного. С этой снисходительной улыбкой он исчез в портале, не успев увидеть, как побледнел Маркус.

Герцог сидел, тяжело откинувшись на спинку кресла, но в его позе не было и капли расслабленности. Его пальцы так сильно впились в подлокотник, что дорогое дерево жалобно скрипнуло и треснуло под его рукой, не выдержав напора истинной силы светлого. Он смотрел на меня в упор, не мигая, словно я была не человеком, а ожившим проклятием, которое он сам, по неосторожности или по злему року, привел в свой дом. В его глазах читалась яростная, обжигающая мысль: я стала клином, вбитым между ним и его планами на будущее Империи. И эта мысль приводила его в бешенство, которое он больше не мог — а может, и не хотел — подавлять.

Я стояла неподвижно, но внутри меня всё кричало от осознания. Я лихорадочно пыталась осмыслить услышанное. Что всё это значит? О чем на самом деле говорил принц?

В голове эхом отдавалось это странное слово — «Резонанс». И «Отмеченные звездами»... Именно так Маркус назвал меня там, в таверне, когда всё только начиналось. Принц ищет таких, как я? Если «отмеченные» настолько ценны, что сам будущий Император грезит ими, то зачем Маркус спрятал мои пятна этим проклятым маскирующим браслетом, который я теперь не могла снять так же, как и этот рабский ошейник? От кого он меня прячет — от врагов или от своих же союзников?

Я вздрогнула, даже не заметив, как он успел оказаться так близко. Мысленно выругалась: я никогда в жизни не позволяла себе быть такой опрометчивой и упускать контроль над окружением. Что, черт возьми, со мной происходит?

Я резко подняла голову, собираясь высказать ему все свои вопросы, но наткнулась на его изучающий, горящий взгляд. Герцог всматривался в меня, в каждую частичку моего лица, словно пытался найти ответ на какую-то свою внутреннюю дилемму. Затем он медленно протянул руку и коснулся ошейника.

Его пальцы едва задевали мою кожу, но от этого мимолетного прикосновения по телу мгновенно посыпались крупные мурашки. Тяжелая, душная энергетика светлого сна начала заполнять и наэлектризовывать воздух между нами.

Я судорожно сглотнула и заметила, как его взгляд опустился на мою шею, а затем ниже — на сапфир, чей глубокий синий свет отражался в его собственных, точно такого же цвета глазах. Маркус продолжал медленно водить большим пальцем по гравировке ошейника, раз за разом ласково и опасно задевая мою кожу. Он смотрел на камень так, словно принимал судьбоносное решение, взвешивая все риски.

В горле пересохло, я уже открыла рот, чтобы прервать эту пытку вопросом, но герцог резко вскинул на меня глаза. Всё. Он всё решил.

Я почувствовала, как он с нажимом прижал палец к сапфиру — точно так же, как тогда, в самый первый день на-

шей встречи в таверне. По металлу обруча прошла едва ощутимая вибрация. Я понимала, что прямо сейчас что-то происходит, что-то меняется в энергетических контурах, что-то очень важное... Но развить мысль мне не дали его слова, прозвучавшие как удар хлыста.

— С этого дня, Тори, ты будешь моей Личной Тенью. Ты будешь следовать за мной буквально по пятам. Ты будешь находиться только в моем поле зрения. Ни шага без приказа, ни слова без разрешения. Никто не должен знать ни о твоих отметках, ни о том, что ты иномирка. Тебе ясно?

Обруч на шее, с резонировав с его яростным, внезапным всплеском магии, сжался так сильно, что я вздрогнула от резкой боли. Воздуха стало катастрофически мало, перед глазами на мгновение поплыли темные круги.

— Ясно, — прохрипела я, отчаянно пытаюсь не показывать боль и тот липкий страх, который впервые по-настоящему ощутила в его присутствии.

— «Ясно, хозяин», — почти прошипел он, наклонившись еще ближе и требуя от меня полного, безоговорочного подчинения.

Я еле сдержала свою натуру, чтобы не выдать ему пару хлестких фраз из богатого лексикона накопленные за года моей практики, привыкшей жестко разруливать кризисы, а не терпеть самодурство начальства. Больше всего в эту секунду мне хотелось запустить в него тяжелым пресс-папье со стола и навсегда стереть эту властную, удушающую уве-

ренность с его красивого лица. Но в бизнесе я всегда твердо знала одно правило: нужно уметь вовремя отступить, чтобы потом выиграть всю партию. Стратегия всегда важнее сиюминутного триумфа.

— Как прикажете... хозяин.

Я заставила себя вытолкнуть эти слова. На секунду в кабинете повисла мертвая тишина. Маркус всматривался в мое лицо, словно пытаюсь пробить защитные барьеры.

— Ненавидишь меня? — тихо, почти беззвучно спросил он.

Я лишь плотно сжала губы, отказываясь давать ему эту победу.

— Ненавидь сильнее, — выдохнул он.

В этом выдохе проскользнула такая глухая, отчаянная горечь, что у меня перехватило дыхание.

Ошейник медленно разжался, отпуская измученное горло. Тяжелая рука Маркуса соскользнула с металла. Он резко отвернулся и шагнул к своему столу, бросив на ходу ледяное:

— Свободна.

Я стояла, абсолютно ошарашенная этой переменой. У него что, раздвоение личности? Что это, черт возьми, сейчас было?! Вспышка уязвимости, жесткое удушье, а следом глухая горечь и полное равнодушие?

На непослушных ногах я медленно вышла из кабинета и направилась в свою комнату. Внутри выгорело всё. Не было сил абсолютно ни на что, словно то, что произошло в эти

несколько минут, безвозвратно изменило какие-то важные настройки в моей реальности. И, если честно, прямо сейчас я не очень-то хотела знать, какие именно. Потому что даже если бы я узнала... что бы это изменило?

Было бы хорошо, если бы я могла сама распоряжаться своей судьбой. Было бы хорошо, если бы я не застряла в теле бесправной рабыни, чьего прошлого я даже не знала. Было бы хорошо, если бы я вообще никогда не встречала Маркуса и не видела этого странного, гипнотического блеска в его глазах, который пугал меня сильнее любого гнева. И было бы чертовски хорошо знать, что, к демонам, вообще означает этот статус «Личной Тени». Было бы хорошо высказать ему всё, что накопилось, прямо сейчас, глядя в это высокомерное, красивое лицо.

Но в тот момент я и представить не могла, что возможность высказать герцогу абсолютно всё, что я о нем думаю, выпадет мне совсем скоро.

И это изменит абсолютно всё.

Глава 6. ЛичнаяТень.

Тори.

Помню, как в тот же вечер Малия, зашедшая ко мне в комнату узнать, чего вообще хотел от меня герцог, буквально остолбенела, едва бросив взгляд на мою шею.

Я тогда лишь равнодушно пожала плечами, не понимая, из-за чего поднялась буря. Да, когда я только вернулась от Маркуса и подошла к зеркалу, то сразу увидела изменения. Герцог выжег своей искрой крошечное клеймо прямо внутри сапфира. Раньше камень сиял ровным сапфировым цветом рода Астер, а теперь в самой его глубине, словно золотистая трехмерная голограмма, проступила изящная витиеватая буква «М».

Что, если честно, выглядело как-то... нарциссично?

Но в тот момент у меня совершенно не было сил разобраться в местной геральдике. Опустошенная, я просто рухнула на кровать прямо в одежде и мгновенно провалилась в тяжелый сон, от которого меня и пробудил тихий, испуганный зов Малии.

Ну засиял камень на полтона темнее, впитав личную магию светлого, ну оставил он на мне свой автограф — подумаешь. На мой земной взгляд, всё это выглядело как банальная смена корпоративного пропуска на VIP-уровень с расширенным уровнем допуска.

Однако Малия мои аналогии явно не разделяла. Она так и стояла у кровати с открытым ртом, переводя дикий взгляд с моего лица на ошейник, а на все прямые вопросы только испуганно хлопала ресницами и выдавала нечто невнятное:

— Э-э-э... ну... Тори, понимаешь... Это же... Ну знаешь...

Внятного ответа от нее было не добиться — у девочки явно случился системный сбой на почве шока. Я вздохнула, решительно поднялась с постели и, бесцеремонно схватив Малию за руку, потащила по коридору. Мой внутренний аналитик требовал немедленно доставить сломавшегося сотрудника в отдел кадров. Точнее — в комнату Сесилии, чтобы управляющая привела девчонку в порядок и объяснила, что за вирус подкосил местное население.

Но мой план «быстро во всем разобраться» дал трещину в ту же секунду, как Сесилия открыла дверь.

Малия, всё еще не обретя дар речи, просто молча ткнула дрожащим пальцем на мою шею. Спокойная, вечно собранная управляющая скользнула взглядом по сапфиру, наткнулась на букву «М» ... и замерла, будто на полной скорости врезалась в невидимую стену.

На мгновение мне показалось, что Астер-Холл поразила какая-то бесконтактная эпидемия столбняка. Но, к счастью, Сесилия была профессионалом высокого класса. Она быстро взяла себя в руки, сглотнула, заставив лицо вернуть маску идеальной вежливости, предложила войти и закрыла за нами

дверь. А затем, усадив нас, на пальцах объяснила мой новый статус и новые правила игры.

Оказалось, этот статус — не просто прихоть. Это был официальный, заверенный личной магией приказ герцога, который в иерархии Айвари менял всё. Отныне я принадлежала Маркусу не как безликое имущество Дома Астеров, а как его персональная Тень. Ни графиня Алесса, ни совет управляющих, ни один чиновник в этих землях, да и во всей Империи, больше не имели права отдать мне ни единого распоряжения или наказать в обход самого герцога. Маркус юридически и магически вывел меня из-под удара Алессы, заблокировав ей любой доступ ко мне. Но взамен — привязал к себе так плотно, как только возможно.

И я бы, возможно, порадовалась и воспринимала это как заслуженное повышение, но следующие несколько недель превратились в настоящее испытание на прочность. И нет, больше не было никаких «грязных» работ в подвалах, чистки конюшен или ручного труда... Изнурение крылось совершенно в другом.

Теперь я была полностью его. Его Тенью — и буквально, и фигурально.

Как объяснила в ту ночь Сесилия, понизив голос до едва различимого шепота, в отличие от обычных слуг поместья, у которых были четкие рабочие смены в саду или на кухне, а после — законный отдых в общем крыле, у меня личного времени больше не существовало. Вообще.

Отныне я была обязана следовать за герцогом повсюду. Мой день начинался на рассвете, когда требовалось стоять у дверей его покоев, готовой подать утренние бумаги, и заканчивался глубокой ночью, когда Маркус наконец тушил магические светильники. Новый статус означал абсолютную, круглосуточную доступность. Право и обязанность заходить на его личную территорию, куда остальным путь был заказан под страхом казни: в его спальню, тайное хранилище, на закрытые политические советы. Я должна была стать его продолжением, безмолвным секретарем и живым сейфом для его тайн.

Управляющая сухо перечисляла этот бесконечный список обязанностей, а у меня внутри всё больше холодило. Она так и не объяснила, почему они с Малией до сих пор бледнеют при виде буквы «М» на моем сапфире, лишь обронила, что в Доме Астеров подобного не практиковали еще никогда.

Впрочем, мне было глубоко до лампочки, какие вековые устои нарушил Маркус. Мне хватило и того, что уже было озвучено. На мой земной взгляд, это выглядело как банальное назначение на должность личного помощника без права на выходные, больничные и сон. Психологический груз этой тотальной несвободы давил похлеще любых цепей.

И следующие недели действительно превратились в настоящее испытание на прочность. Маркус выполнял свое обещание с пугающей, почти математической точностью. Я присутствовала на абсолютно всех его встречах, неподвиж-

ной статуей стояла за его правым плечом во время бесконечных и нудных докладов Версона и даже сопровождала его в поездках по самым отдаленным владениям.

Я стала молчаливым свидетелем его настоящей жизни: видела его мгновенные вспышки раздражения на нерадивых управляющих и те редкие, почти интимные моменты, когда он забывался, с головой погружаясь в сложные чертежи или финансовые отчеты.

Однако новый статус дал мне то, чего не было у остальных — официальный доступ к информации высокого уровня. Мне открылись двери даже в закрытую секцию библиотеки, куда я так отчаянно стремилась. Правда, Маркус загрузил меня работой так, что времени воспользоваться этим доступом у меня катастрофически не оставалось.

Первые дни я честно старалась просто молчать, мастерски выполняя роль безмолвного статиста. Я всё еще глухо злилась на него за то удушающее проявление силы в его кабинете, хотя в глубине души уже понимала: в этом мире он просто не умеет иначе. Мир герцога Астера был жестким, сухим и строго иерархичным, рабство для него являлось вековой нормой, частью привычного ландшафта.

Но, посещая вместе с ним соседские поместья, я видела, как другие эйры относятся к своим Теням — как к расходному материалу, временным батарейкам или бессловесной мебели. И на этом уродливом фоне я отчетливо понимала: Маркус был совершенно иным.

И именно поэтому я не смогла молчать долго. Моя натура кризис-менеджера, привыкшая вытягивать безнадежные заводы из долговых ям, требовала действия. Сначала я осторожно, короткими фразами, а потом всё смелее и решительнее начала предлагать ему пути решения тех или иных проблем. Хаос в логистике поставок зерна? Я нарисовала ему схему оптимизации потоков. Запутанные счета налогов? Я показала, как свести дебет с кредитом за десять минут.

Со временем он стал относиться ко мне иначе. С его лица исчезло ледяное выражение, которое усилилось после встречи с принцем. Иногда он молча протягивал мне сложные документы, которые я со временем стала щелкать как семечки, находя ошибки там, где их не видел целый штат писцов. Иногда я ловила на себе его выжидающий взгляд в моменты, когда секретарь зачитывал длинные, витиеватые письма из столицы — Маркус словно ждал моей мгновенной реакции, моего короткого кивка или скептически поднятой брови.

Кстати, отношение Версона ко мне стало не просто холодным, а ледяным. Секретарь чувствовал, как я вытесняю его из профессионального поля хозяина, и буквально захлебывался от тихой злобы. Это начало раздражать Маркуса, и в какой-то момент он просто приказал Версону вернуться в столицу.

Мы начали проводить часы напролет, склонившись над картами, схемами и долговыми книгами. Мы спорили до хрипоты, проводили долгие дискуссии о распределении ре-

сурсов, не замечая, как за окном густеют сумерки, и напрочь забывая об ужине. Мне нравился этот Маркус — с его острым, как бритва, умом и редким, суховатым чувством юмора, которое он позволял себе проявлять только тогда, когда мы оставались одни. Это были прекрасные, странные дни, в которые я почти забывала про свое истинное положение в этом доме. Лишь редкие гости, заезжавшие в поместье, снова возвращали меня в реальность: видя мой ошейник, они разговаривали со мной (или при мне), как с дрессированным животным, и я снова чувствовала холод металла на своей коже.

— Эта идея слишком рискованна, — Маркус с глухим стуком бросил на стол массивную папку, даже не глядя в мою сторону.

Мы были в его кабинете одни. Ночь уже давно вступила в свои права, и только несколько магических светильников на столе разгоняли густой мрак. Я подошла ближе, чувствуя, как приятная усталость ломит кости, но разум оставался кристально ясным — так всегда, бывало, после успешного мозгового штурма.

— Вы знаете, что я права, Ваша Светлость, — кроме того раза в кабинете я теперь обращалась к нему только так, а он делал вид, что не замечает. Мы больше не касались тем, что звучали тогда: ни о планах с принцем, ни о его невесте, ни об «отмеченных звездами». Мы словно оба боялись нарушить тот хрупкий баланс в наших странных отношениях.

Было раздражающе забавно, как он вынуждал меня быть рядом, а порой казалось — сам выискивал меня взглядом, заставляя внутри смеяться над мыслью о том, кто же из нас на самом деле стал тенью другого.

Я оперлась руками о край стола, вторгаясь в круг света.

— Если эта схема даст экономию ресурсов в тридцать процентов, она стоит любого риска. Я готова взять на себя ответственность за реализацию. Ваша аристократия слишком избалована старыми методами, чтобы заметить, как утекает золото.

Маркус медленно повернулся в кресле. В полумраке его глаза казались почти черными, поглощающими слабый свет магического огня.

— Ты снова позволяешь себе слишком много, Тори. Ты хоть понимаешь, что в столице тебя за такие слова просто сотрут в порошок? Там не будет тихих мастерских Астер-Холла и доброй Сесилии, которая тебя прикрывает. Там будут эйры вроде моего отца — они не прощают дерзости тем, кто стоит ниже них.

Я хитро посмотрела на него и, проигнорировав его предостережение, повернулась к подносу с закусками, которыми нас снабжала Малия. Честное слово, я обожала эту лиру: если бы не её забота, мы бы точно умерли от голода над этими бумагами. Я взяла один из снеков, напоминавших мне канноли из моего мира — хрустящее тесто с нежнейшим кремом. Маркус их не особо любил, считая слишком сладкими,

и, к моему счастью, всё лакомство обычно доставалось мне.

— Значит, мне придется стать еще эффективнее, чтобы цена моей «дерзости» была оправдана прибылью, — я не отвела взгляда, глядя ему прямо в глаза и медленно пережевывая десерт. — Бросьте, Ваша Светлость. Вы ведь и сами видите — я могу дать вам гораздо больше, чем просто молчаливое присутствие за спиной. Используйте меня. Я могу помочь вам в этой столичной игре.

Маркус медленно встал из-за стола, сокращая и без того хрупкое расстояние между нами. Атмосфера в комнате мгновенно наэлектризовалась, воздух стал тяжелым.

— И как же мне тебя «использовать»? — его голос стал тихим, опасным, приобретя ту самую рокошущую хрипотцу.

Он остановился всего в шаге от меня. Я снова почувствовала этот знакомый запах озона — моя магия, крошечная и непокорная, отозвалась на его близость, заставляя волоски на руках встать дыбом. Он смотрел на меня так, будто пытался решить: я его величайшая находка или самая сокрушительная ошибка. Его взгляд опустился на мои губы, и искорка смеха на мгновение разбавила напряжение. Он молча протянул руку и коснулся уголка моего рта, а затем отстранился и показал палец — там остался след нежнейшего крема.

Честное слово, я едва сдержала себя, чтобы не слизать этот крем прямо с его пальца. И нет, как бы я ни обманывала себя, дело было не в десерте. Нас обоих непреодолимо тяну-

ло друг к другу. Меня это злило, и я честно винила во всём своё нынешнее тело.

По словам Малии, в старинных сказках разницу между светлыми и темными объясняли красиво и просто. Светлые эйры были детьми Солнца — они строили замки из белого камня и черпали силу из внешнего, упорядоченного света, подчиняя всё холодному разуму. А темные лиры считались рожденными Луной из Сердца Мира, где магия ткалась не из формул, а из искренних чувств: из боли, неистовой преданности, желаний или ярости. В этих легендах сильные эмоции были не слабостью, а единственным пламенем, способным плавить даже самый безупречный светский лед.

Наверное, именно поэтому то странное, чуждое начало внутри меня просыпалось каждый раз, когда Маркус оказывался слишком близко. Моя иномирная природа словно наотрез отказывалась подчиняться законам его холодного порядка, зато мгновенно откликалась на то, что бушевало под ним. Моя сила реагировала на его скрытые, подавленные эмоции — на ту глухую, штормовую волну, которую герцог так старательно прятал за маской ледяного хозяина. Я физически ощущала его внутреннее напряжение, и оно пробуждало мою собственную искру.

Но почему тогда он сам смотрел на меня так, будто видел во мне одновременно и спасение, и гибель?

Он вытер крем о салфетку, пока я лихорадочно размышляла о мифологии этого мира, и посмотрел на меня так, слов-

но тоже задавал себе те же вопросы. Снова тяжелая, почти осязаемая энергетика окружила нас. Он медленно протянул руку, и я замерла, ожидая чего угодно: гневной вспышки, приказа замолчать или очередного требования покинуть его кабинет, как всегда случалось за прошедшие дни, когда напряжение между нами начинало искрить настоящим электричеством. Но его пальцы лишь едва коснулись пряди моих волос, выбившейся из прически, и заправили её мне за ухо. Кончики его пальцев задержались у моего виска на долю секунды дольше, чем требовали приличия, и я почувствовала, как от этого касания по коже пробежал разряд, заставив сердце пропустить удар.

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься, — его голос теперь звучал как-то глухо, с какой-то надломленной обреченностью. — Мой отец не видит ни в ком «эффективность». Он видит в них либо инструменты, либо угрозу. Если я позволю тебе играть в эту игру, ты перестанешь быть для него просто Тенью. Ты станешь целью.

— Я уже цель, — напомнила я, не отступая ни на дюйм. — С того самого момента, как принц подмигнул мне на прощание. Вы не сможете спрятать меня здесь, Ваша Светлость. Я не знаю, что Вы задумали, но дайте мне помочь вам. Дайте мне хотя бы возможность защищаться моими методами.

Его пальцы скользнули по кончику моего заостренного уха, которое, как оказалось, в этом мире было ну очень чувствительным. Я мгновенно покрылась мурашками и навер-

няка покраснела — чего не случилось со мной, пожалуй, с университетских лет, когда я только училась флиртовать.

Много лет после предательства жениха я сторонилась мужчин, так и не встретив того, кто мог бы растопить лед в моем сердце. В своем мире я видела сотни «хозяев жизни» — руководителей многомиллиардных компаний, которые меняли моделей как перчатки и не знали слова «нет», пока не сталкивались со мной. Многие из них бросали вызов моему хладнокровию, пытаясь сломить меня своим напором, но это лишь вызывало у меня глухое раздражение и ответную агрессию.

А сейчас я краснела от одного его взгляда. Позволяла касаться себя и, вопреки всей своей хваленной воле, не могла сказать «нет».

Его ладонь соскользнула к моей щеке, большой палец коснулся самого края кожного обруча. Я увидела, как в глубине его глаз вспыхнула отчаянная борьба. Он ненавидел то, что я была права. Он ненавидел то, что нуждался в моем уме так же сильно, как, кажется, начинал нуждаться в моем присутствии.

Я видела, как он сражается со своей волей, и чувствовала — он проигрывает эту битву. Маркус не мог отвести взгляда от моих губ, и пространство между нами начало стремительно накаляться. Стало так горячо и темно, словно что-то невидимое высасывало из комнаты саму жизнь, заменяя её первобытным хаосом. Это было странно и пугающе.

Я видела, как страсть и острое желание в его глазах внезапно сменились растерянностью и почти суеверным страхом. Видела, как его лицо вновь приближается к моему, но уже не могла разобрать черты, которые за это время стали мне так дороги. Мир вокруг поплыл, задрожал и начал стремительно тонуть в густой, непроницаемой тьме...

Мир окончательно схлопнулся до размеров одного вдоха, ставшего вдруг невозможным. Последнее, что я запомнила — это металлический привкус во рту и то, как Маркус подхватил меня, не давая рухнуть на ковер.

А дальше начался ад.

Время перестало быть линейным. Оно превратилось в вязкую смолу, которая то выталкивала меня на поверхность, то затягивала обратно в бездонный колодец.

Когда я «выплывала», мир казался невыносимо ярким и громким. Я видела над собой потолок, который качался, как палуба корабля. Видела незнакомые лица — суровые эйры в серых мантиях, пахнущие пылью и жженой костью, склонялись надо мной, обсуждая что-то на непонятном, лающем языке. Их пальцы, холодные и сухие, касались моих висков, и каждый контакт ощущался как удар током.

— Она уходит, — шептал кто-то.

— Вытащи её! — этот голос я узнала бы из тысячи.

Глаза Маркуса. Они были везде. Иногда они смотрели на меня с такой затаенной нежностью и тревогой, что мне хотелось плакать, но слез не было — только иссушающий жар.

А иногда они темнели от такой ярости, что я пыталась спрятаться, зарыться от него.

Кажется, я лежала в постели. Мне было то невыносимо холодно, словно меня заперли в леднике, и я зубами ловила край одеяла, пытаюсь согреться. То вдруг налетала волна огня, и я металась, сбрасывая с себя всё, чувствуя, как кожа горит.

— Малия...воды... — звала я, срывая голос.

Но вместо подружки чьи-то сильные руки снова прижимали меня к кровати.

Я так потерялась в этом все, звала кого-то, срывая голос, путая имена и лица. Я звала то подругу, то Маркуса, то кого-то из своего прошлого мира, чьи имена тут же стирались из памяти новой вспышкой боли.

Кошмары переплетались с реальностью. Мне снилось, что мой ошейник превращается в змею, которая сжимает мою шею, и я не могу дышать, потому что в горле застрял тот самый сладкий крем. Отрава. Мысль вспыхивала на задворках сознания и снова потонула в бреде.

Сквозь пелену доносились крики. Ссора. Маркус на кого-то орал так, что, казалось, стены замка дрожали.

— КТО?! — его голос долетал до меня короткими, рваными кусками. — Я найду... клянусь... разнесу этот чертов дом!..

— Ваша Светлость, успокойтесь, это мог быть кто угодно... — оправдывался кто-то, кажется, Версон, но его голос

дрожал от ужаса.

— МОЛЧАТЬ! Если она не очнется... ты лично... — фраза обрывалась, и снова наступала тишина, прерываемая лишь моим тяжелым хрипом.

Однажды ночью — или это был день? — я почувствовала, как чья-то щетина коснулась моей ладони. Кто-то сидел у моей кровати, сжимая мои пальцы так сильно, что было больно.

— Тори... вернись, — этот голос был полон такой безнадёжности, которая никак не вязалась с образом ледяного герцога. — Слышишь? Ты нужна мне. Я еще не всё еще не рассказал тебе... не спросил тебя... Слышишь?! Вернись ко мне, дерзкая девчонка...

Я хотела ответить. Хотела сказать, что аудит еще не закончен, что тридцать процентов экономии сами себя не посчитают, но тьма снова дернула меня за лодыжки, увлекая на дно, где не было ни звуков, ни боли. Только бесконечный, густой мрак до тех пор, пока он вдруг не отпустил.

Я резко открыла глаза, с удивлением понимая, как на этот раз легко это удалось. Больше ничто не давило на меня, будто тяжелая смола, мешавшая векам подняться, внезапно испарилась. Я дышала ровно и спокойно, хотя раньше казалось, что каждый вдох — это глоток жидкого пламени.

Я полностью чувствовала свое тело. Надо мной был неизвестный высокий потолок и стены, украшенные искусной лепниной. Кровать казалась бесконечно большой и мягкой,

а одеяло, в которое я была завернута, ощущалось так, словно я закутана в нежнейший шелк.

Не успела я оглядеться, как рядом кто-то сел на кровать. Я увидела знакомые руки, которые заметно дрожали, держа влажный кусок ткани — видимо, чтобы протереть мое лицо. Но руки так и замерли. Я подняла взгляд и встретила лицом к лицу с Малией. Её глаза были широко раскрыты, в них застыл настоящий шок.

— Я так плохо выгляжу? — решила я пошутить, но голос подвел, сорвавшись на сухой хрип от жажды.

Малия резко пришла в себя. Она всхлипнула, порывисто схватила стакан воды со столика и помогла мне приподняться, придерживая за плечи. Я жадно пила воду, глядя на подругу поверх края стакана. Она выглядела ужасно: бледная, осунувшаяся, как настоящий призрак. Но больше всего меня пугало то, что она молчала.

Я что, снова попала в другой мир? На этот раз в какой-то параллельный и немой? Может, правила игры изменились и теперь я госпожа, а она... Но нет, мои пальцы непроизвольно скользнули к шее. Рабский ошейник был на месте, его холод привычно обжег пальцы.

— Что произошло? — осторожно спросила я, когда стакан опустел.

Малия не ответила. Она лишь молча встала, забрала стакан и медленно пошла к двери. На пороге она обернулась, бросила на меня долгий, бесконечно грустный взгляд, в ко-

тором читалось что-то похожее на прощание, и вышла, оставив меня в полном одиночестве и растущей растерянности.

Я озадаченно смотрела на закрытую дверь. Почему Малия молчит? И почему я в этих роскошных покоех? Пытаясь найти ответы, я начала прислушиваться. За дверью послышалась суета, приглушенные голоса, и через минуту в комнату буквально влетела Сесилия, а за ней — незнакомый эйр в строгом темном камзоле с золотой эмблемой целителя.

— Ох, деточка! Очнулась! Хвала Богине, очнулась! Целых пять дней не приходила в себя! — Сесилия подбежала к кровати, ее ночной чепец совсем сбился набок, а глаза были красными от слез и бессонницы.

Целитель же действовал молча и профессионально. Он бесцеремонно взял мою руку, проверяя пульс, и провел ладонью над моей грудью. Я почувствовала легкое покалывание — его магия была прохладной и чистой, совсем не похожей на ту жгучую тьму, что я ощущала в бреду.

— Невероятно, — пробормотал он, обращаясь скорее к себе. — Пульс в норме, мана-каналы чисты... Яд должен был выжечь всё живое, но она будто переродилась.

— Какая мана, магистр? Она же чуть не преставилась! — Сесилия запричитала, поправляя мне подушки. — Тори, милая, ты бы видела, что тут творилось! Скандал на всю провинцию!

Сесилия наклонилась ко мне почти вплотную, бросая осторожный взгляд на целителя, который отошел к столи-

ку, чтобы смешать какой-то раствор. Она заговорила быстро шепотом:

— Главного повара вышвырнули с позором в тот же вечер! Маркус рвал и метал. Весь замок вверх дном перевернули, стража до сих пор в подвалах кого-то допрашивает. Официально... — она еще сильнее понизила голос, — официально пошли слухи, что отравить хотели самого герцога. Мол, злоумышленники метили в хозяина, а пострадала Тень. Все в округе так и думают. Только мы, приближенные, знаем, что Его Светлость к сладостям даже не прикасается. Но он этим ловко воспользовался — это развязало ему руки, чтобы навести здесь порядок. Вычислить всех подозрительных, не привлекая лишнего внимания к тому, что весь этот шорох он поднял из-за «простой Тени». Даже не позволил Леди Алессе ступить на порог, когда она пришла. Так раскричалась что ты здесь лежишь, что он попросил ее покинуть Астер-Холл.

Я слушала её, и в голове, еще тяжелой от яда, медленно, со скрипом начали ворочаться шестеренки. Картина складывалась безупречная. Холодная. Шахматная партия, которую Маркус разыграл, пока я балансировала на грани небытия.

Значит, вот как это выглядит со стороны. Официальная версия про покушение на герцога — гениальный ход. Моя агония стала для него идеальным легальным поводом зачистить замок, вытряхнуть скелеты из подвалов и даже выставить Алессу за дверь, не объясняя причин. Мастерская работа с рисками. Даже мою возможную смерть он превратил

в эффективный инструмент власти, в рычаг, которым он перевернул Астер-Холл.

Горло сдавило, и дело было не в последствиях яда. В бреду мне чудилось другое. Тот шепот, те горячие, отчаянные признания, запах его кожи... Но сейчас, под прохладным взглядом целителя и быстрый шепот Сесилии, всё это начало казаться лишь галлюцинацией отравленного мозга. Игры разума, который так хотел верить в спасение, что выдумал себе любовь там, где был только холодный расчет. Он не спасал меня. Он спасал свой самый ценный и неудобный «актив», попутно извлекая из ситуации максимум выгоды.

— А что с Малией? Она была... сама не своя, — спросила я, с трудом сглатывая горечь и вспоминая её пустой взгляд.

— Ох, Малия... — Сесилия тяжело вздохнула. — Она сама себя разъедает виной. Винит себя за каждую крошку на том подносе, ведь это она принесла тебе те закуски. Плачет днями напролет. Но есть и хорошие новости — хоть какой-то плюс во всем этом кошмаре. Маркус назначил главным поваром её отца Лавия, а...

Договорить она не успела. Дверь распахнулась с таким грохотом, что целитель выронил флакон, а Сесилия вскрикнула, отшатнувшись от кровати.

На пороге стоял Маркус.

Он выглядел так, будто сам только что вернулся из того ада, в котором я барахталась последние дни. Идеально выглаженный камзол сменила простая белая рубашка с расстег-

нутым воротом, рукава были засучены, открывая сильные предплечья. Но страшнее всего было его лицо: осунувшееся, с резкими тенями под глазами, которые из сапфирового превратились в цвет ночного грозового неба. Он выглядел так, будто не спал все эти пять дней. Волосы в беспорядке, а на щеках виднелась отросшая щетина — образ, бесконечно далекий от того безупречного аристократа, которого я знала. Но его взгляд... в нем было столько обжигающей, нерастраченной ярости и болезненного облегчения, что у меня перехватило дыхание.

— Вон, — коротко бросил он, даже не глядя на слуг.

Целитель мгновенно собрал инструменты и буквально выскользнул из комнаты.

Сесилия замешкалась, порываясь что-то сказать о бульоне, но наткнулась на взгляд герцога и, прижав руки к груди, торопливо вышла вслед за магистром.

Когда за ними закрылась дверь, в комнате стало невыносимо тесно. Маркус не подходил. Он замер у входа, тяжело дыша, и смотрел на меня так, будто видел привидение, которое посмело нарушить его покой.

— Ты... — начал он хрипло и осекся, сглатывая ком в горле. — Ты решила поиздеваться надо мной напоследок, Тори?

Я смотрела на него, на его осунувшееся лицо, на его дрожащие руки, и мой сарказм — мой верный щит — внезапно дал трещину. В этой комнате больше не было герцога и Тени. Были лишь двое, едва не потерявшие друг друга, так и

не успев осознать, кем стали на самом деле.

— Ваша Светлость, — тихо произнесла я, чувствуя, как бьется пульс на шее под ошейником. — Кажется, за время моего отсутствия вы провели отличную реструктуризацию персонала. Но я всё еще жду объяснений... и, желательно, чай. Без сахара.

Маркус издал короткий звук, похожий на сдавленный смех или стон, и, наконец, сделал первый шаг ко мне.

— Маркус... — тихо сказал он.

— Что? — я растерянно моргнула, не отрывая взгляда от его приближающейся фигуры. Он двигался медленно, словно боялся, что я лишь морок, который исчезнет, стоит ему подойти ближе.

— Ты звала меня по имени, когда была при смерти, — он остановился у самого края кровати, и я увидела, как дрогнули его губы. — Не думаю, что теперь, когда ты вернулась, стоит что-то менять.

— Я была в бреду, Ваша Светлость, — я попыталась вернуть себе привычную маску деловой отстраненности, хотя сердце в груди пустилось вскачь. — Не думаю, что нужно учитывать эти дни всерьез. Мало ли что может привидеться в лихорадке.

Мы погрузились в тяжелое, густое молчание. Маркус медленно сел на кровать рядом со мной. Матрас прогнулся под его весом, и я невольно подалась вперед, ловя его тепло. Он осторожно взял мою руку в свою, и его пальцы замерли на

широком браслете, который скрывал мои метки.

— Я нашел то, что искал в архивах, — прошептал он, и его голос стал серьезным, почти торжественным.

Он смотрел на меня так, будто заново запоминал каждую черту моего лица. Сесилия проболталась, что он не отходил от меня все ночи этих пяти суток, но лишь сейчас, в полумраке, я поняла — он был здесь по ночам, когда лишние глаза не могли видеть слабость великого герцога. Когда никто не мог осудить его за то, что он держит за руку «простую Тень».

— Пока ты боролась с ядом, я перерыл сотни свитков о «пришедших извне». Иномиряне — не просто легенда, Тори. В древних сказаниях говорится, что драконы, если не находили половины в этом мире, пускали Зов сквозь реальности, призывая свои Эйи — вторые части душ. Это была магия высшего порядка, доступная лишь сильнейшим. Но риск был чудовищным: мир часто выплевывал чужаков обратно в пустоту, если связь призванной души и тела не была крепкой. Если это происходило — погибали оба. А кто захочет рисковать своей душой, Тори?

Его голос дрогнул, и это было страшнее любого крика. В этой дрожи слышался надлом эйра, который привык всё контролировать, но внезапно оказался бессилен перед самой судьбой.

— Я боялся, что если ты очнешься, то это будешь уже не ты. Что мир заберет твою душу, оставив мне лишь пустую

оболочку. Но ты вернулась. Вернулась ко мне и...

Он резко замолчал, еще раз провел пальцами по маскирующему браслету, будто проверяя реальность моего присутствия.

— Хочу увидеть их, — лишь тихо сказал он.

Маркус провел рукой по браслету, снимая магию маскировки. Я почувствовала, как по телу прошла волна мурашек, когда иллюзия развеялась. Пятна, которые в моем мире называли витилиго, здесь проступили отчетливо и ярко. Белоснежные островки на моей темной коже, похожие на россыпь далеких галактик. После яда они стали контрастнее, словно наливаясь едва уловимым перламутровым сиянием.

Он полностью снял браслет, а я наблюдала, как его взгляд с жадностью скользил по моим отметинам.

— Ты не представляешь, как я благодарен богам, что нашел тебя я, а не...

— Кто?

Он отвел взгляд, словно невольно представляя то, что не должен был озвучивать.

— Культисты, — выдохнул он, и в этом слове было больше яда, чем в том что чуть не убил меня. — Для них любая Отмеченная... Ты для них не личность, Тори. Ты инструмент. Они следуют догмам и...

Он сделал резкий вдох, словно отсекая собственные эмоции.

— Я имею в виду Древний Трактат, Тори, — его голос

вновь обрел стальной, отстраненный холод. — Основу веры Кюльта Солнца.

Заметив моё полное непонимание, Маркус нахмурился и замолчал.

За всё то время, что я провела в этом мире, я старалась структурировать каждое зерно информации. Но в доступной части библиотеки Астер-Холла об «Отмеченных звездами» не было почти ничего, кроме странного, замшелого, но всё еще действующего закона о «Тенях Короны». Я так и не поняла, что это значит, и не решалась спросить. Видимо, масштаб моего неведения заставил Маркуса зайти с другой стороны.

— Ты помнишь, как мы с тобой однажды обсуждали историю Империй и войну между ними? — он подался вперед, вглядываясь в мои глаза.

Я кивнула. Конечно, я помнила те вечера. Это было лучшее время — когда Малия приносила ужин прямо в библиотеку, где мы частенько засиживались над картами и отчетами под мерцание магических светильников, забывая о наших статусах. Я рассказывала о своем мире, а он о своем, закрывая дыры в той информации, что я успела почерпнуть из его книг. Хотя теперь казалось, что я знала лишь каплю в море.

Мы долго дискутировали о природе мифов. Я заметила, что в моем мире драконы тоже существовали, но были лишь легендами в детских сказках или сюжетами фэнтези

для взрослых. Маркус тогда горько хмыкнул. Его искренне потрясло, насколько коротка человеческая жизнь в моем мире. Он буквально поперхнулся, когда я назвала цифры. По его мнению, если бы его народ жил так же мало, они бы тоже давно включили «защитный механизм забывтья». Короткая жизнь позволяет превратить трагедию в легенду, но для таких как он, живущие столетия, Великий Разлом оставался реальностью.

Я совсем недавно все же нашла информацию об этой катастрофе: небо над Эйри буквально треснуло, и драконы, хранители мирового баланса, покинули этот мир, запечатав за собой проходы. Никто не знал, почему они ушли и зачем закрыли Эйри от других реальностей, но с их уходом магия начала угасать. История силы превратилась в хронику увядания: Потоки иссыхали, а Источники становились мертвыми камнями. Тогда и началась война между Империями, которые раньше почти не контактировали.

«Война за ресурсы», — как я тогда назвала это, применяя привычную бизнес-логику. Маркус тогда лишь покачал головой, словно я упускала какой-то критически важный фактор. И сейчас, глядя на него, я поняла — какой именно.

— Но ты не знаешь главного, того, что не пишут в книгах, — голос Маркуса упал до опасного шепота. — Истинную причину начала войны. Когда драконы ушли, мир оказался в ловушке. Магия эйров — это лишь крохи бывшего величия, которые с каждым поколением становятся всё слабее.

Пытаясь найти выход, великие магистры прошлого объединились, и так родился Трактат — текст, обещавший возвращение силы через «Отмеченных».

Он поднял мою ладонь, и светлые пятна на моей коже в полумраке кабинета казались картой неведомых созвездий.

— Пойми, Тори, для драконов такие, как ты, были священны. В легендах говорится, что Отмеченные были их истинными парами, единственными, или теми, кто мог стать сосудом для призванных половинок души, кто мог выдержать их мощь и разделить их суть. Но после их ухода за века, пока магия продолжала таять, а на смену живой магии приходила бездушная артефакторика, исследователи превратились в фанатиков. Так появился Культ. Они решили, что если драконов нет, то «Сосуды» можно использовать как инструменты.

Он горько усмехнулся.

— Война началась не из-за земель. Она началась из-за охоты. Наши жрецы похищали «звездных» лир, веря, что, если через священный ритуал влить в такой Сосуд магию сильнейшего эйра, это вскрыет «печати» драконов и напитает истощенные потоки. Это была бойня, где Отмеченных использовали как расходный материал, как батарейки, которые сгорали одна за другой.

Его пальцы на моем запястье едва заметно дрожали.

— Ничего не выходило. Отмеченных становилось всё меньше, ритуалы приносили лишь смерть. В итоге истинные

ученые сменили фокус: светлые полностью ушли в артефактологию используя остатки потоков и силу Теней, а темные в магию эмоций. Для всего мира это было решением, а священность Трактата осталась только для Культа и его догмы. Именно поэтому я спрятал тебя. По их закону ты ресурс, который они имеют право выпить до дна.

Маркус посмотрел на меня с почти болезненным благоговением.

— Я никогда не верил в Трактат, как и большинство современных эйров. Для нас это пережиток прошлого, сказка, вроде твоего Санта-Клауса. Адриан планировал после коронации переписать законы и навсегда распустить инквизиторов, которые и пользуются действующими законами Культа. Но встретив тебя, я понял: все они ошибались. Сосуды были созданы не для того, чтобы их насильно наполняли светом. Они были созданы для того, чтобы драконы могли призывать свои Эйи — свои вторые половины из других миров. И без этой иномирной искры, пришедшей сквозь Великое Полотно, никакая магия не оживет.

— Ты думаешь, — мой голос сорвался, — что Культ как-то это понял? Что кто-то смог имитировать Зов Драконов в наше время, чтобы вытянуть меня сюда?

Маркус пожал плечами, не прекращая поглаживать мои отметки.

— Даже если это так, Зов не мог просто выхватить душу из пустоты. Ей нужно было подготовить место здесь. Тело с

идентичными метками, которое добровольно откроет дверь. Перенос возможен только с согласия «Сосуда».

Он замолчал на мгновение, и его взгляд стал пугающе жестким.

— Прежняя хозяйка этой оболочки... она должна была сама захотеть исчезнуть, чтобы впустить тебя. А никто из лир, даже если это была Тень, не дал бы на такое согласие... только если её не сломали окончательно.

Я похолодела. Значит, та лира, чьими глазами я сейчас смотрю на мир, не просто ушла. Она сдалась. Она распахнула врата своего сознания, не в силах больше нести бремя своей боли, и буквально «освободила жилплощадь» для меня. Эта мысль вызвала липкое чувство вины, перемешанное с ледяным страхом. Мне стало невыносимо жаль её — ту, чью историю я не знала, но чьи шрамы теперь носила в своей душе.

— Кто бы это ни сделал, они достигли цели, — голос Маркуса вырвал меня из оцепенения. — Но, возможно... не совсем так, как хотели. Они упустили тебя. Ты была у всех на виду, в какой-то безымянной таверне на окраине... Когда я увидел тебя, я решил...

Он замолчал, подбирая слова, и я увидела, как в его глазах промелькнула тень того холодного расчета, с которым он смотрел на меня тогда, в первую встречу.

— Неважно, что я решил тогда. Но если бы тебя увидел кто-то другой... кто-то, кто всё еще верит в Тракта́т... Именно

поэтому я надел на тебя маскирующий браслет в первый же час.

— Но ты сам сказал, что в Тракта́т верят только фанатики, — возразила я, пытаясь ухватиться за логику. — Почему тогда хозяйка таверны не побежала к инквизиторам? Так много кто в зале видел меня. Почему никто не донес?

Маркус горько усмехнулся.

— Потому что для простых эйров ты — просто лира с «порченной» кожей. Для них это уродство, дурной знак, но не более. Память о драконах или истинных причинах войны Империй стерлась, превратившись в пыльные сказки. Хозяйка таверны видела в тебе лишь бесплатную рабочую силу, Тень, которую можно помыкать. Она слишком приземлена, чтобы увидеть в твоих пятнах карту созвездий. Но закон... закон про «Теней Короны» всё еще действует. И это самое опасное.

Он подался ближе, и его аура эйра обдала меня холодом.

— Согласно этому закону, любая темная с признаками «звездности» автоматически перестает принадлежать себе или своему хозяину. Она становится собственностью Империи. Ресурсом. Если бы Культ узнал о тебе, они бы изъяли тебя на основании этого древнего акта, и даже я не смог бы наложить вето. Ты бы исчезла в застенках их храмов «ради общего блага». Понимаешь? Большинство не верит в чудо возвращения драконов или возвращение силы магических потоков, но верхушка власти обожает законы, которые поз-

воляют забирать редкие артефакты себе.

Я сглотнула. Теперь пазл сложился. Хозяйка таверны не сдала меня, потому что боялась, что у неё просто отберут рабыню без всякой компенсации. А Маркус...

— Ты скрыл мои пятна, чтобы не отдавать меня Империи,
— прошептала я.

Маркус тяжело вздохнул, и его взгляд на мгновение стал почти виноватым, но тут же снова застыл ледяной маской.

— Мой план был прост, — глухо произнес он. — Лучшее место, чтобы спрятать нечто бесценное — это выставить его на всеобщее обозрение, лишив истинной ценности в глазах толпы. Я надеялся скрыть тебя у всех на виду, сделав своей Личной Тенью. В Империи это официальный статус, который объясняет твое постоянное присутствие рядом со мной, твои полномочия и даже то, что ты почти живешь в господском крыле.

Он сделал паузу, и его пальцы снова дрогнули, едва коснувшись края одеяла.

— Я думал, что, если дам тебе этот статус, никто не станет искать под маскирующим браслетом «звездную пыль». Все увидят лишь очередную прихоть герцога. Но я совершил ошибку, Тори. Слишком увлекся защитой твоей тайны и не учел, что в глазах высшего света «Личная Тень» — это не просто помощник. В аристократических кругах эйров у этого термина есть вполне конкретный, грязный подтекст. Я невольно привлек к тебе то самое внимание, которого хотел

избежать, просто под другим углом. Для них ты не артефакт. Для них ты...

— Фаворитка, — отчеканила я, вырывая руку из его ладони.

В ту же секунду кожу обдал холод от отсутствия его тепла, поэтому я натянула шелковое одеяло почти до самого подбородка, словно это была броня.

— Мне казалось, что только темные используют этот термин для своих утех. Как же твоя невеста? Или у светлых эйров принято коллекционировать «Личных Теней» за спиной у благородных жен?

Маркус замер. Его рука так и осталась лежать на пустом месте — там, где мгновение назад была моя ладонь. Воздух в комнате стал колючим.

— У темных всё просто, Тори. У них страсть — это закон, а Личная Тень — продолжение их собственной воли и плоти. У нас, светлых, всё иначе. Мы строим мир на структурах, обязательствах и чистоте крови. Наши союзы — это архитектура власти, где нет места случайным порывам. Алесса..., — он произнес это имя так, словно оно было тяжелой цепью на его шее, — это долг. Сделка, заключенная моим отцом еще до того, как я научился держать меч. У светлых принято иметь «Личных Теней» для дел, которые не терпят огласки. И да, общество заранее вешает на них ярлык «постельных игрушек», чтобы обесценить их влияние на эйра.

— То есть ты собираешься прятать меня? Или, наоборот,

держат на виду до самого вашего Единения? Пока тебе выгодно мое присутствие? Или пока меня не отравят снова из-за того, что я подобралась к тебе слишком близко?

Маркус закрыл лицо руками. Его плечи опустились — тот, кто привык управлять судьбами провинций, сейчас выглядел загнанным в угол хищником, попавшим в собственный капкан.

— Ты не понимаешь, Тори...

— Я всё прекрасно понимаю, — ядовито перебила я, чувствуя, как внутри закипает гнев. — Ты жил не тужил, выстраивая свою безупречную «архитектуру власти». А тут появляюсь я, смешивая все твои карты. Для твоего дома ты — благороднейший из эйров, оплот чести. Для остальной Империи — идеальный Ледяной Герцог, который вот-вот женится на идеальной леди Алессе. И тут... появляюсь я. Тень с «порченной» кожей, путающая все твои грандиозные планы на будущее. Спасибо тебе за попытки помочь, Маркус, но не стоит так рисковать своей репутацией и жизнью из-за досадного помешательства на обычной Тени...

— Досадное помешательство? — он резко отнял руки от лица и посмотрел на меня так, словно я ударила его в самое незащищенное место, под доспех, прямо в сердце.

— Разве я не права? Разве не это между нами происходит? — я заставила себя сесть, игнорируя предательскую слабость в теле и то, какплыли перед глазами стены этих роскошных покоев. — Это безумное притяжение... я нико-

гда не чувствовала ничего подобного прежде. Оно иррационально. Оно опасно. И мне больно... до дрожи больно признаваться в этом самой себе, но я...

— Я тоже это чувствую, Тори, — глухо перебил он, не дав мне договорить.

Мое сердце на мгновение замерло, а потом пустилось вскачь. Признание, которого я так жаждала и которого боялась больше смерти, сорвалось с его губ, но облегчения не принесло. Наоборот, чувство безысходности, тяжелое и липкое, начало поглощать меня с новой силой. Это признание не дарило крылья — оно вешало на нас обоих мишень.

— Но разве это имеет значение? — я горько усмехнулась, чувствуя, как наворачиваются слезы. — Я учила законы. Я Тень, ты эйр. Герцог. Между нами пропасть размером в океан, Маркус. И мы оба в нем утонем.

Он обреченно посмотрел на меня и медленно поднялся с края кровати. На моих глазах он снова превращался в того самого недостижимого лорда, которого я встретила в таверне. Вся та мимолетная человечность, которую я видела в тени его щетины и усталых глазах, мгновенно испарилась, сменившись маской безупречного правителя. Но под этой маской теперь кипело то, что не поддавалось контролю.

— Пять дней назад я тоже так думал, — он выпрямился и отвернулся от меня словно ему было тяжело смотреть на меня, а его аура мгновенно заполнила комнату, подавляя мою случайную магическую вспышку. — Я надеялся, что ес-

ли приближу тебя к себе, если сделаю Личной Тенью, то это безумное притяжение со временем ослабнет. А если нет... я был готов плюнуть на традиции Империи. Я готов был оставить тебя при себе любым способом, чтобы мы просто были рядом. Я бы что-нибудь придумал, клянусь... эта мысль сводила меня с ума, я почти поверил, что ты уже моя.

Он замолчал, его челюсти сжались так сильно, что на щеках заиграли желваки.

— Но когда ты упала тогда... когда твоя жизнь начала утекать сквозь мои пальцы, и я чувствовал, как твоя душа готова покинуть это тело... всё изменилось. В те часы я был готов забыть, кто я есть. Я был готов выжечь эту землю, убить каждого своего врага и перерыть мир, лишь бы найти того, кто сделал это с тобой.

Он обернулся ко мне вполоборота, одарив каким-то странным, почти чужим взглядом. В нем было столько боли, что у меня перехватило дыхание.

— У меня слишком много врагов, Тори..., и ты не первая, кто стал мишенью, чтобы ударить по мне. Но пока ты умирала, мой мир, выстроенный на логике и расчетах, рухнул. Инструмент можно заменить. Сломанный клинок можно перековать или выбросить. Тебя — нет. Тот, кто прислал этот яд, думал, что просто устраняет мою «Личную Тень». Но он совершил фатальную ошибку. Кто бы это ни был, он напал на единственное, что заставляло меня чувствовать себя живым в этом проклятом замке.

— И кто это, по-твоему, мог быть? — мой голос прозвучал на удивление твердо. Я отчаянно пыталась игнорировать его последние слова, которые жгли изнутри сильнее любого яда. Он вновь отвернулся, восстанавливая дистанцию, но я видела, что лед в его глазах окончательно треснул.

— У меня множество врагов, и это никогда не пугало меня. Даже делало жизнь... интереснее что ли. Но это совсем не весело, когда они угрожают не мне, а моей...

— Твоей кому? — выплюнула я когда-то заданный вопрос принца.

Внутри всё клокотало. Эти эмоциональные качели начали вызывать настоящую тошноту. Сначала те его слова о древнем Зове дракона, который когда-то призывал вторую половинку души... О боже, я ведь на мгновение, как последняя дура, размечталась, что он скажет, будто это его Зов души призвал меня в этот мир. Наверное, яд действительно повредил мой рассудок, раз я всерьез поверила в сказку о предназначении. Затем его холодное, почти деловое признание, что он собирался сделать меня официальной фавориткой, просто чтобы «спрятать на виду». А теперь я «единственное, что заставляет чувствовать себя живым»?

Это что, какой-то средневековый газлайтинг? Или он просто не может определиться: я для него годовой отчет с высокой прибылью или та самая единственная, как в книжках, что я прятала под подушкой?

Я села на кровать, уже не заботясь о том, насколько обна-

жена перед ним в этой тонкой сорочке. Гнев был отличным анестетиком.

— Кто я для тебя, Маркус? — мой голос зазвенел от ярости. — Хватит метафор! Разве я не просто Тень? Или я всего лишь слишком «полезная Тень», которую жалко терять из-за недополученной прибыли? Но при этом заявляешь, что я твоя? Ты не предлагаешь мне ничего, кроме золотой клетки! Кто я для тебя?!

Притяжение окончательно вышло из-под контроля. Я отбросила одеяло и, пошатываясь от прилива адреналина, подошла к нему вплотную. Я заставила его развернуться, вцепившись пальцами в его полурасстегнутую рубашу. Маркус замер. Его аура дрогнула, обдав меня волной жара. Он смотрел на мои руки, на эти «клейма звезд» витилиго, и в его глазах отражалась буря, которую не смог бы усмирить ни один кодекс.

— Ты хаос, Тори, — его голос стал тихим шепотом. — Ты спрашиваешь, кто ты?

Он перехватил мои запястья. Его пальцы коснулись светлых участков кожи, и по телу прошел электрический разряд.

— Ты та, кто заставила меня сомневаться в законах моего рода. Полезна? О да, ты чертовски полезна. Но если бы дело было в графиках, я бы не сидел у твоей постели пять ночей, проклиная всё на свете и моля богов, чтобы они не забирали тебя обратно!

Он с силой прижал мои ладони к своей груди, заставляя

чувствовать бешеный ритм его сердца. Контраст наших рук — его безупречно светлых и моих, отмеченных «звездами» витилиго — заворожил нас обоих. Маркус сжал мои запястья, и по коже прошла вибрирующая магическая волна, ото-звавшаяся по всему телу колким каскадом мурашек.

— То, что происходит здесь, это не просто притяжение. Ты не игрушка и не интрижка. Интрижки не заставляют сердце останавливаться. Если я скрывал твою суть, то только потому, что хочу, чтобы ты жила. Если в столице увидят твои «звезды», тебя заберут у меня. Тебя превратят в Сосуд, в ресурс, в общественное достояние!

Он резко отпустил мои руки и отступил. В нем боролась логика эйра и ярость мужчины.

— Кто ты для меня? Ты моя самая большая уязвимость. Моя погибель, к которой я иду с широко открытыми глазами. И даже если когда-нибудь явится тот, кто послал этот Зов... я с когтями вырву тебя у него. Я не отдам тебя ни закону, ни судьбе. Ты. Моя.

Он сократил расстояние в один хищный шаг. Его руки обхватили мое лицо так резко, что я не успела вдохнуть.

— Моя погибель, — прорычал он мне в губы прежде, чем накрыл мой рот своим.

Это был не поцелуй — это был захват. Горячий, собственный, сминающий любую волю. Я судорожно приоткрыла рот от неожиданности, и он тут же этим воспользовался. Его язык по-хозяйски скользнул внутрь, и по венам уда-

рил обжигающий разряд. Запах хвои, мороза и терпкий привкус мужского желания лишили остатков разума. Его пальцы жестко зарылись в мои волосы на затылке, оттягивая голову назад, заставляя полностью открыться этому жадному безумию.

Острая, царапающая боль прошила губу — его клыки, обычно скрытые безупречным мороком светлых, удлиннились, прокусывая нежную кожу. Вкус моей собственной крови на языке сработал как искра в пороховом погребе. Внутри взревело пламя. Я рвано выдохнула, сглатывая стон, и вцепилась побелевшими пальцами в его рубашку, притягивая еще ближе. Моя магия темной яростно рванулась навстречу его ледяному Порядку.

Это было так мощно, отчаянно и обжигающе. В моем прошлом мире я не была маленькой девочкой, меня много раз целовали и не только, и я, честно говоря, полагала, что все лучшие поцелуи и «бабочки в животе» остались в тумане юности. Я думала, что знаю о страсти всё. Господи, какая же я была дурочка!

Наши губы оторвались друг с друга с громким, влажным звуком, когда он резко отстранился, загнанно дыша. Его грудь ходила ходуном — он словно сам испугался лавины, которую только что спустил. Мое лицо горело от жаркого румянца, по спине бежали крупные мурашки, а колени предательски дрожали. Но мне было мало.

Я сама рванулась к нему, с силой сжимая ткань на его гру-

ди, притягивая к себе так отчаянно, как умирающий в пустыне тянется к воде. Маркус издал глухой, утробный рык, отвечая на мою жажду с удвоенной силой. Его руки скользнули ниже, грубо сминая тонкую ткань моей сорочки, собственнически обхватили талию и вжали меня в его твердое тело.

Я задохнулась от накатившего жара, чувствуя каждый изгиб его напряженных мышц. Мы целовались до стертых губ, до пульсации в висках. Каждое движение, каждое скольжение языков отзывалось внутри тягучей, сладкой судорогой. Ауры переплетались, искря и сгорая, плавя все барьеры — осталась лишь чистая, первобытная потребность.

Когда поцелуй наконец оборвался, мы замерли в кольце рук друг друга — лоб ко лбу, деля один раскаленный воздух на двоих. Маркус бережно взял мое лицо в ладони, большим пальцем мягко стирая кровь с моей припухшей губы, и заглянул в глаза, словно искал ответ на вопрос, который еще не решился задать.

Он смотрел на меня, затаив дыхание. Его губы, всё еще влажные и припухшие, едва заметно подрагивали, а в расширенных зрачках застыла такая неприкрытая, болезненная жажда, что мне стало по-настоящему страшно. Это была жажда признания, жажда той связи, что вспыхнула между нами, словно мы были созданы друг для друга. На мгновение мне снова показалось что это его зов души выдернул меня из моего мира в этот хаос. Но я застыла, оглушенная

шоком. Эта сокрушительная сила чувств в одно мгновение обесценила всё, что я знала раньше. Мой прошлый «взрослый» опыт теперь казался лишь бледной тенью на фоне этого магического пожара.

Маркус заметил моё замешательство и истолковал его по-своему. Он горько, едва заметно усмехнулся — кривая, полная разочарования складка залегла в углу его рта. Он будто чего-то ждал от меня: оправданий, признаний или того, что я брошусь в это пламя с головой, но я стояла, оглушенная вкусом его губ и страхом перед будущим.

Глубоко вздохнув, словно пытался набрать в легкие побольше ледяного воздуха, он чуть ослабил хватку, но не выпустил меня из объятий сразу.

— Я совершил ошибку, когда решил, что спрятать тебя на виду — это безопасно. Я лишь навел на тебя след...

— Ты уверен, что целью была я? — голос подвел меня, прозвучав хрипло. Я попыталась отстраниться, но он удержал, не давая разорвать этот странный, болезненный контакт. Его запах всё еще кружил голову, заставляя колени дрожать.

Наконец он резко отстранился, будто обжегся, и начал мерить комнату шагами, словно загнанный в клетку хищник.

— Мы не знаем, как ты оказалась здесь, Тори. Кто пустил «Зов дракона»? С какой целью? И главное, как они узнали, что ты в Астер-Холле? — Он резко остановился, глядя в окно на огни поместья, которые сейчас казались холодными ис-

крами. — Твое отравление — это не случайность и не простая ревность. Это был тест. Кто-то прощупывал твою реакцию на магию, это был необычный яд... И боюсь, ответы мы найдем только в столице.

Он заметался по спальне, как тигр в клетке. Я нахмурилась, пытаюсь включить логику сквозь туман в голове. После того как он только что прижимал меня к себе, эта внезапная аналитическая лихорадка казалась оскорблением. Словно поцелуй был просто побочным эффектом химической реакции, которую он уже купировал. Обида обожгла горло, он снова превращался в расчетливого игрока, отодвигая меня на позицию фигуры на шахматной доске.

— Ты всё еще готова поехать со мной? — Маркус резко остановился. — Там будет много опаснее. И дело не только в инквизиторах Культа. Тот яд, что тебя едва не убил, покажется детской забавой.

Я выпрямилась. Голова всё еще кружилась от недавней близости, а тело ныло от нерастраченного напряжения, но то, как быстро он «надел» маску равнодушного господина после того, как жадно прикусывал мою губу, привело меня в ярость. Гнев — отличный щит. Я решительно выпрямилась, так я обычно вставала перед советом директоров, когда ситуация катилась к чертям.

— Можете во мне не сомневаться, Ваша Светлость, — мой голос прозвучал суше и официальнее, чем я планировала.

Он горько покачал головой и переплел руки за спиной. Настоящий герцог, если бы не темные круги под глазами, образ был бы безупречен. Он снова начал мерить шагами ковер.

— Хорошо. Завтра мы уезжаем. Официально на коронацию принца. У нас будет лишь один шанс представить наш проект Регенту и убедить Совет, что новая структура управления нужна Империи как воздух. Но... нам нужно будет аккуратно найти ответы на наши вопросы. Иначе...

— Я всё понимаю, Маркус, я не глупа.

Он резко обернулся и посмотрел на меня так, словно я сморозила несусветную глупость.

— Да, не глупа, — он подошел и снова взял мои ладони в свои. От его внезапного тепла по коже побежали мурашки. Я почувствовала, как соски напряглись — то ли от ночного холода, то ли от его пугающей близости. Я всё еще стояла перед ним в одной тонкой сорочке, не пытаясь ничего скрыть... и Маркус, кажется, только сейчас осознал, во что я одета. Точнее — во что *не*одета.

Он осекся. Его взгляд, вопреки собственному приказу о дистанции, медленно и жадно прошелся по моему телу. Тонкая ткань в свете догорающего камина стала почти прозрачной, превратившись в призрачную дымку. На секунду его глаза снова потяжелели, наполнившись тем самым темным пламенем, от которого у меня перехватывало дыхание. Я видела, как он тяжело сглотнул, ведя яростную внутреннюю

войну с самим собой, но железная дисциплина эйра всё же взяла верх.

Маркус провел ладонями по моим предплечьям, разогревая замерзшую кожу, а затем, подхватив плед с кровати, решительно завернул меня в шерстяной кокон. Он обнял меня поверх этого свертка, делясь своим жаром, и прошептал в макушку (он был намного выше, и его подбородок коснулся моих волос):

— Ты самая умная из всех, кого я когда-либо встречал. И именно поэтому тебе будет труднее всего. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось. У Инквизиции есть права, но и мой титул не пустой звук. Мы справимся.

Я уткнулась носом в его грудь, впитывая запах его кожи через ткань его рубашки. Было так хорошо, что я невольно замурлыкала, точь-в-точь как тогда, в горячей ванне в мой первый день в этом мире. Маркус на мгновение замер, и из его груди вырвался ответный, едва слышный стон, смесь удовольствия и муки. Его объятия стали почти болезненно крепкими, а затем он с огромным трудом, буквально отрывая себя от меня, отстранился.

Он медленно провел рукой по моим плечам, там, где под тканью скрывались звездные отметки, и достал из кармана маскирующий браслет.

— Надень, — он сам застегнул его на моем запястье и активировал замок.

Мы в молчании наблюдали, как магия вспыхивает внут-

ренным светом, и мои пятна исчезают, сливаясь с кожей. Я ощутила странную, на мгновение оглушающую вибрацию. Словно браслет маскировал не только внешность, но и что-то глубоко внутри, само мое присутствие в этом мире.

— Этот браслет уникален, — Маркус проследил за движением магических линий. — Создан одной эйрой, по року потерявшей красоту. Она изобрела его, и он единственный в своём роде. Создает вокруг тебя поле статики, сбивающее ищеек Инквизиции — они увидят лишь ровный фон стандартной Тени. Браслет маскирует не только внешность, но ауру и силу. Но нам всё равно нужно быть начеку.

Он взял мое лицо в ладони, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Не отходи от меня ни на шаг. Я знаю, что ты сильная, но там ты не должна мне перечить. Особенно на виду у всех. Мне придется играть роль, Тори, и она тебе совсем не понравится. Как и мне. Здесь, в Астер-Холле, я могу быть собой. Но в остальном мире я Ледяной Герцог. Холодный, как сапфир, цвет которого носит моя семья. Светлые отличаются от людей, про которых ты рассказывала, и дело не только в воспитании... Мы строим мир на иерархии. Если я дам слабину, Инквизиция сожрет нас обоих. Я хотел бы защитить тебя от всего, но у нас только один путь. Ты мне веришь?

Я смотрела на него, чувствуя жар его ладоней на своих щеках. Прежняя Виктория Павловна, та, что строила карьеру на Земле, сейчас бы только фыркнула. После предатель-

ства жениха я дала себе зарок: никогда не доверять мужчине то, от чего зависит моя работа, не говоря уже о жизни. Я не была наивна и отчетливо понимала, что на моей шее ошейник, который дает Маркусу абсолютное право заставить меня сделать что угодно. Один приказ, и мое тело подчинится вопреки воле.

Но я смотрела в его темно-синие глаза и видела в них отражение собственных чувств. Видела, что он не допустит, чтобы со мной что-то случилось. Это было иррационально, опасно, но... я кивнула.

Маркус облегченно вздохнул и на мгновение закрыл глаза, прижавшись своим лбом к моему. Секунда тишины, в которой еще билось тепло, а затем он заставил себя отстраниться.

Его взгляд мгновенно изменился, став жестким и профессиональным. Мы снова были партнерами по сделке, а не женщиной и мужчиной. Эта метаморфоза была настолько резкой, что у меня перехватило дыхание.

— Ни один эйр в столице не должен заподозрить, что ты для меня значишь хоть каплю больше, чем инструмент. Любой намек сделает тебя мишенью номер один для моих врагов и разрушит тот маскарад, который мы будем играть. Я герцог с официальной невестой, сын Регента... А ты моя Личная Тень. Для моего рода это само по себе скандал, у нас веками не заводили подобных слуг. Это привлечет внимание, но мы обратим его в свою пользу. Мы будем играть

свои роли безупречно. Дистанция, холод и субординация. Ты поняла?

Его слова хлестнули меня сильнее пощечины. Только что он терял голову от близости, а теперь выстраивал стену из льда, замуровывая нас по разные стороны. Внутри всё дрожало от негодования, но я лишь снова коротко кивнула, сжимая кулаки под пледом так, что ногти впились в ладони.

— Иди, Тори, — он снова осекся, его взгляд на секунду скользнул по контурам моего тела под шерстяной тканью, напоминая о том, как опасно близко мы были к краю.

Маркус сглотнул, заставляя себя смотреть мне в глаза, а не ниже.

— Я пришлю тебе одежду, соответствующую твоему новому статусу. Форма, которую ты разработала для Астер-Холла... она не подойдет для столицы. Там каждый шов на твоём плече должен кричать о том, что ты собственность герцога, а не просто Тень. А пока отдохни, наберись сил, завтра предстоит тяжелый день. На время коронации город будет закрыт для порталов из соображений безопасности, нам предстоит долгая дорога в экипаже.

Он на мгновение сжал края пледа у моего горла, фиксируя его, словно застегивал доспехи. Его лицо было совсем рядом, застывшая маска, за которой бушевал шторм.

— Иди, — повторил он уже тише, почти прося.

Я развернулась и вышла, плотнее кутаясь в его плед, который всё ещё хранил его тепло. Я знала, что за дверью этой

комнаты нежность закончилась. Завтра начнется большая игра.

Только оказавшись в пустом, гулком коридоре, я в полной мере осознала две вещи. Первая: я только что провела вечность в его личных покоях. Вторая: вкус его поцелуя я не забуду до самой столицы, как бы сильно этот Ледяной Герцог ни старался казаться мне чужим.

Вернувшись в свою комнату, я буквально рухнула на привычно жесткий матрас. Простыни были свежими, пахли лавандой — вероятно, Малия или Сесилия позаботились об этом, пока я была без сознания. Только сейчас, в звенящей тишине, до меня начал доходить истинный масштаб произошедшего.

Я всё еще чувствовала, как горят и пульсируют мои губы, чувствовала, как бешено колотится сердце, отдавая в виски. Фиолетовое марево моей магии, пробужденное его близостью и тем сокрушительным поцелуем, отчаянно билось внутри, желая вырваться наружу и снести нахрен этот браслет, этот замок, этот мир. Но я заставила себя сосредоточиться на том, что было важнее чувств. На том, что в моем мире называли «управлением рисками».

Кто пытался убить меня? Или целью был он? Я должна разобраться со всеми этими трактатами и зазнавшимися светлыми. И что не менее важно со своим собственным телом, которое начало предавать меня, отзываясь на магию определенного светлого.

Я остановила себя в потоке вопросов и пыталась уложить все по полочкам, что всегда помогало мне в моей прошлой жизни.

Я села на кровать, пытаюсь унять пульсирующую боль в висках. Нужно было структурировать данные, но чем больше я думала, тем яснее понимала: я попала в замкнутый круг, где каждый вывод неизбежно приводил к началу.

Пункт первый: Смертельная охота. Меня пытались отравить. Почему? Целью была я или Маркус? Он сказал: «Ты не первая, кто пострадал». Значит, рядом с ним всегда умирают, и теперь я официально в списке смертников. Кто-то в этом замке — или за его пределами — уже начал охоту, и я для них лишь досадное препятствие на пути к герцогу. Или, что еще хуже, они уже знают, кто я на самом деле. Магия в этом мире умирает, и безумный Култ с законными правами ищет способ её вернуть. Маркус нашел в архивах упоминания о Зове драконов, а значит, эту информацию могли найти и другие. Но пустили они зов или нет, я оказалась здесь и не смогу вернуться обратно. Для них я не личность. Я ключ. Тот недостающий кусочек пазла, наполненный иномирной душой «Сосуд», который нужно вскрыть, чтобы напитать иссохшие Источники.

Пункт второй: Иномирный фактор. Теперь я знаю, что я здесь не случайно. Кто-то пустил Зов сквозь реальности, и лира — прежняя хозяйка этого тела — открыла дверь, решив исчезнуть. Эта мысль вызывала мороз по коже: кто-то

в этом мире «заказал» меня из моей реальности, подготовив этот сосуд. Точно ли этот таинственный кукловод «упустил» меня или намеренно отдал меня Маркусу. В любом случае он придет за своим имуществом. Моя жизнь здесь началась с чужого отречения, и я не имею права проиграть эту партию.

Пункт третий: Невозможная тяга. Тот поцелуй... почему я чувствую его присутствие каждой клеткой кожи? Это не было просто химией или выбросом гормонов, это было похоже на короткое замыкание двух энергосистем. Нас тянет друг к другу с силой сталкивающихся планет, но, между нами, пропасть. Он герцог с грузом долга и невестой-цепью на шее, а я его «эффективный инструмент». Единственный призрачный шанс на свободу — это наша реформа. Если мы внедрим новую систему управления в столице, если я докажу свою незаменимость как личность, а не как Тень... возможно, я смогу выторговать себе право на свободную жизнь.

Пункт четвертый: Риск разоблачения. Но тут круг замыкается. Стоит мне проявить себя, стоит кому-то в столице — Алессе, отцу Маркуса или культистам — увидеть мои «звезды» или понять, что я чужая в этом мире, как всё рухнет. Реформа захлебнется в моей крови, Маркуса обвинят в сокрытии того, что принадлежит короне, а меня отправят в застенки Культа «ради общего блага». И это снова возвращает меня к пункту первому.

Замкнутый круг. Петля, которая затягивается на моей шее с каждым вдохом. Мой аналитический склад ума столк-

нулся с системой, которую невозможно взломать, не уничтожив её до самого основания.

Я дала себе ровно один час на слабость. Зарылась лицом в подушку, позволяя слезам — смеси страха, ярости и непонятной тоски — намочить наволочку. Я оплакивала свою понятную и привычную жизнь в Москве, свои графики и свою безопасность. Я оплакивала ту «романтическую дуру», которая только что получила поцелуй мечты, а через минуту была названа «инструментом», обязанным держаться в шаге позади.

Ровно через шестьдесят минут я подняла голову. Глаза опухли, но взгляд снова стал жестким. Если этот мир решил втянуть меня в свою игру, я заставлю его играть по моим правилам. Даже если для этого мне придется стать самой опасной Тенью в истории Империи.

Я была уверена в своих силах, в своем опыте и умении выживать в условиях корпоративных войн. Кто-то пытался убить меня — или через меня ударить по Маркусу? Что ж, они совершили ту же ошибку, что и мои конкуренты на Земле: они недооценили меня. Я разберусь со всем, как это делала всегда, даже если будет казаться что бой будет невыносимым.

Я засыпала с тяжелым осознанием: в этой шахматной партии я фигура, которой все готовы пожертвовать ради победы. Но они все забыли одну важную деталь из моего мира. Пешка, дошедшая до края доски, может стать кем угодно.

И завтра, по дороге в столицу, я начну свой путь к этому краю.

Я еще не представляла, что предостережения Маркуса про столицу окажутся не просто правдивыми, а по-настоящему ужасными. Но в ту ночь я засыпала с одной мыслью: если этот мир решил втянуть меня в свою игру, я заставлю его играть по моим правилам.

Глава 7. Моя Личная Тень.

Маркус.

Все должно было быть просто.

Жизнь аристократа моего уровня — это шахматная партия, где фигуры расставлены на десятилетия вперед, а эмоции лишь досадная помеха для чистоты маневра. Отец — Регент, задыхающийся от собственной жажды власти, превратил Империю в механизм, работающий на износ. Принц Адриан мой единственный друг, и я поклялся сделать всё, чтобы он сел на престол, свое законное место Императора. Мы не были слепцами и знали, что мой отец далеко не белый и пушистый. Власть, оказавшаяся в его руках в Ту ночь, когда пал прежний правитель, это добыча, которую он не отдаст просто так.

В ту самую ночь, когда всё рухнуло, мы с Адрианом получили свои предсказания от бродячего оракула с ярмарки. Принц поверил в них сразу. Я — нет. Мой мир всегда держался на расчете, сухой логике и плане восстановления законной династии. Я презирал фатализм и считал сказки уделом слабых. Но когда я впервые увидел Её в той богом забытой приграничной таверне — взъерошенную, дерзкую, смотрящую на меня с какой-то иномирной гордостью, — я увидел в ней лишь шанс.

Помню свой первый шок. Отмеченная звездами. В захо-

лустном кабаке стояла темная, чья кожа несла отметки звезд, которых в нашем мире не видели десятилетиями. Согласно протоколу Империи, я обязан был немедленно взять её под стражу и передать Инквизиции в Храм Солнца.

Столетия назад любой эйр на моем месте упал бы на колени перед этим знаменем. Тогда магистры еще отчаянно верили, что запечатанный мир можно взломать, как закрытый ковчег, используя таких, как она. Они называли это «возвращением Источников», но для меня это всегда звучало как предсмертный хрип угасающей цивилизации, которая не умеет жить без костылей древней магии.

Трактат... Эта пыльная рукопись стала фундаментом для целой касты паразитов — Культа Солнца. В их понимании Отмеченная не была личностью. Она была «Сосудом». Оболочкой. Живым указателем к мифическому Ключу запертого мира.

Культисты верили, что Сосуд — это мост, по которому должен пройти «истинный правитель». Мой отец, будучи Регентом, годами спонсировал эти бредни, надеясь, что однажды такая «Тень Короны» окажется в его руках и даст ему божественное право на трон, которого у него никогда не было по крови. Законы Империи, принятые в эпоху расцвета, гласили: любая Отмеченная принадлежит Короне и Храму. Они становились живыми реликвиями, запертыми в золотых клетках дворца под неусыпным взором инквизиторов.

Но годы шли, магия продолжала таять, а «сосуды» ока-

зывались пустыми. Последняя Отмеченная, появившаяся тридцать лет назад, так и ушла в небытие, не открыв ни одной двери. Постепенно великие цели сменились приземленной артефакторикой, а последователи Трактата превратились в кучку фанатиков.

Законы о передаче Сосудов Храму всё еще действовали, и кара за их сокрытие была суровой — смерть. Но я не верил в Трактат. Для меня это была пыльная сказка о поиске мифического Ключа, который никто никогда не видел. Я не испытывал трепета перед «священными знаками» на её коже, считая это редкой природной аномалией, экзотической мутацией. И решил, что этот «Сосуд» сослужит лучшую службу моим планам, став идеальной приманкой для Адриана, чем будет пылиться в подвалах Инквизиции в ожидании чуда, которое никогда не случится.

Я решил скрыть её не из милосердия. Мной двигала холодная, злая ирония. Если Культ и даже мой собственный отец так жаждут «Сосуд», а Адриан бредит «Резонансом», я дам им то, что они хотят, но на моих условиях. Я выдрессирую её, дам ей цвета моего дома и введу в зал в день коронации, чтобы посмотреть, как посыплется их вера в судьбу, когда я подложу им обычную темную с редкой мутацией кожи вместо «ключа к спасению мира».

Я хотел доказать Адриану, что «провидение» — это просто товар, который можно упаковать в красивое платье и выставить на аукцион. В конце концов, я слишком хорошо пом-

нил, как он годами бредил своими предсказаниями.

«Резонанс проявится после восхождения на трон и отразится в той, что несет Печать Драконов» — эти строки он цитировал так часто, что они выжглись у меня на подкорке. Он перерыл все доступные архивы столицы, пытаясь расшифровать скупые строки о «половине души». В его представлении это была либо принцесса исчезнувших династий, несущая в себе кровь Древних, либо «Отмеченная звездами» темная, чья плоть хранит в себе магию самих Драконов.

Ни один из этих вариантов не сулил Империи ничего хорошего. Светлых эйров с Древней кровью в нашем мире остались единицы, и, как он не раз говорил, ни одна из них не вызывала у Адриана даже тени Резонанса — поверьте, он проверял каждую с фанатизмом одержимого. А Отмеченная... Появление нового Сосуда сейчас, в период крайней нестабильности, было подобно взрыву бочки с порохом. Если бы Адриан нашел её, и она стала бы его Резонансом, это дало бы ему легитимность божественного уровня в глазах фанатиков. Но это также сделало бы его вечным заложником Культа и Трактата.

В этом и была главная ирония. Адриан, как и его отец, покойный Император, на словах тоже не верил в Трактат. Они оба считали себя выше суеверий, но при этом последняя Отмеченная, явленная тридцать лет назад, до самой смерти оставалась лишь «Тенью короны» — личной вещью Императора, запертой под предлогом высшего блага.

Мой друг считал, что такая спутница станет ключом к возвращению магии того порядка, к которой наш мир давно не был готов. Я предупреждал его: такие поиски — это прогулка по минному полю. Но он не желал слушать. Он грезил о Резонансе как о высшем благе, как о пути к утопии, где Свет и Тьма наконец придут к балансу. Для него это была мечта о спасении. Для меня — опасная уязвимость будущего Императора.

И именно поэтому, когда я увидел Тори в той таверне, я решил сыграть. Я считал предсказание оракула сентиментальным бредом, очередным шарлатанством, которым полнится столица перед большими переменами. Ради шутки над этой детской верой принца в провидение я решил придержать «Отмеченную» у себя. Я хотел, чтобы Адриан наконец повзрослел. Чтобы он увидел: «судьба» — это просто инструмент, который можно купить, продать или подделать. Она должна была стать моим финальным аргументом в споре о том, что мы сами кузнецы своей истории.

Но я не учел, что за те два месяца, что Тори проведет в моем доме, она станет не моим козырем, а моим личным проклятием.

Моя игра сломалась в ту же секунду, как я коснулся её руки. Сначала это было физическое притяжение, которое я принял за обычное вожделение к ее необычной красоте. Но Тори... она была другой. С самого первого дня она вела себя так, словно понятия не имела, что такое быть темной лирой

в мире светлых эйров.

Первые три недели я наблюдал за ней почти издалека, через магические контуры поместья, и впадал в ступор. Вместо того чтобы забиться в угол и оплакивать свою участь, как сделала бы любая другая Тень, она начала изучать Астер-Холл как полководец вражескую крепость. Она вела себя вызывающе странно: в её осанке не было рабского излома, она говорила на непонятном наречии и твердила о провалах в памяти. Сесилия, которую обычно невозможно было заставить сменить гнев на милость, внезапно начала приводить её в пример. Вскоре её — безродную темную — начали уважать все, от кухонных мальчишек до старых конюхов.

Но больше всего меня пугала её одержимость библиотекой. Другие Тени не проявляли интереса к книгам, для них это были лишь груды пергамента. Тори же проводила там часы. Я видел, как она хаотично искала что-то на полках, как её пальцы замирали на корешках древних трактатов, смысл которых она не могла знать. Она искала ответы, которые рабыне не положены по статусу. В её глазах не было страха, только острая, почти болезненная жажда информации. Именно тогда в моей голове крепла безумная догадка: она не из этого мира. Её манера речи, её игнорирование сословных границ, странные термины и «структурированный подход» к быту поместья... Это не была магия, это была иная логика.

Я пытался понять, кто она, держась подальше. Но я буквально сходил с ума от реакции своего тела и магии на одни

только мысли или сны о ней. Ох, уж эти сны... Они лишали меня воли. Я сбежал из собственного дома, чтобы искать информацию. Эта девчонка несла в себе слишком много противоречий. Хозяйка таверны твердила о трех днях непрекращающихся рыданий, но передо мной стояла далеко не сломленная Тень. У неё не было истории. Даже ошейник — этот беспристрастный свидетель прошлого — не выдавал ни единой записи. Почему такая редкость, как Отмеченная, не попалась инквизиторам раньше?

Я искал ответы. Снова вернулся в ту таверну, допрашивал управляющую, пытался найти того, кто её оставил. Я действовал аккуратно, но, видимо, не слишком. Алесса прочитала мой интерес, и я, сам того не желая, запустил цепочку событий, привлекая к Тори ненужное внимание. Поэтому я вновь отстранился, стараясь затуманить свое влечение.

Шли недели. Одна, вторая... месяц. Вместо того чтобы стать послушным инструментом, она стала нервом моего дома. Она вносила хаос в традиции, которые строились веками, но парадоксальным образом улучшала их. Она явно что-то скрывала, играя роль «рабыни с потерей памяти» из рук вон плохо, подтверждая мои мысли о её иномирности. Но я позволил ей играть. Мне было слишком любопытно, когда этот идеальный фасад даст трещину. Я видел, как её «архитектурный» склад ума подчиняет себе пространство. И чем больше я наблюдал за тем, как она выстраивает систему КРП для кухонных рабочих (о боги, я до сих пор не до конца по-

нимаю, что это значит), тем отчетливее осознавал: передо мной не просто Отмеченная. Передо мной кто-то, кто привык управлять реальностью на совершенно ином уровне.

И я погрузился в поиски ещё глубже. В книгах, которые когда-то выискивал Адриан, я нашел то, на что даже не надеялся. Историю Резонанса душ. Драконы называли это «соитием двух половин», а своих избранниц — Эйями. Я никогда не был мечтателем и всегда считал подобные легенды мифом для слабых духом. Но рядом, в пожелтевших свитках, упоминалось кое-что о «Зове Драконов». Книги гласили: если дракон не мог найти свою половинку души, он пускал «Зов» — мощный магический импульс, выдергивающий его вторую часть из самого небытия. Но Драконов не было тысячи лет! Если это правда, то кто призвал её? И если кто-то другой совершил этот призыв, то почему меня так тянет к ней? Так сильно, что я начал думать: не мой ли это собственный Резонанс?

Конечно, светлые, как прямые потомки драконов, тоже были способны чувствовать этот отклик, но в наше время он доходил лишь слабым эхом, далеким от того мощного импульса, что описывали в книгах древние. Истинный Резонанс пары стал редкостью, исчезнув практически сразу после начала войны между двумя Империями.

Раньше история описывала это как высший дар, как редкое счастье, которого в «золотой век» жаждал каждый светлый. Но стоило пролиться первой крови в великом проти-

востоянии, как Резонанс начал затухать, превращаясь из реальности в красивую легенду. Сейчас такие пары — единицы. И хотя втайне каждый эйр мечтает встретить свою «половину», те немногие, кому это удалось, никогда не делятся своим секретом. Они прячутся, оберегая свою связь от чужих глаз. В высшем обществе об этом лишь шепчутся с оттенком суеверного страха: все знают, что власть такого союза безгранична, но и уязвимость тех, кто в нем состоит, становится фатальной.

Но одно дело Резонанс между светлыми, это всё ещё считалось благословением, пусть и почти недостижимым. Но Резонанс между светлым и темным... об этом не говорили вслух. Это считалось почти невозможным, противоестественным, опасным. Опасным прежде всего потому, что темные из-за своей хаотичной, эгоцентричной натуры никогда не чувствовали Резонанса. Их магия — это бушующий океан эмоций, в котором слишком много «шума», чтобы уловить тонкую вибрацию чужой души. Для светлого такой союз превращался в пожизненный приговор: ты чувствуешь её каждой клеткой, ты зависишь от её дыхания, а она... она остаётся глуха. Ты отдаешь всё, а в ответ получаешь лишь пустоту или простое физическое влечение. Ты горишь в одиночку.

Мне тут же вспомнился дядя Валериан, брат моей давно ушедшей матери. Его история была семейным позором: блестящий наследник, который «заболел» темной и сгорел в этом пламени, оставив титул мне. Отец всегда вбивал мне

в голову: это не любовь, это дефект крови, это безумие, которое нужно выжигать.

Я читал те строки книги, описания чувств светлых в момент Резонанса и в ужасе узнавал себя. Я отрицал каждое слово, клялся, что буду сильнее Валериана. Решил: сдам её Инквизиции, уничтожу эту связь... Но стоило закрыть книгу и вспомнить запах её кожи, как вся решимость превращалась в пепел.

На пике этого внутреннего бунта я был готов бросить всё: отказаться от плана с принцем, лично отдать её в застенки, лишь бы прекратить эту пытку. Но при каждой встрече выстраданные решения рассыпались в прах.

Я так запутался, что больше не мог держать дистанцию. Я загнал её в угол, и когда она призналась, что она иномирка, мой мир окончательно рухнул. В тот миг я почувствовал безумный коктейль из животного ужаса и ликующей радости: я был прав. Она действительно иная. Она не принадлежит этому миру, и, возможно, именно поэтому мой Резонанс звучит так оглушительно. Её близость, её запах... Я едва сдерживал себя, чтобы не совершить непоправимое прямо там: не сорвать маски и не забрать её себе, наплевав на присягу, на коронацию, на саму Империю.

В голову лезли мысли о моем собственном предсказании, которое я получил в Ту ночь, когда пал Император. Слова, что я выжег из памяти, потому что они были слишком опасны:

«Ты тоже встретишь свою Эйю, Маркус Астер. Она придет на зов из мира, закованного в стекло и сталь, где вместо магии — шестеренки и холодный расчет. Но если союз твоего принца принесет Империи покой, то твой — обрушит её в хаос. Твоя любовь станет костром, в котором сгорит старый порядок, потому что тот, кто приручил металл, никогда не склонится перед короной...»

Я боялся этого всю жизнь. Поэтому я выбрал Алессу — удобную, пустую, не вызывающую во мне ни капли лишних эмоций. Она была моим предохранителем от катастрофы. Но Тори принесла с собой хаос, и её рассказы об иномирье — о зданиях до небес и машинах из стали — били наотмашь. Если моё предсказание правда... значит, и всё остальное правда? И Тракта, и пророчество Адриана?

Холодный пот прошиб меня. Ведь если Тори — та самая, «Отмеченная звездами», единственная за тридцать лет, и появилась она прямо перед коронацией... Что, если оракул предсказал её и Адриану? Что, если она — и мой хаос, и его Резонанс одновременно?

И именно в том момент, когда я задался этим вопросом и липкий страх потек по моим венам, в Астер-Холле появился Адриан.

Его внезапный визит сработал как ледяная пощечина. Реальность, которую я так отчаянно пытался вытеснить, ворвалась в комнату вместе с ним: политические обязательства, коронация, хрупкое равновесие между двумя Империями и

ядовитая паутина интриг. Меня захлестнула паника, за которой по пятам шла ядовитая, черная ревность. Я сам привел Тори, чтобы отдать её ему, но теперь одна мысль об этом заставляла мою магию вскипать. А что, если по насмешке богов она окажется ЕГО? Если он узнает в ней Резонанс, и «Печать Дракона» на её коже откликнется на его кровь?

Она же МОЯ! Это осознание ударило в голову, как чистый, неразбавленный огонь.

Я еле сдержался, чтобы не выставить будущего Императора вон. Я смотрел, как он кружит вокруг неё, как касается взглядом её лица, и внутри меня всё выжигало ледяным пламенем. Я осознал с пугающей четкостью: на мгновение я был готов убить лучшего друга, предать клятвы и Империю, если бы он протянул к ней руки как к своей судьбе.

Но Адриан остался слеп, увидев перед собой лишь «красивую игрушку». Это стало моим спасением... и окончательным проклятием. Раз он не почувствовал ничего, значит, оракул не ошибся — она предназначена мне. И всё же, ядревности не унимался, а лишь сменил цель. Если она мой Резонанс, то почему её призвал кто-то другой? Кто тот невидимый враг, чья воля вырвала её из иномирия? Эта мысль о чужой связи, о ком-то, кто имел на неё права раньше меня, сводила с ума не меньше, чем близость Адриана. Я готов был вырвать это имя из самого мироздания, лишь бы убедиться, что между ней и тем «другим» всё кончено навсегда.

Но что я мог сделать? Адриан был прав, называя это «ин-

трижкой». Я не мог отказаться от Империи, от клятв другу и от своей семьи. Тогда я принял решение, в котором лгал сам себе: я оставляю её в качестве Тени, спрятанной у всех на виду. В этом мне помог исключительный маскирующий браслет — он скрывал её «звезды», становясь нашей общей тайной.

Я забрал её себе. На её ошейнике красовался сапфировый цвет моего дома и мое имя — символ моей власти, ставший символом моей зависимости. Видеть на ней это рабское клеймо было всё равно что надеть его на самого себя, но это был единственный способ обезопасить её. Сделать её по-настоящему свободной я мог, только дав ей свою фамилию, но этот путь был закрыт наглухо.

Закрыт законом Империи, который я сам защищал. Если бы Культ или мой отец узнали, кто она на самом деле, её бы выпили досуха. А если бы всплыло имя того, кто её призвал... последствия могли обрушить всю Империю. И я всё ещё отчаянно обманывал себя, твердя, что она не мой Резонанс. Ведь признать это значило встать на путь моего дяди Валериана. Блистательный наследник, который отказался от всего и фактически сам надел рабский ошейник, лишь бы быть тенью у ног своей темной. Я не мог позволить себе сгореть так же бесславно. Поэтому я оставил всё как есть: спрятал её у всех на виду и выжидал.

Я тешил себя иллюзией контроля. Надеялся, что ошейник напомнит мне о её «месте» и «вылечит» моё влечение. Я ду-

мал, что совместная работа, бесконечные отчеты и споры помогут мне «перегореть». Но с каждым часом рядом я понимал: я проигрываю. Моё отрицание того, что она мой Резонанс, затиралось, как старый пергамент под каплями дождя.

К тому же, её иномирность окончательно спутывала карты. Если Инквизиция Культа узнает, что она призванная, если они сложат пазл с Зовом Драконов так же, как это сделал я... Если они поймут, что кто-то намеренно вырвал её из другого мира...

Меня не покидала одна и та же мысль, от которой веяло холодом расчетливой шахматной партии: неужели тот, кто её призвал, действительно совершил ошибку и упустил такой козырь? Или этот «кукловод» целенаправленно вложил её в мои руки, зная, что я не смогу пройти мимо? Эта догадка жгла изнутри — я чувствовал, что мы с Тори мыслим в одном ритме, ища подвох там, где другие видят случайность.

Но ставки были слишком высоки: если правда всплывет, её заберут для ритуалов, а меня казнят за сокрытие. А если меня казнят, как я её защищу? По логике я должен был спрятать её в самом глухом углу Империи, далеко и надолго. Но я оказался слишком слаб и эгоистичен, чтобы отпустить её, даже если бы это спасло её от всего мира. Я понимал: если я позволю ей уйти сейчас, этот зов, эта тяга к ней, просто выжжет меня дотла. Я выбрал держать её рядом, превратив свой дом в её клетку, а себя — в её тюремщика, лишь бы не оставаться в пустоте.

Тогда я правда так думал, не ведая, что истина заключалась не в её безопасности, а во мне. Я просто не мог позволить этой пустоте внутри победить. Эгоист. Надо было отпустить её тогда, иначе не случилось бы следующего. Не рухнул бы мой мир.

И это произошло, когда я увидел, как она падает на ковер, задыхаясь от яда. В ту секунду мир перестал существовать. Моё напускное хладнокровие, мои планы, моё отрицание — всё рассыпалось в прах.

Пять ночей в бреду она звала меня. Звала так, как не звала никогда — по имени. Мое собственное имя из ее уст было ударом молота по моей броне, выбивающим из меня последние остатки лорда Астера. Я разнес ползамка, я готов был казнить любого, кто попадался под руку. Я провел эти пять дней в аду, думая, что потерял её, и в этом пламени сгорело всё: мне стало плевать, кто она — темная или светлая, рабыня или Отмеченная. Мне стало плевать, кто и зачем призвал её в этот мир.

Меня по-настоящему пугало только одно: что её душа может просто не удержаться. Я знал о рисках иномирцев — этот мир мог «выплюнуть» её сущность обратно в небытие, если связь с телом ослабнет. Я несколько раз почти терял её, и в те мгновения моя собственная душа разрывалась на части. Я боялся, что она не откроет глаза. Или, что еще страшнее, откроет — и это будет уже не она, а лишь пустая оболочка, лишенная той искры, что так меня злила и восхищала. Я был

готов покинуть этот мир вместе с ней, если она не вернется.

Всё сошлось: Предсказание, Зов Дракона, её чужеродная логика. Она была той самой «звездной половиной». Но по иронии судьбы я сам украл её, чтобы отдать Адриану. И теперь мой собственный Резонанс разрывал меня на части, шепча, что я скорее сожгу этот мир, чем позволю ей уйти.

Но она вернулась. Когда я снова увидел её взгляд, живой, осмысленный, я не смог сдержаться. Я хотел увидеть её настоящую, без прикрас и маскировки. Я сорвал браслет и замер.

Они были там. Ослепительные белые отметки на её коже. Без маскирующей магии Резонанс запел в крови с такой силой, что в ушах зазвенело. Мне стало страшно представить, что произойдет, если снять еще и ошейник — мощь нашего союза могла бы просто выжечь это поместье. И тогда я окончательно признал: она моя Эйя. Так древние драконы называли свои половины души.

Она, моя воительница, потребовала ответов. Теперь я не видел смысла скрывать правду, но всё еще боялся признаться ей в Резонансе. Боялся, что она мне не ответит, хотя и не мог противиться её близости. Запах её кожи, осознание того, что она дышит... я поцеловал её. Этот поцелуй не был просьбой о взаимности, это был захват — отчаянный, обжигающий. В этот миг я коснулся самого мироздания. Я почувствовал, как мой собственный морок — та вежливая маска, за которой светлые прячут свою хищную суть — осыпается

пеплом. Мои клыки, которые я приучен был скрывать с детства, обнажились, требуя своей доли её крови. Теперь я точно знал, что она моя.

Но когда я отстранился, я увидел в её глазах только шок и полное непонимание. Сердце облилось кровью от осознания горькой истины: она осталась слепа к моей душе. Это стало моим самым тяжким наказанием. Наказанием за то, что я годами не верил в предсказания. Наказанием за то, что я не принял свой Резонанс сразу, держа в приоритете статус и власть. Теперь в моих глазах дядя Валериан был не слабым, каким его описывал отец, а сильнейшим из эйров. Даже если сейчас этот эйр был лишь тенью у ног своей Эйи.

Но это не значит, что я должен повторить его судьбу. Поэтому я принял решение, противоречащее всей моей жизни. Я везу её в столицу, в самое пекло, под прямой прицел отца и Алессы. Это безумие, но только так я смогу её защитить — в шаге от себя. Я еду туда, чтобы найти способ: либо разорвать эту проклятую связь, которая грозит превратить меня в безумца, либо изменить этот мир настолько, чтобы она стала свободной, и мы смогли быть вместе.

Я больше не бегу. Я везу хаос с собой. Если кто-то попытается отнять её у меня, я принесу Империи такую войну, какой она не видела со времен ухода Драконов. Потому что она — Моя. И теперь это единственный закон, в который я верю.

Мы ехали в змеиное гнездо. В карете я смотрел на её

уставшее лицо и понимал: мой путь лорда окончен. Начался путь эйра, у которого нет права на ошибку. Осталось только убедить её быть рядом и надеяться, что когда-нибудь она простит меня за то, что я уготовил для нас обоих...

Глава 8. Змеиное гнездо.

Тори.

Столица встретила нас не торжественным колокольным звоном, а удушливым, липким запахом интриг и затяжным дождем, превращавшим брусчатку в глянцевые черные зеркала. Местные порталы были заблокированы «в целях безопасности» — классический протокол при чрезвычайном положении. Город казался огромной ловушкой из белого камня и стали, которая глухо захлопнулась за нашими спинами, стоило тяжелым кованым воротам остаться позади.

Карета с гербом Астеров размеренно катилась по центральным проспектам, и я физически ощущала, как меняется химический состав воздуха. Здесь он был перенасыщен чужой, светлой магией — плотной, надменной, давящей на виски невидимым прессом. Сапфировый ошейник на моей шее едва заметно вибрировал, реагируя на эту плотность, и вибрация отдавалась тупой болью где-то у основания черепа.

Столица представляла собой грандиозный лабиринт из безупречного белого мрамора и затаенного страха. Магический купол, возведенный на время коронации, превращал мегаполис в герметичный сосуд, где яд интриг разливался по улицам вместе с вечерним туманом.

Маркус, сидевший напротив, за последние часы дороги окончательно превратился в безупречную мраморную ста-

тую самого себя.

Тот мужчина, который вжимал меня в свое тело в тишине Астер-Холла, целуя так жадно, словно пытался выпить самую мою душу... этот мужчина исчез. Стерся. Откатился к заводским настройкам. Глядя на его плотно сжатые, сухие губы, было невозможно поверить, что еще вчера они обжигали мою кожу, а его голос, хриплый от глухого желания, признавал: «Ты моя самая большая уязвимость».

Сейчас эта уязвимость была надежно спрятана под слоями дорогого темно-синего сукна, семейными пуговицами и глухим воротником. Ледяной герцог вернулся в родную экосистему, мгновенно активировав привычный интерфейс равнодушия.

Карета замедлила ход, въезжая в ворота колоссальной городской резиденции.

— Дом, милый дом, — произнес Маркус бесстрастно, неотрывно глядя в окно на возвышающееся впереди здание.

У меня бы язык не повернулся назвать это место «домом». Передо мной монументально высился настоящий, подавляющий своими масштабами дворец. И в реплике лорда Астера не было ни тепла, ни искры от тех воспоминаний, что еще горели на моих губах. Он возвращался к своей «идеальной», выверенной до миллиметра жизни, где его ждал высокий статус, и такая же идеальная, высокомерная невеста.

А я... Я снова была переведена в разряд функциональных деталей его свиты. Инвентарь. Декорация. Его Личной Те-

нюю.

В памяти всплыло утро перед отъездом. Малия и Сесилия готовили меня к этой поездке с такой тщательностью, словно собирали на настоящую войну. Пока Малия молчаливо — всё еще наказывая себя за то, что недосмотрела за ядом, — полировала серебро моих наручей до зеркального блеска, Сесилия затягивала жесткие кожаные ремни дорожного костюма. Её руки, обычно такие уверенные, заметно дрожали.

— Ты должна понимать, Тори, — тихо говорила она, поправляя мой плотный воротник, скрывающий рабский ошейник. — Одно дело — быть Личной Тенью здесь, в родовых землях Астеров. В Астер-Холле слово Его Светлости — абсолютный закон. Здесь ты за его спиной, как за каменной стеной, и ни один слуга или заезжий аристократ не посмеет даже пальцем тебя тронуть, зная крутой нрав хозяина. Но столица...

Сесилия на секунду замерла, и в её глазах плеснулся неподдельный, застарелый страх того, который знает, как устроен высший свет.

— Столица — это чужая территория. Там твой статус Личной Тени превратится из щита в огромную мишень. Да, у тебя будут невероятные для рабыни привилегии: ты сможешь входить за Хозяином туда, куда закроют двери перед другими лордами, ты будешь делить с ним его пространство и его цвета. Но взамен... враги герцога будут препарировать каждый твой вдох. Аристократы, Инквизиция — все

они станут искать, почему ледяной Астер держит тебя так близко. Любой твой неверный жест, любая заминка будут использованы против него. И если здесь ошибка стоила бы тебе порки, то там тебя просто уничтожат. Будь осторожна. Не верь никому, Тори. Особенно тем, кто улыбается.

— Говоришь так, словно тебе это слишком хорошо знакомо, — заметила я, внимательно вглядываясь в её лицо.

Сесилия застыла, так и не опустив руки от моего воротника.

— Я имею в виду столицу, интриги... — пояснила я.

— Я... — она на мгновение замялась, отвела взгляд, и в этой короткой заминке мне почудилась глубокая, тщательно охраняемая тайна. Я поняла, что действительно многого не знаю о той, кто управляет бытом Астер-Холла. И пообещала себе узнать её историю лучше, когда — и, если — вернусь обратно.

— Тебе в любом случае стоит последовать совету нашего Хозяина, — Сесилия быстро взяла себя в руки, возвращая лицу привычное строгое выражение. — Ледяная маска — лучшее средство защиты в змеином гнезде.

— Думаешь, это просто маска? — тихо усмехнулась я.

Вспоминая те безумные эмоциональные качели, которые Маркус устраивал мне за последние недели — от леденящего контроля до яростной, удушающей вспышки страсти, — я впервые осознала правила этой игры.

— Мне казалось, светлые в принципе не способны на жи-

вые чувства, — добавила я, проверяя реакцию подруг. — Что они сотканы из чистого расчета.

— Зато они умеют хорошо играть на чувствах других, — почти неслышно уронила Малия, даже не подняв головы от полировки моих наручей.

И теперь, глядя на непроницаемый профиль Маркуса, я понимала, что они имели в виду. Он уже начал играть свою роль, и в этой пьесе я была лишь дорогой экипировкой. Инвентарем.

Он вглядывался в окно, и его профиль казался высеченным из камня, но я заметила то, что скрылось бы от любого другого: побелевшие костяшки пальцев, мертвой хваткой сжимающих эфес меча. Мой «ледяной герцог» готовился к обороне.

Я невольно поправила высокий воротник своего нового дорожного костюма. Маркус лично курировал мой гардероб, и теперь на мне была форма Личной Тени — строгая, элегантная и пугающе дорогая.

— Слушай меня внимательно, Тори, — его голос прозвучал сухо, почти официально, но в глубине зрачков полыхнуло предостережение. — Мой столичный особняк — это не Астер-Холл. Здесь у стен есть уши, а у ковров — глаза. Твой статус моей Личной Тени — это твой абсолютный, железобетонный щит. Закон Империи суров: любое посягательство на Тень приравнивается к прямой атаке на Хозяина, так что физически тебя никто не посмеет даже пальцем тронуть. Но

помни: этот же щит делает тебя идеальным громоотводом. Мишенью номер один для каждого, кто мечтает уколоть меня. Мои враги не могут напасть на тебя открыто, поэтому они будут искать законные лазейки, провоцировать тебя, ловить на малейшей заминке — и всё ради того, чтобы через твою ошибку уничтожить мою репутацию.

— Я умею работать в условиях агрессивной корпоративной среды, — ответила я, машинально поправляя манжеты.

— Корпоративной? — Маркус приподнял бровь, и слегка улыбнулся.

Стало действительно легче от того, что хоть кто-то в этом мире узнал правду обо мне. Стала ли я полностью доверять ему? Нет. На мне всё ещё был рабский ошейник, и доверять «хозяину» было бы верхом глупости, а я никогда не была душой. Но та часть меня, которая позволила себя поцеловать... она предательски ныла где-то в середине груди....

— Помни главное, — вернул меня в реальность его голос. — Алесса уже там. А мой отец... Они будут искать в тебе малейшую трещину. Не давай им этого шанса.

Я смотрела в его глаза и жалела, что не попала в мир, где умеют читать мысли. То, что он говорил мне в своих покоях... мне показалось, я почувствовала нечто большее, чем просто слова. Какую-то странную, пульсирующую вибрацию в самом воздухе, словно мы были настроены на одну частоту. Я не знала, что это было, но это пугало меня сильнее любого яда. На долю мгновения мне показалось, что он признается,

что тоже это чувствует. Что эта невидимая нить, натянутая между нами до звона, существует не только в моей голове. Но он промолчал.

Мое глупое сердце, которое я когда-то так бережно заковала в лед, дало трещину. И сейчас, глядя на его безупречный профиль, на заостренные уши, к которым я уже привыкла, на его губы... я отчетливо вспоминала их вкус. Вспоминала покалывание от его клыков — тогда это было обжигающе горячо. А сейчас он был таким же далеким и отстраненным, как в первый день нашей встречи.

Что ж. В эту игру могут играть двое. Если он хочет видеть во мне идеальный инструмент, он его получит.

Дверца кареты распахнулась, впуская в салон влажный воздух столицы, монотонный шум дождя и тяжелый гул сотен чужих голосов где-то на периферии.

Маркус вышел первым. Его сапоги глухо стукнули по мокрой брусчатке, и в ту же секунду, вопреки всем правилам приличия, жесткому этикету светлых и вековым устоям Империи, он развернулся и подал мне руку.

Ладонь в безупречной перчатке из темной кожи замерла в приглашающем жесте.

Я не стала колебаться. В конце концов, в условиях кризиса глупо отказываться от протянутых ресурсов, поэтому я непременно воспользовалась его жестом, уверенно опустив свои пальцы на его ладонь.

Над парадным крыльцом повисла звенящая, неестествен-

ная тишина. Я отчетливо услышала, как кто-то из встречающих, пожилой эйр в расшитом темно-синем ливрее управляющего, резко и возмущенно вдохнул воздух, словно мы только что совершили святотатство.

Когда мои каблукы коснулись влажной мостовой, я не опустила взгляда. В этом змеином гнезде мой внешний вид был либо верхом вызывающей дерзости, либо манифестом новой эры.

Платье-футляр из тяжелого, невероятно плотного атласа цвета полуночного сапфира — фамильного тона дома Астеров — с интегрированным белоснежным корсетом безупречно облегло фигуру, плавно переходя в жесткую стойку-ошейник из вороненой стали. Ткань почти не давала складок; она казалась литой и матово поблескивала под редкими каплями дождя, словно отполированный темный камень.

Но настоящим вызовом обществу были тяжелые серебряные наплечники. В отличие от столичных аристократок, чья парадная броня обычно ломилась от россыпи драгоценных камней, скрывающих сам металл, мои пластины были вызывающе, зеркально гладкими. Чистое серебро высшей пробы — знак реальной исполнительной власти, лишенной декоративной мишуры.

От плеч ниспадала тяжелая накидка из плотного сапфирового бархата, чей цвет в полумраке казался иссиня-черным, как грозовое небо над родовым поместьем. Но стоило мне сделать шаг, как изнутри, с подбоя, усыпанного вышитыми

серебряными звездами, на контрасте вспыхивала холодная искра — резкий, почти хищный акцент, подтверждающий мое право стоять по правую руку от Сапфирового Герцога.

Руки до самых предплечий закрывали те самые серебряные наручи, что так яростно натирала Малия. Под правым из них едва ощутимо вибрировал скрытый маскирующий браслет, удерживая иллюзию и надежно пряча мои истинные «звезды».

Рядом раздался звук, который я узнала бы из тысячи: Маркус едва слышно прочистил горло — привычный жест, означающий, что он входит в состояние абсолютной концентрации перед встречей. Я инстинктивно повернула голову и на секунду буквально зависла, перехватив его взгляд.

В этой темной глубине не было давешнего безразличия. Там, скрытое от чужих глаз, полыхало безмолвное, яростное предупреждение напополам с чем-то собственническим, от чего у меня перехватило дыхание. Этот взгляд прошил меня насквозь, напоминая обо всем, что произошло в Астер-Холле. Секунда — и Маркус едва заметно, почти неощутимо кивнул, отдавая негласную команду, прежде чем перевести взор строго вперед.

Я последовала его примеру, заталкивая эмоции поглубже и включая режим холодного наблюдения.

Столичная резиденция Астеров подавляла масштабами. Это было колоссальное, монументальное здание из светлого камня, дышащее высокомерной роскошью и вековой си-

лой. От кареты к парадному входу вела широкая лестница, вдоль которой, вытянувшись по струнке, замерла безупречно выстроенная шеренга слуг и темных и светлых Теней. Идеальный, симметричный коридор из сотен опущенных голов и безукоризненной дисциплины. Настоящая экосистема, вышколенная до автоматизма.

А на самой вершине этой парадной лестницы нас ждала Алесса.

Она была идеальным, концентрированным воплощением кроваво-красной столичной власти. Её собственная наплечная броня была шедевром ювелирного искусства: ажурное золото, в котором массивные рубины практически вытеснили собой металл, зловеще сверкало в скудных лучах заходящего солнца. Тяжелая алая накидка волочилась за ней по мраморным ступеням, когда она спускалась к нем, словно кровавый шлейф хищной птицы.

Я отчетливо видела, как злобно и остро блеснули её глаза, стоило ей уставиться на наши соединенные руки. Маркус демонстративно не спешил размыкать пальцы, удерживая мою ладонь в своей.

Затем взгляд Алессы медленно, с хирургической точностью прошелся по «моей броне». Только сейчас, под этим удушающим прицелом, я в полной мере осознала скрытый смысл напутствия Малии и Сесилии. Сочетание тяжелых боевых наручей на плечах и рабского ошейника на шее выглядело пугающе. Это было сочетание абсолютно несочетаемо-

го: высший статус защитника воли герцога и несмываемое клеймо его личной собственности.

Когда она подошла ближе, взгляд Алессы на секунду замер, а затем намертво прилип к темному камню на моем горле. Там, переливаясь глубоким синим пламенем, теперь отчетливо читалась выжженная магией монограмма «М». Официальное клеймо Личной Тени.

Глаза Алессы хищно сузились. На долю секунды её идеальный фасад дал трещину, и она полоснула по мне взглядом такой чистой, концентрированной злобы, что у меня по спине пробежал холодок. Но этот секундный сбой в её столичной маскировке исчез так же стремительно, как и появился. Лицо Алессы мгновенно разгладилось, и когда она перевела взор на Маркуса, её глаза уже светились бесконечной, ласковой нежностью. Она переключилась так виртуозно, что я мысленно заплодировала её актерскому мастерству.

— Маркус, дорогой, — её голос пролился сладким медом, в котором отчетливо горчил концентрированный яд. — Мы уже заждались. Твоя... Тень, как я вижу, оказалась удивительно живучей. После такого ужасного «покушения» на твою жизнь многие в столице ожидали, что ты приедешь... один.

Маркус сжал мои пальцы чуть сильнее — короткое, скрытое от чужих глаз давление, прозвучавшее для меня как безмолвный приказ «держи строй». Только после этого он наконец отпустил мою руку, и пальцы в черной коже скользну-

ли прочь.

— Моя свита так же крепка, как и мои убеждения, Алесса, — его голос прозвучал как удар ледяного клинка: безупречно ровно, безраздельно властно и без единой лишней эмоции. Он мастерски принял подачу, превратив шпильку невесты в демонстрацию собственной силы. — Тори, за мной в кабинет. Нам нужно подготовить отчеты к приему у Регента.

Я кожей чувствовала, как взгляды гвардейцев, слуг и фрейлин Алессы вонзаются мне в спину. Но игра только началась.

— Но дорогой, мы так долго не виделись, и уже так поздно! — Алесса не собиралась сдаваться. — Я уверена, что Версон, твой настоящий секретарь, держит дела в отличном состоянии. Я распорядилась подать ужин. Пусть эта... Тень отдыхает, а мы с тобой проведем замечательный вечер. Скоро ночь, и...

— Алесса, — Маркус поджал губы, — у меня слишком много дел. Через несколько дней коронация, и...

Он замолчал, когда она перевела взгляд с меня на него и капризно надула губы. В этом жесте было столько отрепетированной власти, что Маркус, казалось, на мгновение дрогнул.

— Хорошо, — сдался он. — Ужин. Тори, начнём завтра с утра и...

Я заметила, как у Алессы победно дернулся уголок губ.

— Но любимый, я подготовила столько планов! — заще-

бетала она, чувствуя слабость. — После коронации мы наконец начнём подготовку нашего Единения, и сдалась тебе какая-то Тень! Здесь в столице столько умных, прекрасных светлых. Например, магистр Толкан, или...

— Тори — мой личный помощник, Алесса. И её «эффективность» уже доказана, — голос Маркуса снова стал стальным. — Тори. Тебя проводят. До завтра.

Он развернулся и вошел в дом, чеканя шаг. Каждое движение выражало бесповоротность принятого решения. Алесса проводила его взглядом, полным затаенной ярости, а потом посмотрела на меня так, что любая другая на моем месте превратилась бы в соляной столп. Я же лишь спокойно приподняла бровь.

Она фыркнула, развернулась, разметая свои красные шелка, и направилась вслед за герцогом, на ходу раздавая приказы прислуге и другим Теням, что стояли, низко склонив головы.

Я сделала шаг вперед, чувствуя, как внутри меня просыпается тот самый кризис-менеджер, который когда-то закрывал сделки на миллиарды. Тот драйв, когда ставки запредельны, а оппоненты жаждут твоей крови, вытеснил обиду на холодность Маркуса.

Я огляделась. Столица, с её белоснежными пиками дворцов, вонзающимися в тяжелое серое небо, выглядела пугающе величественно. О них так вдохновенно рассказывала Малия, когда мне наконец удалось убедить её в главном: она не

была виновата. Тот яд, который она принесла, был чужим умыслом, а не её предательством. Лишь когда Малия смогла отпустить свои страхи, она поделилась воспоминаниями о величии Золотого Пика — столицы Империи Айвари. Она бывала здесь когда-то давно, и её застарелый, почти животный ужас перед этим мраморным городом теперь стал моим топливом.

Я усмехнулась, прежде чем зайти в столичное поместье Астеров, чувствуя, как под наручем едва ощутимо вибрирует браслет, сдерживая магический жар.

Если это змеиное гнездо, то я самая ядовитая кобра в этой коллекции. И я пришла сюда не для того, чтобы меня выставили за дверь как «ошибку в расчетах».

Первая ночь в столичном особняке была пыткой. Новое место не дарило покоя — оно шептало о моей незащищенности. Стены, обитые дорогим шелком, казались тонкими, а за дверью чудились чьи-то шаги. Но страшнее всего были мои собственные мысли.

Дурацкие, ревнивые мысли о Маркусе и Алессе. Что они делают там, в другом крыле дома? О чем шепчутся, оставшись одни после долгой разлуки? Я пыталась отбросить их, включить холодный рассудок кризис-менеджера, но образы возвращались снова и снова, отравляя сознание. Моя магия, лишенная жесткого контроля, немедленно среагировала на этот эмоциональный шторм. Обычно рабский ошейник намертво блокировал любые всплески, удерживая силу темных

в железной узде. Но моя сила, к которой я только-только начала подбирать ключи, была чужеродной для этого мира. Подогретая ядовитым коктейлем из ревности и обиды, она сорвалась с поводка и начала вырываться наружу, натываясь на сопротивление артефакта на шее. Тело горело и ныло, словно по венам пустили расплавленное олово, а «звезды» под кожей предплечий пульсировали в такт бешеному, рваному ритму сердца. Я физически не понимала, как совладать с этим внутренним жаром, порожденным эмоциями, которые я не имела права испытывать.

Сон, который наконец пришел, оказался хуже реальности. Я видела себя в теле Алессы. Я чувствовала на коже холод золотых украшений, видела всплески её красного платья. Я извивалась под Маркусом, ощущая его вес и жар, а он смотрел на меня с таким запредельным желанием, какого я никогда не видела в жизни. И он называл меня по её имени. Тихо, хрипло... «Алесса».

Я проснулась в холодном поту, едва сдерживая крик, который комом застрял в горле. Сердце испуганной птицей колотилось о ребра, а во рту остался отчетливый привкус горечи.

Пытаясь прийти в себя и унять дрожь, я заставила себя сесть на постель и включить режим анализа. Нужно было срочно переключить мозг на работу, пока мои мысли не вернулись к... воспоминаниям о том, что произошло всего пару часов назад.

Когда глухая духота каморки — которая и близко не подходила к моей просторной комнате в Астер-Холле — стала совершенно невыносимой, я поняла, что больше не выдержу в этих стенах ни минуты. Вдобавок ко всему, я была адски голодна: столичный персонал явно не планировал включать Личную Тень в список тех, кого положено кормить.

Плюнув на конспирацию, я выскользнула в темный коридор. Долго пустыми переходами пыталась отыскать дорогу к кухне, пока на очередном повороте буквально не наткнулась на живую стену.

От неожиданности я отшатнулась, едва удержав равновесие. Прямо передо мной в полумраке стоял высокий, широкоплечий эйр со шрамом на подбородке. Он оглядел меня своими глубокими, абсолютно черными глазами — необычная, редкая аномалия для светлых, к чьим неестественным, сказочным цветам радужки я уже успела привыкнуть. Эйр смотрел на меня, оглядывая с ног до головы, и его взгляд предсказуемо задержался на моем ошейнике и камне с выжженной гравировкой «М». Он явно сообразил, кто именно посреди ночи врезался в него.

Но, к моему удивлению, он не рявкнул «убирайся отсюда, Тень», как сделал бы любой эйр, и не отвел глаза, делая вид, что меня не существует, как поступали остальные. Он продолжал вглядываться в мои глаза так пронзительно, словно я была на допросе.

— Прошу прощения, эйр, — сказала я, стараясь скорее

ретироваться. Я была застигнута врасплох и по привычке ждала вспышки аристократического презрения.

— Доброй ночи. М-м-м... — его голос оказался неожиданно спокойным, а глаза вновь опустились на мой ошейник.

— Вы заплутали?

— Я...

— Меня зовут Бруно, — как ни в чем не бывало сказал он, словно ему и правда было плевать на мой рабский статус и правила приличия.

— Тори, — ответила я, но меня прервал донесшийся из-за ближайшей дубовой двери мужской смех.

Бруно даже не повернулся на звук, продолжая удерживать на мне фокус.

— Вы из Астер-Холла? — спросил он.

Я кивнула, возвращаясь к тому, чтобы внимательнее осмотреть его самого. Мой взгляд зацепился за его тяжелые наплечники и покрой формы. Память мгновенно подкинула нужные данные: Маркус рассказывал мне об этом, когда готовил к поездке в столицу. Именно так выглядели доспехи личной стражи императорской семьи.

— Принц здесь? — не подумав, выпалила я, когда из-за двери снова донеслась новая порция смеха, а вслед за ним — тихий, до жути знакомый бархатный баритон. Маркус. Он был там, за стеной.

— Его Высочество посетило резиденцию, — кивнул Бруно, не отводя от меня взгляда, что немного сбивало с толку.

Интересно, что Адриан делает здесь ночью?.. Я уже хотела уйти, желудок был готов взвыть от голода, да и слушать веселье Маркуса в компании принца не хотелось совершенно. Но Бруно вновь обратился ко мне. Он выглядел так, словно отчаянно не решался что-то спросить, но всё же глухо выдавил:

— М-м... Надеюсь, в Астер-Холле всё хорошо?

— Да, вполне, — кивнула я.

— А... управляющая? В смысле... Сесилия. Надеюсь, она в добром здравии?

Оу. А вот это уже было по-настоящему интересно. Мой внутренний кризис-менеджер мгновенно сделал мысленную засечку, а на губах появилась легкая улыбка.

— Она в полном порядке. Обаятельна и строга, как и всегда.

Я хотела было развить тему, но за дверью раздался властный голос принца Адриана, который громко звал Бруно.

Мой собеседник на секунду замялся, явно надеясь спросить что-то еще, но воинская дисциплина взяла верх. Он сделал шаг в сторону двери и коротко кивнул:

— Доброй ночи, лира.

— Но я не... — договорить я не успела, он уже скрылся за дверью.

Лира. Он назвал меня «лирой» — уважительным званием свободной темной, проигнорировав клеймо собственности на моей шее.

Той ночью я так и не нашла кухню. Пришлось возвращаться обратными, запутанными путями назад в каморку, что мне выделили. Я засыпала на голодный желудок, но этот ночной инцидент и странный разговор с Бруно дали мне слишком много пищи для размышлений.

Вкупе с моими дневными наблюдениями во время короткой прогулки по особняку, картина складывалась тревожная. Здесь все были вышколены до автоматизма, но это была не та преданность, которую я видела в Астер-Холле. В родовом поместье каждый вздох слуг был подчинен Маркусу, он был там абсолютным богом и центром вселенной. Здесь же, хоть этот дом и принадлежал роду Астеров, весь персонал функционировал в рамках совершенно другой экосистемы. Это была глухая, безоговорочная преданность Алессе как будущей герцогине.

В каждом поклоне лакея, в каждом косом взгляде гвардейца у дверей читалось однозначное: *«Ты здесь никто, временная вещь»*. Мне остро не хватало вводных данных, и это злило. Алесса уже фактически живет здесь на постоянной основе, подминая под себя управление? Или просто свила в столичном гнезде свои порядки, пользуясь долгим отсутствием жениха? Информационный вакуум в чужом лагере — смертельная опасность.

Я долго ворочалась в душной темноте, безуспешно пытаюсь разложить по полочкам наш дальнейший план. Аудит, коронация, неизбежная встреча с Регентом. Как мне вести

себя перед отцом Маркуса, когда этот момент настанет? Кем я должна для герцога стать — глухим оборонительным щитом или скрытым, готовым к удару кинжалом?

Под самое утро я всё же провалилась в тяжелое, серое забытие без сновидений. Но передышка оказалась издевательски короткой.

Меня разбудили ни свет ни заря. Тяжелая дубовая дверь распахнулась без малейшего стука, и ворвавшаяся в комнату девушка с грохотом опустила медный таз с ледяной водой на деревянную подставку. Она двигалась так, словно меня здесь вообще не было — швыряла вещи и гремела умывальными принадлежностями, демонстрируя абсолютное пренебрежение к «неодушевленному предмету» на кровати.

Но стоило мне разлепить веки и поднять взгляд, как остатки сна слетели с меня в ту же секунду.

Горничная передо мной была светлой. Утонченные, хищные черты лица, безупречно бледная кожа и та самая высокомерная, брезгливая складка у губ, которую невозможно спутать ни с чем. Однако на её шее тускло поблескивал рабский ошейник, в центре которого багровым углем горел кроваво-красный рубин.

Тень Алессы. Светлая рабыня — редкое, пугающее зрелище. Она смотрела на меня с такой неприкрытой, звенящей ненавистью, что воздух в спальне, казалось, стал колючим.

Сам факт того, что в мои покои прислали Тень Алессы, а не кого-то из вышколенного персонала Астеров, был прямой

и недвусмысленной угрозой. Рубиновая графиня задекларировала свои права на это пространство. Она приготовила для меня максимально «теплый» прием, и эта высокомерная девица была лишь первым вестником. В столичном особняке у меня не будет ни единой секунды приватности. Каждое мое движение, каждый вздох и выражение лица будут немедленно задокументированы и доложены хозяйке. Тотальный, круглосуточный аудит.

Подгоняемая этим безмолвным давлением, я едва успела наскоро умыться ледяной водой и натянуть сапфировый атлас. Из-за дикого недосыпа и острого голода пальцы предательски подрагивали, никак не желая справляться с тугими ремнями наручей. Моя надзирательница нетерпеливо замерла у самого выхода, всем своим видом демонстрируя, что лимит времени полностью исчерпан. Пора было выходить на сцену.

Меня едва ли не под локоть выставили за порог. Путь по бесконечным, пугающе тихим коридорам особняка я преодолевала под конвоем, спиной ощущая волны чужого презрения. Эта девица не просто сопровождала меня к хозяину — она вела выскочку-чужачку к месту показательной казни моего самолюбия.

Двустворчатые двери распахнулись, являя малую столовую, залитую ярким утренним солнцем. За столом, накрытым строго на две персоны, сидели они. Герцог и его будущая герцогиня.

Я против воли замерла на пороге, мимолетно окинув взглядом сервировку. Две персоны. Только две.

Внутри шевельнулся липкий червь сомнения. Я отчетливо ожидала увидеть здесь принца Адриана, но его присутствием в комнате даже не пахло. Ни лишнего прибора, ни третьего стула, ни малейшего намека на то, что наследник престола вообще переступал порог этого дома. Реальность утренней столовой была настолько выверенной и спокойной, что я на секунду засомневалась: а был ли Бруно? Был ли мужской смех за дубовой дверью? Или измотанный ревностью мозг, подогреваемый чужеродной магией, просто выдал мне порцию весьма реалистичных ночных галлюцинаций в темных коридорах?

Но если принц всё-таки был здесь... почему он приходил под покровом темноты, тайно, словно заговорщик? И почему не остался на завтрак, предпочтя исчезнуть до первых лучей солнца? Какую игру они ведут с Маркусом за спиной у Совета и Регента?

Ответов не было, а расспросы сейчас привели бы к немедленному провалу. Пришлось сглотнуть вопросы вместе с подступившей к горлу сухостью.

Маркус лишь на секунду поднял взгляд от донесений, лежавших перед ним. Его глаза скользнули по моему лицу, задержались на мгновение дольше положенного на моих едва заметных синяках под глазами, но он лишь едва заметно кивнул и снова погрузился в чтение. Ледяной герцог был в

своей стихии.

Алесса же была само совершенство. В нежно-кремовом утреннем платье, с идеально уложенными волосами, она казалась фарфоровой статуэткой. Но хищный цвет её рода пробивался даже сквозь эту обманчивую мягкость. Тончайшая алая вышивка, напоминающая капли крови, змеилась по манжетам, а на плечах поблескивали изящные наплечники — матовое золото, где на каждой пластине горело по крупному безупречно-ограниченному рубину. Это было идеальное сочетание утренней свежести и неумолимой, кроваво-красной власти.

Она неторопливо намазывала джем на тост. В её текучих, выверенных движениях было столько врожденного, потомственного благородства, что я против воли почувствовала себя неуклюжим подростком в своем тяжелом «боевом» атласе. Моя броня, казавшаяся вчера манифестом силы, сейчас в этой мирной утренней столовой выглядела неуместным, громоздким панцирем.

Каждое движение Алессы отзывалось алым блеском рубина, словно методично вбивая в мое сознание мысль о том, кто здесь истинная хозяйка.

— Доброе утро, — пропела она, одарив меня ослепительной, почти искренней улыбкой. — Надеюсь, тебе хорошо спалось на новом месте, Тори? Я специально прислала свою Тень, чтобы она помогла тебе освоиться.

Она говорила так, будто мы были старыми подругами, и

это было куда опаснее её вчерашнего яда. Демонстрировала Маркусу, что она идеальная хозяйка, способная быть милой даже к такой... странной Личной Тени своего будущего мужа.

— Благодарю, эйра. Присутствие вашей Тени в моей спальне было... незабываемым опытом, — ответила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровно и профессионально.

Алесса рассмеялась. Её легкий, серебристый смех рассыпался по столовой, словно колокольчик, отлитый из тончайшего рубинового стекла. Звук был безупречно красивым и абсолютно, насквозь фальшивым.

— Дорогая, — выдохнула она, изящно промакивая уголки губ белоснежной салфеткой. — Кажется, в глухой провинции тебя совершенно не учили субординации. В приличном обществе к эйре моего круга принято обращаться «Ваше Сиятельство». Ну, или хотя бы «леди Алесса», раз уж Маркус позволил тебе стоять так близко к столу.

Я заставила себя не кривиться. В моем мире «сиятельствами» обычно называли тех, кто перебрал с хайлайтером, но здесь это было юридическим фактом.

— Прошу прощения, леди Алесса, — я слегка склонила голову, стараясь, чтобы это выглядело не как поклон, а как техническая пауза в переговорах. — Вы правы, я из провинции и не привыкла, чтобы за мной... приходили чужие Тени.

— О, дорогая, в столице мы давно привыкли к такой...

плотной заботе, — голос графини стал тише на октаву, в нем отчетливо прорезались властные нотки будущей хозяйки этого особняка. — Иногда Тень заходит в чужую комнату просто для того, чтобы убедиться, что гость не нуждается в чем-либо. Или не замышляет лишнего.

— Но я не гость, — отрезала я, расправляя плечи. Я сделала это намеренно резко, чтобы чистое серебро на моих наплечниках поймало прямой утренний луч и вызываяще полыхнуло прямо перед лицом Алессы. — Я Личная Тень герцога.

Алесса осеклась. Она замерла, и её взгляд резко, почти судорожно опустился на отблеск камня моего ошейника, где на сапфире всё так же отчетливо и нагло красовалась выжженная магией буква «М».

Я отчетливо видела ядовитую вспышку ярости в её глазах. В её будущем доме я — та, кого столичный протокол обязан презирать, но чьё реальное влияние на Маркуса уже невозможно игнорировать — посмела заявить о своих правах. О правах, которые по закону светлых должны были безраздельно принадлежать графине, но по факту прямо сейчас находились в моих руках.

— Да... — процедила она сквозь зубы, и её идеальная улыбка натянулась до предела, грозя вот-вот треснуть. — И это действительно трудно забыть.

Она медленно перевела взгляд на Маркуса. Герцог с безупречным, ледяным безразличием делал вид, будто совер-

шенно не слушает нашу пикировку, но я слишком хорошо изучила его повадки. Разворот плеч был излишне жестким, губы сжаты в тонкую линию. Он был глубоко недоволен. Вот только кем? Мной, нарушившей правила субординации, или Алессой, устроившей допрос на ровном месте?

Графиня тоже безошибочно считала это опасное положение лорда по грани гнева. Её лицо мгновенно, за долю секунды, переплавилось в маску невинного очарования. Однако рука, коснувшаяся его предплечья, собственнически сжалась, грубо сминая дорогую синюю ткань мундира Астеров.

— Маркус, милый, ты совсем замучил бедную девочку работой, — её голос снова стал «колокольчиком», но теперь в нем звенела сталь хозяйки. — Посмотри, она выглядит такой уставшей. Может быть, ты позволишь ей просто отдохнуть? Завтра мы можем вместе навестить твоего отца. Я уверена, что ему будет приятно видеть нас вдвоем. Регент в последнее время только и говорит о нашем единении и о будущих внуках.

Маркус поперхнулся кофе и с резким стуком поставил чашку на стол. Алесса тут же упорхнула со своего места, за ухаживала за ним, подавая салфетку. Повернув голову в мою сторону, она сделала едва заметный, повелительный жест рукой — приказ наполнить чашку Маркуса.

Я с небольшой заминкой дернулась и подошла под взглядом обоих. Алесса довольно улыбалась, а Маркус удивленно смотрел на меня, словно не ожидал от меня такого молчали-

вого подчинения. Но в этом доме я решила играть роль идеального инструмента, чтобы не давать ей лишних зацепок.

Я неторопливо наполнила его чашку темным напитком и уже собиралась отступить на шаг назад, как Алесса хищно сузила глаза. Кончиком безупречного ногтя она безмолвно постучала по краю собственного тонкого фарфора.

Требование прислужить и ей тоже было уже откровенным перебором и чистым издевательством. Но я, не изменившись в лице, покорно наклонила кофейник, плеснув ароматную жидкость в её чашку, аккуратно вернула серебряный сосуд на подставку и заняла исходную позицию у стены. Спокойная, как скала.

Алесса тут же потеряла ко мне всякий интерес, вновь обрушив всё свое столичное обаяние на жениха. Она пододвинула изящное блюдо со спелыми фруктами ближе к его руке, и крупный рубин на её пальцах победно, хищно сверкнул в лучах солнца.

— Твой кофе остывает, дорогой, — проворковала графиня, заглядывая Маркусу в глаза. — Я лично распорядилась добавить туда немного корицы. Всё как ты любишь.

Маркус вежливо кивнул, сделал глоток и перевернул страницу отчета, так и не сказав ни слова. Он был молчаливым зрителем этой партии, и я не понимала, одобряет ли он её «милосердие» или видит игру насквозь. Мой желудок предательски сжался от голода, а в голове всё еще стоял его хриплый голос из сна, шепчущий её имя. Стоять рядом, вдыхать

запах их общего завтрака и смотреть на этот безупречный алый образ его невесты было тяжелее, чем выдержать любую пытку.

— Тори, — Маркус наконец заговорил, не поднимая глаз.
— Иди в мой кабинет. Мы начнем работу там, а завтра отправимся во дворец.

Алесса ни на секунду не потеряла самообладания. Она продолжала улыбаться, изящно попивая кофе, словно её ничуть не задело то, что Маркус проигнорировал её предложение поехать вдвоем. Напротив, она мягко кивнула, как бы подтверждая: «Да, дела прежде всего, я всё понимаю». Только алые капли вышивки на её манжетах казались теперь зловещими следами запекшейся крови. Она показала мне моё место: я Тень, она свет этого дома, Кровавый Рубин, сияющий рядом с Сапфиром.

— Да, Ваша Светлость, — тут же отчеканила я.

Коротко, по-военному кивнула и быстро вышла из столовой, удерживая себя из последних сил, чтобы не сорваться на позорный бег.

Оказаться по ту сторону дверей было почти физическим облегчением. Напряжение в груди немного спало, но ему на смену тут же пришла дикая, изматывающая слабость от голода и бессонной ночи. Ноги казались ватными. Пытаясь отвлечься от дурноты, я заставила мозг работать: столичный особняк был огромен, но его планировка подчинялась строгой имперской архитектуре. Навигация в голове сработала

автоматически, и я почти интуитивно, минуя длинную анфиладу полутемных залов, нашла дорогу к массивным дубовым дверям рабочего кабинета герцога.

Я толкнула тяжелую створку, рассчитывая побыть в одиночестве, но замерла на пороге увидев Версона. От дикого недоедания внутренности скручивало тугим узлом, а в висках тяжелыми молотами пульсировала глухая боль. Каждая клеточка тела буквально кричала, требуя энергии, чтобы подавить бушующий внутри магический жар, но передо мной сидел эйр, для которого я была лишь досадной, дефектной строкой в его идеально выстроенном мире цифр.

Собрав остатки воли, я твердо подошла к столу, сопротивляясь темным пятнам перед глазами. В этот момент на самом краю документов Версона я заметила изящную фарфоровую тарелку с песочным печеньем. Сладкий, насыщенный запах сливочного масла и сахара ударил в ноздри, став почти невыносимой пыткой.

— Герцог приказал подготовить документы для Регента, — ответила я, с трудом сглатывая вязкую слюну и заставляя себя смотреть Версону прямо в переносицу, а не на выпечку. — Мне нужен полный реестр оборота «живого имущества» Астер-Холла и консолидированные данные по закупкам пленных из Империи Темных за последние тридцать лет. А также статистика по тем эйрам и лирам, кто добровольно продал себя в рабство за долги внутри наших земель за тот же период.

Версон наконец оторвался от бумаг и поднял голову. Его холодные глаза за стеклами очков опасно сузились, фиксируя мою позу.

— Тридцать лет? Вы, как всегда, слишком многое себе позволяете, Тень. Это закрытая стратегическая информация, — его голос прозвучал сухо, с отчетливым скрежетом перетираемых камней. — И я не собираюсь выдавать её существу, которое само является лишь частью чьего-то баланса. Вы голодны?

Он поймал мой мимолетный, инстинктивный взгляд, брошенный на тарелку, и его губы тронула ядовитая, торжествующая усмешка.

— В столице рабы едят исключительно после того, как полностью закончат работу. А вы, как я вижу, до сих пор не научились базовой субординации. Начните выполнять свои прямые обязанности, и, возможно, вечером вам достанутся объедки со стола хозяина.

Я медленно наклонилась к столу, тяжело опершись на него ладонями и бесцеремонно вторгаясь в личное пространство секретаря герцога.

— Версон, давайте начистоту. Вы видите во мне угрозу вашему привычному порядку. Но пока Вы увлеченно считаете количество голов в загонах, Империя заживо тонет в заржавевшем прошлом. Ваша система — это чистой воды экономический абсурд. Вы содержите пленных, тратите колоссальные бюджеты на их охрану и на подавление тех, кто ро-

дился на воле и принципиально не желает смиряться. Это чистый, стопроцентный пассив, который ежедневно пожирает вашу прибыль. Несмотря на временное перемирие между Империями, за последние двадцать один год вы накопили тысячи «единиц», которые лишь потребляют ресурсы, не принося и половины возможной пользы.

Я протянула руку и, не сводя с него прямого, тяжелого взгляда, взяла с тарелки печенье. Медленно, вызывая откусил половину.

Сахар мгновенно ударил в кровь, возвращая ясность мыслям и умиряя бунтующие искры магии под кожей. По сухой логике земного кризис-менеджера рабство в этом мире было вовсе не морально-этической проблемой. Оно было колоссальным, катастрофически неэффективным активом. И это, как я успела заметить, был единственный язык, который эти светлые счетоводы вообще были способны понимать.

— Как вы смеете... — Версон начал подниматься со своего кресла, его бледное, холеное лицо пошло неровными багровыми пятнами гнева.

— Я смею, потому что уже завтра мы с герцогом будем на приеме у Регента, — жестко перебила я его, бесстрашно проглатывая последний кусок. — Версон, Вы безмерно гордитесь тем, что в Ваших учетных книгах царит идеальный порядок.

Я сделала еще один шаг вплотную к столу, понизив голос до заговорщического, чисто делового шепота:

— Но вы строите величественную башню на гнилом болоте. Давайте посчитаем.

Я загнула один палец, наступая на него авторитетом:

— Первое: Износ ресурса. Вы покупаете темного как универсальный инструмент. Но магия темных — внутренняя, она работает на топливе эмоций. Запирая их в ошейники и тотально подавляя волю, вы гасите их главный двигатель. Вы используете гоночный болид, чтобы пахать поле, и искренне удивляетесь, почему он ломается через год. Вы теряете до семидесяти процентов магического КПД раба в первый же месяц вашей жестокой «дрессировки». Это не экономика, Версон. Это чистой воды вандализм.

Я загнула второй палец, даже не обращая внимания на вытянувшееся его лицо. Только сейчас до моего воспаленного, изможденного разума долетела запоздалая мысль: я же палюсь. От дикого недосыпа и усталости внутренние фильтры сорвало к чертям. Мозг на автопилоте выдавал термины из моего земного прошлого, которые в этом мире никто не мог знать. Какой «болид»? Какой «КПД»? Но мне было уже слишком плевать. Тормозить поздно, нужно давить до конца.

— Второе: Стоимость контроля, — жестко продолжила я, заставляя его слушать. — Сколько вы тратите на подавление? Ошейники, накопители, содержание стражи, Инквизиция, артефакты слежения. Вы тратите больше чистого золота на то, чтобы темный банально не сбежал, чем он приносит

прибыли, работая на износ. Ваша «бесплатная рабочая сила» в итоге оборачивается для казны дороже, чем наем самого высококлассного свободного мастера.

Я загнула третий палец, нанося удар по самому больному месту любого государства — по безопасности:

— Третье: Эффект сжатой пружины. Вы искусственно создаете в самом центре столицы резервуар из тысяч существ, у которых отобрали вообще всё. Их глухая, ежедневная ненависть — это чистейший магический конденсат. Вы буквально сидите на бочке с алхимическим огнем, тупо надеясь, что фитиль никогда не догорит. Одна случайная искра — и ваше «живое имущество» за секунду превратится в безжалостную армию внутри городских стен.

Я снова оперлась на стол, заглядывая в его ошарашенные глаза из-под стекол очков:

— Мой «Акт о Выкупе» — это не сопливое милосердие. Это контролируемый сброс давления в системе. Дайте им легальную надежду на свободу через десять-пятнадцать лет безупречной службы. И они сами, зубами и когтями, станут охранять ваш Порядок, до смерти боясь потерять свой единственный шанс. Вы превратите опасную взрывчатку в управляемый аккумулятор. Империи не нужны рабы, Версон. Ей нужны лояльные, эффективные налогоплательщики, которые сами купят себе право дышать вашим воздухом — за своё же золото.

Версон замер. Он был бюрократом до мозга костей, си-

стемным сухим счетоводом, и его внутренний калькулятор прямо сейчас на бешеной скорости пересчитывал выданные мной вводные. Логика сходилась. Цифры не врали.

— Рабство — это трофей войны, Тень, — наконец выдавлен он, и в его голосе впервые послышалась не ярость, а глухая растерянность. — Регент никогда не пойдет на то, чтобы лишить аристократию их законных «подарков» и купленных Теней. Это сломает хребет устоям.

— Регент пойдет на всё, что даст ему больше власти, чем у Императрицы Темных, — я криво улыбнулась, забирая со стола тяжелую папку, которую он в замешательстве выпустил из рук. — А золото — это и есть власть. Спасибо за завтрак, Версон. У Вас отличный вкус в выпечке.

— Вы забываетесь, Тень, — голос Версона стал ледяным, и он медленно нагнулся, нависая над столом. — Вы думаете, что эти серебряные наплечники и право стоять за спиной герцога делают Вас особенной?

Он обошел стол, и я инстинктивно напряглась. В его взгляде не было ярости, только глубокое, выверенное презрение эйра, который знает цену каждой вещи в этом доме.

— Я был тем, кто оформлял бумаги на вашу покупку, — прошипел он, подходя почти вплотную. — Я считал золото для той беспринципной эйре из приграничной таверны. Вы были куплены как забавная диковинка для принца Адриана, как «Отмеченная» игрушка, которую не жалко выбросить после коронации. И именно я доставал этот редчайший

браслет на вашей руке, чтобы скрыть ту магическую патологию, которую все называют «звездами».

Версон наклонился к самому моему уху, обдав запахом старой бумаги.

— Моя семья верой и правдой служила Астером пять веков. И только эта преданность мешает мне прямо сейчас сдать Вас Инквизиции. Герцог нарушает закон, скрывая Отмеченную в собственной спальне, и я не одобряю это безумие. Вы тлеющий фитиль под его репутацией. Один неверный шаг — и всё взлетит на воздух.

Мои пальцы непроизвольно сжались на папке. Браслет под наручем словно стал тяжелее, обжигая кожу.

— Для Его Светлости вы лишь временное увлечение, — продолжал Версон, наслаждаясь моей заминкой. — Красивый инструмент, который он решил протестировать перед большой игрой. Но не обольщайтесь. Герцог Астер расчетливый политик. Как только пыль после коронации уляжется, он вернет Вас в стойло или передарит принцу. Вы пустое место, Тори. Ошибка в бухгалтерской книге, которую я рано или поздно исправлю.

Я чувствовала, как магия внутри меня вскипает от унижения и голода. Слова Версона били по самому больному. По тем сомнениям, которые я сама пыталась заглушить этой ночью.

Версон скривился в триумфальной, торжествующей ухмылке, уже собираясь добавить что-то еще более гнусное, но

в этот момент в звенящей тишине кабинета раздалось сухое, короткое:

— Хм.

Версон подпрыгнул на месте, едва не раздавив собственным локтем хрупкую вазу с печеньем. Он резко обернулся, стремительно, на глазах теряя остатки здорового румянца.

На пороге стоял Маркус. Его взгляд, холодный и острый, как хирургический скальпель, мгновенно оценил мизансцену: дрожащего от испуга и ярости Версона, меня с надкусанным печеньем в руке.

— Продолжайте, Версон, — голос Маркуса прозвучал как лязг затвора. — Мне крайне любопытно послушать о том, какие именно «ошибки» в моих книгах вы собираетесь стирать лично.

Секретарь открыл рот, но не издал ни звука, напоминая выброшенную на берег рыбу. Его высокомерие испарилось, оставив лишь жалкую оболочку бюрократа.

— Я.... Ваша Светлость... я лишь объяснял правила субординации... — пролепетал он, пятясь к окну.

— Оставьте нас, — отрезал Маркус, не глядя на него. — И молитесь богу, чтобы к вечеру я забыл о вашем красноречии. И принесите все данные из архива, что просила Тори!

Версон, не смея поднять глаз, пулей вылетел из кабинета. Дверь захлопнулась, отсекая нас от внешнего мира. Тишина стала осязаемой, тяжелой, нарушаемой только моим неровным дыханием и тихим гулом магических накопителей в сте-

нах. Я всё еще сжимала в пальцах злосчастный кусок печенья, чувствуя, как внутри всё вибрирует, то ли от дефицита глюкозы, то ли от яда, который Версон успел впрыснуть в мои мысли своими рассуждениями о «месте Тени».

Маркус медленно, почти бесшумно подошел к столу. Он накрыл своей широкой ладонью мою руку, всё еще лежащую на папке. Тепло его кожи на мгновение пробило мою ледяную защиту — ту самую «дистанцию», о которой он просил в Астер-Холле. По телу прошла предательская волна узнавания, но я заставила себя не дрогнуть.

— Ты всегда выбираешь самых сложных союзников, Тори, — тихо произнес он. В его голосе проскользнула странная смесь усталости и мягкого подтрунивания. — Версон — старой закалки, и манеры у него... столичные. Но поверь, он один из самых преданных эйров, кого я знаю. Моя семья доверяла его роду пять веков. Если он проникнется твоей идеей «Акта о выкупе», лучшего исполнителя нам не найти.

Я фыркнула и резко выдернула руку, уклоняясь от его прикосновения. Холод, который я выстроила вокруг себя, был идеальным зеркалом того ледяного спокойствия, которое он демонстрировал утром. Его завтрак с Алессой всё еще стоял у меня перед глазами — эталонная картина благополучия, в которой мне отводилось место безмолвной мебели у стены.

— Такие, как Версон, не любят перемен, Ваша Светлость, — отчеканила я, обходя стол, чтобы увеличить дистанцию.

— Для него я досадный баг в системе, которую нужно зачистить, чтобы не портить отчетность. А не «партнер по реформам».

Маркус нахмурился, явно споткнувшись о мой земной сленг, но привычно усмехнулся. Однако стоило ему заметить, как демонстративно я отшатнулась от его попытки подойти ближе, как усмешка погасла. В его глазах промелькнуло нечто болезненное — вина, смешанная с глухим раздражением мужчины, вынужденного вести двойную игру.

— Тори, я... — он сделал еще один шаг, — там, в столовой, при Алессе... всё было иначе. Ты должна понимать: здесь другие правила. Я не могу позволить им увидеть малейшую трещину в моей лояльности к порядкам Империи. Особенно сейчас, когда мы стоим на пороге...

Он хотел сказать что-то еще, но в абсолютной тишине кабинета мой желудок издал предательски громкий, протестующий звук. Это было настолько неуместно и жалко, что я почувствовала, как к щекам приливает жар.

Маркус замолчал на полуслове. Он медленно перевел взгляд с моего пылающего лица на тарелку с жалкими крошками печенья. Его аура начала уплотняться, становясь тяжелой и давящей, а сапфировый блеск глаз стал почти осязаемым.

— Ты не завтракала, — это был не вопрос, а мрачное утверждение. — Сколько ты не ела, Тори? С самого отъезда из поместья?

Он резко сократил расстояние между нами. Я едва успела поднять голову — он был намного выше, и его фигура буквально заслонила свет из окна. Его ладони легли на мои плечи, удерживая на месте. Он внимательно, почти яростно вглядывался в мои глаза, где уже начали вспыхивать голодные магические искры — верный признак того, что энергия темной под маскирующей «хмарью» браслета начинает выедать носителя изнутри.

— Местные решили, что «имуществу» не требуется подпитка, — ядовито улыбнулась я, хотя колено на правой ноге начало мелко дрожать от слабости. — А я решила, что отчеты за тридцать лет куда питательнее овсянки.

Маркус выругался, негромко, но настолько грязно, что я невольно моргнула. Весь его аристократический лоск идеального эйра на миг осыпался, обнажая воина, чью женщину посмели оскорбить в его же доме.

— Версон! — рявкнул он, не оборачиваясь.

Секретарь, который, очевидно, затаив дыхание подслушивал в коридоре, материализовался на пороге мгновенно.

— Подай сюда нормальный завтрак. Сейчас же! И если я узнаю, что в этом доме мою Личную Тень морят голодом или заставляют доедать объедки со стола, ты отправишься в архивы насовсем. Будешь считать пыль до конца своих дней. Вон!

Версон, ставший почти прозрачным от ужаса, исчез в тихом шелесте подола. Маркус снова повернулся ко мне, его

пальцы всё еще сжимали мои плечи, но теперь в этом жесте было больше поддержки, чем конвоя.

— Ты съешь всё, что он принесет, — произнес он тише. — И это не забота, Тори. Это стратегия. У нас впереди Редгент и Инквизиция. Твоя магия под браслетом уже начинает «фонить» от голода, и отец почувствует это первым.

Я лишь молча кивнула, не в силах сейчас спорить. Обида за утреннее унижение перед Алессой всё еще жгла горло, но я понимала: он прав. Моя «земная» гордость сейчас была плохим советчиком.

Когда Тени бесшумно расставили подносы и исчезли, Маркус сам налил мне кофе. Запах свежего хлеба и запеченного мяса мгновенно заполнил стерильное пространство кабинета. Я ела механически, заставляя себя проглатывать каждый кусок, пока Маркус стоял у окна, заложив руки за спину. Его безупречная осанка сейчас казалась мне слишком напряженной.

— Завтрак с Алессой... — начал он, не оборачиваясь. — Это был маскарад, Тори. Тот самый, о котором мы договаривались.

— Я знаю, — отрезала я, отставляя чашку. — Я отлично сыграла свою роль, Маркус. А вот ты — нет. Зачем ты сорвался на Версона из-за моего завтрака? Это не похоже на «ледяного герцога». Это привлекает внимание.

Он резко обернулся. В его глазах на мгновение вспыхнуло то самое темное пламя из Астер-Холла, но он тут же взял

себя в руки.

— Потому что я не могу позволить им думать, что с моей Личной Тенью можно обращаться как с мусором. Это вопрос моей власти, а не твоих чувств. По крайней мере, так это должно выглядеть для них.

Он подошел к столу и посмотрел на меня сверху вниз — холодный, решительный, полностью собранный.

— Теперь, когда ты восстановила силы, слушай внимательно. Мы здесь, в самом сердце Империи, и дороги назад нет. Завтра мы едем во дворец. Я беру тебя на встречу не потому, что мне нужен помощник, а потому, что это единственный способ легализовать твой статус через «Акт о выкупе». Если Регент увидит в тебе ценность, Инквизиция не посмеет тебя забрать.

Маркус наклонился, и я снова почувствовала запах озона.

— Но помни: во дворце я буду еще жестче. Я буду называть тебя «инструментом», я буду игнорировать твои взгляды. Подготовься к этому, Тори. Твоя земная выдержка — это наше единственное оружие. Нам нужно не просто представить проект, нам нужно найти ответы: кто пустил Зов, и кто хочет твоей смерти.

Он протянул руку и на мгновение коснулся пальцами маскирующего браслета на моем запястье.

— А пока нам нужно подготовиться и подготовить тебя. Ты готова?

Я посмотрела на него, чувствуя, как внутри снова собира-

ется по кусочкам та самая Виктория Павловна, которая привыкла выигрывать безнадежные проекты.

— Готова, Ваша Светлость.

Остаток дня пролетел в лихорадочном темпе. Мы провели его, буквально зарывшись в бумаги. Я сводила таблицы, переводя хаотичные отчеты провинций в понятные мне графики дефицита и потенциальной прибыли, а Маркус проверял юридические лазейки в имперских кодексах. Это была странная, почти сюрреалистичная работа — союз магии эйров и жесткого земного аудита.

Когда наступил вечер и шаги Теней и слуг в коридорах стали тише, напряжение в кабинете почти физически загустело. Алесса покинула особняк еще после того злополучного завтрака, передав Маркусу через прислугу, что они встретятся уже во дворце. Уходя, она не упустила шанса нанести прицельный удар, поблагодарив Маркуса за «прекрасную ночь».

Я видела, как он в этот момент напрягся. Его взгляд метнулся ко мне — быстрый, отчаянный, кричащий о том, что это ложь и между ними ничего не было. Но я лишь плотнее сжала перьевую ручку, не позволяя себе ни единого вопроса. Маскарад так маскарад.

Ужин мы тоже провели в кабинете, не отрываясь от документов. Только когда магические светильники начали мерцать, Маркус отложил пергаменты и начал готовить меня к тому, что может произойти во дворце. Он описывал прото-

колы, взгляды и скрытые ловушки Регента с такой детально-
стью, будто рисовал карту минного поля.

Мы разошлись только глубокой ночью.

— Набирайся сил, Тори, — тихо сказал он, когда мы вновь
остались одни в полумраке кабинета. Его голос был едва слы-
шен, но в нем вибрировала решимость эйра, который толь-
ко что объявил войну всему, во что верил раньше. — Кровь
этой Империи состоит из золота и чернил. Завтра мы пустим
ей эту кровь.

Перевод в новую комнату — просторную, роскошную, ра-
зительно отличавшуюся от моей прежней каморки, — не
принес облегчения. Стоило мне оказаться в тишине, как на
плечи навалилась свинцовая усталость. Столица была холод-
на, а всё, что Маркус успел рассказать мне об Инквизиции,
их методах «допроса сути» и застенках Культа, вселяло в ме-
ня первобытный ужас. Я знала, что за дверью стоят его вер-
ные стражники, но всё равно, поддавшись глупому порыву,
подперла дверь тяжелым дубовым стулом.

Маскирующий браслет на запястье слабо пульсировал, на-
поминая о том, что я лишь «серое пятно» на радарах этого
мира. Я легла в постель, не раздеваясь, готовая в любой мо-
мент вскочить. Но стоило голове коснуться подушки, как я
отрубилась без снов в тяжелое, черное забытие, словно мой
организм решил напоследок выжать из этой ночи максимум
ресурсов для завтрашней битвы.

Глава 9. Запертые двери.

Тори.

Утро наступило гулким, тяжелым звоном соборных колоколов, рассыпавшимся над черепичными крышами столицы. Этот звук, торжественный и тревожный одновременно, окончательно вырвал меня из вязкого, лишённого отдыха застоя.

Когда я спустилась в холл, Маркус уже ждал. Облик Ледяного Герцога был безупречен и пугающе завершен. Парадный мундир цвета глубокой полуночи с тяжелыми, заходящими друг на друга наплечниками, покрытыми замысловатой золоченой вязью древних родовых узоров, сидел на нем как глухая боевая броня. Лицо лорда превратилось в застывшую мраморную маску: высокие, словно выбитые в скале скулы, жесткая линия подбородка и безупречно убранные назад темные волосы, открывающие чуть заостренные кончики ушей, к которым я уже привыкла настолько, что, наверное, вид обычного человека из моего мира сбил бы меня с толку. В его глазах, неестественно ярких, пронзительных сапфирах, не осталось и следа от вчерашнего ночного шепота или минутной мягкости. Он был собран и опасен, как взведенный курок.

— Готова? — коротко бросил он, даже не удостоив меня прямым взглядом. Голос звучал официально, отсекая любые

воспоминания о ночных разговорах.

— Готова, Ваша Светлость, — ответила я, мгновенно принимая новые правила игры. Раз уж мы на передовой, я буду идеальной Тенью. Я покрепче перехватила тяжелую кожаную папку с ночными расчетами и тем самым "Актом о выкупе" — моим главным будущим юридическим щитом в этом мире.

Экипаж вез нас через утреннюю столицу. Город кипел, улицы были затянуты стягами к коронации, но внутри кареты застыл мертвый штиль. Когда колеса заскрипели по гравию Дворцовой площади, я увидела их — бесконечные ряды Инквизиторов в ослепительно белых плащах, стоящих живым кордоном.

Вчера вечером Маркус, глядя на ленивое пламя в камине, тихо признался, что в детстве боялся «белых плащей» больше, чем самой смерти. В этой Империи белый никогда не был цветом чистоты или святости. Это был цвет абсолютной, пожирающей пустоты. Инквизиторы носили его как символ того, что они стоят выше любых родовых гербов, законов крови и семейных уз.

Я поежилась. Маркус посмотрел на меня вопросительно, в глубине его глаз на долю секунды мелькнула искренняя тревога, но я лишь едва заметно покачала головой. Всё в порядке. Я справлюсь.

Лорд сидел напротив, выпрямившись так, словно в его позвоночник изнутри влили стальной стержень. В тесном,

замкнутом пространстве кареты было невыносимо душно от количества невысказанных слов. Маркус неотрывно смотрел в окно на проплывающие мимо монументальные колоннады.

— Помни, Тори, — тихо, почти одними губами произнес он, когда лакей снаружи уже потянулся к позолоченной ручке дверцы. — Во дворец не заходят, чтобы искать друзей. Здесь есть только те, кто еще просто не успел тебя предать. И те, кто сделает это прямо сейчас, у тебя на глазах.

Он вышел первым. Я глубоко вдохнула, поправила наручи и последовала за ним, чувствуя себя гладиатором, который ступает на раскаленный песок арены под кровожадный рев невидимых трибун.

Вблизи дворец казался монолитом из белого мрамора и холодного золота, уходящим в небо острыми, как лезвия, шпильями. Его мощь не вызвала восхищения — она давила, обещая лишь забвение тем, кто осмелится нарушить покой этого каменного великана.

Внутри Императорский дворец ослеплял. Огромные золоченые залы подавляли не столько блеском дорогого металла, сколько той мертвой, зловещей роскошью, которая сквозила в каждой линии. И на каждом шагу, куда бы я ни бросила взгляд, я встречала их — Теней.

Здесь их были сотни. Бесшумные, безликие фигуры в глухих рабских ошейниках, чьи родовые ауры были искусственно погашены карательной магией рабских ошейников до едва заметного, жалкого тления. Они скользили по зеркально-

му мрамору подобно серым призракам, оборачиваясь живыми, немymi упреками моей совести. Я шла мимо них в своих серебряных наплечниках Личной Тени, и этот контраст выжигал меня изнутри.

У подножия монументальной лестницы, ведущей прямоком к кабинету Регента, нас уже ждала официальная делегация. И во главе её стоял эйр в белом плаще, один вид которого заставил идущего впереди Маркуса едва заметно напирать плечи.

Мне не нужно было подсказывать, кто это. Я мгновенно узнала по вчерашним ночным описаниям.

Нас ждал лорд Ингвар — один из десяти Высших Инквизиторов Империи. Это был высокий, болезненно-худой эйр с жуткими, неподвижными глазами цвета замерзшей ртути. Под тяжелым белым плащом ордена он носил глухой колет темно-кобальтового цвета — единственный уцелевший след его некогда великого, но теперь вконец обедневшего рода, который он еще смел демонстрировать свету. На его костлявых плечах покоились матовые наплечники с выгравированным Оком — символом, который заставлял не только покорных Теней, но и чистокровных эйров инстинктивно отводить взгляд.

Маркус едва заметно, коротко кивнул ему. В следующую секунду его широкая ладонь собственническим, жестким движением перехватила мой локоть. Он явно намеревался удостоить Высшего Инквизитора лишь холодным светским

приветствием, по широкой дуге обогнуть застывшую делегацию и уверенно повести меня вверх по ступеням, не вступая в диалог.

Но было уже поздно. Мы успели сделать всего один шаг.

— Герцог Астер, — голос лорда Ингвара проскрежетал в тишине зала, как ржавый ключ в старинном замке, заставив нас замереть. — Рано. Мы ждали вашу карету лишь к обеду. И... — он медленно перевел тяжелый, мертвый взгляд на меня.

Его глаза-ртуть неторопливо скользнули по моим серебряным наплечникам, на несколько секунд задержались на шее — прямо на холодном камне ошейника с выгравированной магией монограммой «М», — и, наконец, намертво впились в мой правый наруч. Туда, под которым скрывался маскирующий браслет, удерживающий тонкий, едва ощутимый слой иллюзорного морока над моей смертоносной тайной.

— Какое... необычное приобретение, — Ингвар резко дернулся и сделал шаг ко мне, бесцеремонно нарушая любое личное пространство. Он наклонился чуть ли не к самому моему лицу, словно хищная ищейка, пытающаяся вынюхать чужой след. — От неё исходит странный, едва уловимый импульс, Ваша Светлость. Словно дребезжащий, фальшивый аккорд в идеально настроенном оркестре Порядка.

Я из последних сил заставила себя покорно опустить голову и смотреть исключительно в пол, на начищенные до зеркального блеска носки его форменных сапог. Судорожным,

почти паническим движением я плотнее прижала к груди тяжелую кожаную папку с документами, словно пыталась физически отгородиться ей от этого чудовища.

Это была игра. Вынужденная, просчитанная маска слабой, перепуганной до смерти рабыни. И давалась она мне с колоссальным трудом — всё моё истинное нутро, нутро Виктории Павловны, которая привыкла встречать любые жизненные кризисы с гордо поднятой головой, прямо сейчас буквально выло от этого унижения.

Я почувствовала, как широкая ладонь Маркуса, все еще лежащая у меня на локте, сжалась до глухой боли. Мы оба были свято уверены, что маскирующий браслет полностью скроет мою истинную суть, но этот Инквизитор каким-то шестым чувством умудрился поймать след. Я из последних сил заставила себя продолжать не поднимать взгляд, но сердце в груди колотилось так яростно, что, казалось, его стук слышен на всю залу.

— У моей Личной Тени редкий магический профиль, Инквизитор, — голос Маркуса зазвучал подобно арктическому льду. В нем не было ни капли оправдания или страха, только абсолютное, сокрушительное высокомерие высшего эйра, уверенного в своей правоте. — Именно поэтому она преданно служит мне, а не подметает полы в архивных казематах. Нас ждет мой отец. Дайте нам пройти.

Ингвар даже не подумал сдвинуться с места. Вместо этого он сделал еще полшага вперед, слегка склонив сухую голову

набок, давая мне возможность снова посмотреть на него для оценки угрозы.

— Личной Тени, хм... — теперь его липкий, пристальный взгляд был обращен исключительно на Маркуса. Этот взгляд был настолько неприятным, почти осязаемым, что мне вопреки здравому смыслу безумно захотелось сказать какую-нибудь колкость, совершить любую глупость, лишь бы отвлечь это чудовище и заставить его снова смотреть на меня.

И в этот самый миг я внезапно ощутила странный, ментальный укол. Чужую, глухую, тщательно подавленную ярость и.... страх? Страх Маркуса? Я внутренне замерла, пораженная до глубины души. Неужели на фоне экстремально-го стресса я начинаю становиться еще и эмпатом?

Но развивать эту мысль времени не было, ибо ртутные глаза Инквизитора снова хищно впились в меня.

— Странно. И что же конкретно это за «профиль»? — он оскалился в плотоядной, торжествующей улыбке, заглядывая мне прямо в глаза.

Я не выдержала и с вызовом посмотрела ему в глаза. В этот момент мир вокруг замер. Его ртутный, неестественный взгляд словно препарировал мою душу, проходя сквозь физическую оболочку насквозь. Кожу обдало холодом, и я мгновенно поняла, что этот эйр видит гораздо больше, чем ему положено.

Маркус срезал это напряжение одним резким движением.

Он не стал спорить. Он просто выпустил свою ауру, волну ледяного, подавляющего Порядка, которая буквально отбросила Ингвара назад на шаг, заставляя того моргнуть и на мгновение ослепнуть от этой вспышки силы.

— Профиль, который позволяет ей оперировать цифрами быстрее, чем ваши ищейки находят ересь, лорд Инквизитор, — Маркус бросил это через плечо, уже увлекая меня за собой мимо ошеломленной делегации. — Если вас так интересуют технические детали, подайте официальный запрос в канцелярию Астеров. После коронации.

Жестко зафиксировав мой локоть, Маркус стремительно вел меня вперед, чеканя шаг по зеркальному мрамору. Лорд Ингвар остался стоять у подножия лестницы, безмолвно провожая нас своим тяжелым ртутным взглядом. Маркус ни разу не обернулся. Только когда мы миновали несколько бесконечных переходов и свернули в пустой, гулкий пролет перед залом приемов, где тяжелые бархатные портьеры надежно отсекали нас от любопытных глаз дворцовой стражи, оцепенение спало.

Адреналин наконец прорвался наружу. Меня затрясло так сильно, что пальцы едва удерживали кожаную папку с архивными документами. Я резко, судорожно вырвала руку из его стальной хватки.

Пальцы лорда содрали ткань и оставили на моей коже горящие следы, но подспудный страх перед Инквизитором жег куда сильнее.

— Он почувствовал! — на одном выдохе, надрывным шепотом произнесла я, тщетно пытаясь унять внутреннюю дрожь. — Маркус, он почти залез мне под кожу. Мой браслет... он едва справляется.

Маркус не бросился меня утешать. Напротив, он сделал стремительный шаг вперед, сокращая дистанцию до опасного, душного минимума, и его аура светлого мгновенно обрушилась на меня удушающим ледяным прессом.

— Руку, — скомандовал он коротким, сухим щелчком.

Я замерла, глядя в его пустые, расчетливые глаза. На меня больше не смотрел мужчина, который целовал меня в Астер-Холле. Сейчас я была для него лишь ключевым активом, который внезапно дал критический сбой.

— Дай. Мне. Руку. Тень, — повторил он еще тише, и в этом свистящем шепоте сквозило больше смертельной угрозы, чем в самом яростном крике.

Я медленно, подчиняясь инстинкту самосохранения, протянула запястье. Маркус грубо, почти болезненно перехватил его, накрывая скрытый под наручем маскирующий браслет своей ладонью. В следующую секунду я ощутила резкий, дикий укол стужи — он принудительно вливал собственную магию прямо в артефакт, силой стабилизируя колеблющуюся морок. Это было невыносимо больно, словно в мои вены вместо крови разом залили жидкий азот.

— Слушай меня внимательно, — он наклонился к самому моему уху, так что его ледяное дыхание обожгло кожу.

— Ингвар — ищейка из древнего рода ртутных змей. Они физически считывают колебания вероятностей и малейшую фальшь. Ты дернулась, Тори. Ты посмела посмотреть ему прямо в глаза, и твоя паника дала тот самый всплеск магии, который он и засек.

В этот момент я краем глаза уловила едва заметное движение за ближайшей массивной колонной — мимолетное, неестественное колыхание черной тени, которая совершенно точно не принадлежала случайному прохожему. Слежка. За нами неотрывно наблюдали с самого дворцового входа.

Маркус, разумеется, узнал об этом гораздо раньше меня. Его показательная грубость и жесткие приказы были лишь частью безупречного спектакля для тех шпионов, кто грел уши в дворцовых нишах. Едва «наблюдатель» бесшумно скользнул дальше по переходу, хватка лорда на моем запястье мгновенно изменилась. Ярость в его глазах не утихла, но большой палец почти неощутимо, невероятно нежно погладил воспаленную кожу чуть выше браслета. Это было мимолетное, безмолвное «прости», предназначавшееся только мне одной.

Но стоило в конце коридора показаться первому гвардейскому патрулю, как Маркус мгновенно вернул себе маску безжалостного Ледяного Герцога. Он отпустил мою руку так резко и пренебрежительно, что я покачнулась, едва удержав равновесие.

— Если ты еще раз позволишь себе подобную недопусти-

мую выходку, вырвать руку, поднять глаза без моего прямого приказа или просто беззвучно задрожать, я лично отдам тебя Инквизиции, — его голос теперь гремел чистой, безжалостной сталью на весь коридор. — Потому что так ты умрешь быстро и милосердно, а не под затяжными пытками за государственную измену. Ты меня поняла, Тень?

Я с трудом сглотнула застрявший в горле сухой комок, неотрывно глядя в его потемневшие, бездонные глаза. В этот страшный миг до меня наконец дошло: он не просто играет роль. Он идет по тончайшему, натянутому канату над бездной. И я в этой игре либо его единственный балансир, либо тот смертельный груз, который утянет его за собой на дно.

— Поняла, Ваша Светлость.

— Хорошо, — Маркус небрежным, аристократическим жестом поправил безупречные манжеты парадного мундира. — Ингвар пока не уверен. Он лишь заинтригован неожиданной аномалией. Сейчас мы войдем в кабинет к моему отцу. У Регента глаза не из ртути, но его вековой опыт и ментальное чутье видят любую фальшь за версту. Если ты провалишься и выдашь себя перед ним, нас двоих не спасет даже твой гениальный «Акт о выкупе».

Я молча кивнула, сдерживая внутреннюю бурю. Маркус еще секунду пристально всматривался в мое лицо, словно проверяя на прочность те невидимые замки, которые я только что спешно навесила на собственную растревоженную душу. Его взгляд был тяжелым, сканирующим, но из него на-

конец исчезла та пугающая, мертвая пустота, что сковывала меня мгновение назад.

Мы двинулись дальше. Мои пальцы, судорожно сжимавшие кожаную папку, всё еще вибрировали от остатков его ледяной магии. А в голове набатом стучала одна-единственная мысль: кого именно он сейчас защищает, меня или свою самую крупную политическую инвестицию? И есть ли вообще в этом жестоком мире разница между этими понятиями?

Впереди наконец показались массивные двустворчатые двери из черного дерева, инкрустированные тончайшей серебряной нитью. У входа замерли двое гвардейцев — личная охрана императорской семьи. В отличие от безликих «белых плащей» Инквизиции, эти воины выглядели как ожившие статуи из чистого, литого золота. На них были тяжелые чешуйчатые доспехи и длинные плащи цвета заходящего солнца, а лица полностью скрывали глухие шлемы с узкими, темными прорезями для глаз. В руках они синхронно сжимали массивные алебарды, лезвия которых слабо, угрожающе светились магией.

Маркус медленно отстранился, поправил на плече свой тяжелый плащ и коротко кивнул стражникам. Те синхронно ударили древками о мраморный пол, звук эхом разнесся по пустому коридору, и тяжелые створки разошлись с глухим скрипом.

Кабинет Регента встретил нас полумраком и густым, удушливым запахом дорогого табака, намертво смешанного

с горьким ароматом лекарственных трав. Здесь не было и капли пафоса парадных приемных залов. В этих стенах правила холодная, концентрированная власть, не нуждающаяся в дешевой позолоте. Тяжелые портьеры были плотно задернуты, и лишь редкие узкие полосы дневного света, в которых медленно кружилась вековая пыль, разрезали пространство полумрака, словно лезвия бритвы.

В центре комнаты, за массивным столом из черного дерева, больше напоминающим жертвенный алтарь, сидел Регент Алистер Вейн. Его лицо казалось высеченным из грубого серого гранита, а взгляд был настолько тяжелым, что, казалось, мог физически прижать кого-то к полу.

Первое, что ударило меня под дых, это их пугающее, абсолютное несходство.

Я подсознательно ожидала увидеть старшую копию Ледяного Герцога, но Регент был вылеплен совершенно из другого теста. Если Маркус унаследовал породу своей матери — её окутанный легкой грустью портрет висел прямо напротив рабочего стола в его личном кабинете в Астер-Холле, оставаясь единственным ярким пятном в этой строгой, холодной обители, — безупречную, хищную симметрию лица, точеные аристократические скулы и пронзительную синеву сапфировых глаз, — то его отец казался воплощением первобытной, грубой силы.

Тяжелая челюсть, черты лица острее и резче, словно их наспех вырубали из обсидиана, и глубокие, скорбные бороз-

ды у рта. Тонкие губы Алистера были плотно сжаты, а глаза... Эти темные, почти черные провалы не смотрели на тебя — они препарировали, выжигая изнутри любую попытку солгать. На фоне этого монолита Маркус со своей изящной, ледяной статью выглядел чужаком. Изгоем у собственного очага. Даже одежды их отличались. Маркус, как сапфировый герцог Астер всегда носил соответствующие цвета даже в домашних одеждах. Алистер Вейн был одет во все черное. Единственное, чем отец и сын походили друг на друга, это темные длинные волосы, которые по правилам Империи были аккуратно зачесаны назад.

При всем этом выглядел Регент от силы лет на десять старше Маркуса. Я всё еще никак не могла окончательно привыкнуть к тому, что продолжительность жизни эйров и лир в этом мире несопоставима с земными мерками. С одной стороны, многовековая молодость — это, безусловно, огромный и жирный плюс местной реальности. С другой, до сих пор чертовски сбивало меня с толку. Мозг упорно отказывался воспринимать этого полного сил, опасного эйра как отца взрослого сына.

Да, в рамках этого мира Маркус был еще несовершеннолетним, ему не хватало лишь полгода до заветных для каждого эйра тридцати лет, но в связи с исключительными обстоятельствами, как рассказывал мне сам Маркус, Совет позволил ему вступить в права наследования титулом и землями рода Астер заблаговременно, так как он был последний

и единственным в своем роде. Буквально и фигурально. Но формально он должен был докладывать отцу, как официально опекуну о своих решениях, которые Алистер Вейн мог оспорить через Совет. Поэтому мы прибыли сюда, поэтому сейчас стояли перед ним.

Герцог только успел сделать шаг вперед и коротко коснулся кожаной папки в моих руках, мягко фиксируя её, чтобы забрать и начать официальный доклад, как сухой, резкий голос отца с корнем пресек любое наше движение.

— Положи это на стол, — бросил Регент, возвращая свое внимание к своим документам на столе. — К остальным прошениям. Как будет время, я ознакомлюсь. Если там есть хоть крупица смысла.

Я замерла. Часы бессонных ночей, расчеты, выверенные до медяка, всё это было отброшено одним коротким жестом. Мои таблицы, графики оптимизации ресурсов, план по улучшению экономики Империи, для этого эйра всё это было лишь пачкой исписанной бумаги в руках бесправного существа.

— Но, отец, это касается всей Империи... — начал было Маркус, но Регент резко вскинул руку.

— Довольно! — эйр наконец поднял взгляд, и в нем полыхнуло холодное пламя.

— Я вызывал тебя в столицу не для того, чтобы выслушивать фантазии. Ты ведешь себя как мальчишка, Маркус. Ты тратишь время на какие-то «Тени», вместо того чтобы

укреплять границы. Мне доносят, что Астер-Холл превращается в благотворительный приют для немощных темных. Тень — это лишь инструмент, вещь. А ты возишься с ними так, будто их мнение имеет значение.

Маркус стоял неподвижно, его лицо окончательно превратилось в маску из мертвого, обветренного камня, но я отчетливо видела, как бешено пульсирует тугая жилка на его шее. Он молчал. Он просто глотал это высокомерное дерьмо, позволяя отцу методично уничтожать всё, чего мы с ним достигли.

И внутри меня лавиной закипел праведный, яростный гнев кризис-менеджера, которому заносчивый совет директоров только что заявил, что его годовой отчет мусор.

— Лорд-Регент, — я заговорила прежде, чем успела остановить себя. Мой голос разрезал душный воздух кабинета, прозвучав непривычно низко и твердо. — Инструмент абсолютно бесполезен, если владелец не понимает физику его работы.

Регент замер. Его брови едва заметно поползли вверх, а во взгляде отразилось такое искреннее изумление, будто прямо сейчас человеческим голосом заговорила подставка для чернильницы.

— Она еще и разговаривает, — почти с интересом произнес он, медленно поднимаясь из-за стола.

Не обращая никакого внимания на сына, Алистер начал медленный, почти ритуальный обход вокруг меня, хищно со-

кращая дистанцию. Я инстинктивно сжалась, ожидая того же тошнотворного «прощупывания» ауры, которое устроил Инквизитор, — липкого, подавляющего магического сканирования... но его не было. Регент смотрел иначе.

Его темный взгляд был холодным, расчетливым и пугающе... человеческим. Он рассматривал меня так, словно изучал сложный шестереночный механизм или редкое насекомое, которое внезапно продемонстрировало признаки разума. В его глазах мелькнуло что-то странное — на мгновение мне показалось, что он не ожидал увидеть меня. Не Тень вообще, а именно меня. Как будто в моем лице, в моей осанке или в том, как упрямо я держу голову, он узнал нечто такое, чего здесь быть никак не должно.

Не выдержав этого свинцового давления, я на долю секунды бросила короткий, ищущий взгляд на Маркуса. Он стоял неподвижно у края стола, застыв как манекен в витрине. Его лицо было безупречным до тошноты: взгляд направлен в никуда, губы плотно сжаты, ни тени эмоций. Он играл роль холодного светлого лорда настолько идеально, что я бы сама поверила в его полное безразличие к моей судьбе. Если бы не это странное новое чувство.

За его ледяной маской, за этими отстраненными глазами я отчетливо ощутила совсем другое. Это было как в коридоре с Инквизитором — резкий, почти физический удар чужих чувств. Маркус молчал, но внутри него бушевал настоящий пожар. Я кожей чувствовала его злость на отца, которая сме-

шивалась с каким-то глухим, лихорадочным страхом за меня. Он буквально кричал в этой тишине, требуя, чтобы я замолчала, чтобы я исчезла и не привлекала к себе еще больше внимания этого хищника. Эта вспышка была такой яркой, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— ...И, кажется, она свято уверена, что её мнение о государственном управлении кого-то здесь занимает, — закончил Регент, снова оказываясь передо мной.

— Я считаю, что сухие цифры обязаны занимать любого правителя, который хочет сохранить трон в условиях прогрессирующего дефицита магии, — я полностью выпрямилась, заставляя себя игнорировать и безмолвный протест Маркуса, и леденящее давление Регента. — Ваше Светлость, Вы называете наш дом «приютом», но на деле Астер-Холл — это единственный прибыльный экономический полигон в стране. Пока Империя впустую сжигает золото на поддержание деспотизма, который уже элементарно не окупается, мы превращаем потенциальную угрозу в работающий ресурс. Страх — это слишком дорогой и неэффективный управленческий метод.

Регент подошел ко мне вплотную, нагло нарушая границы. От него пахло старым пергаментом и холодной, тяжелой магией векового Порядка. Я видела каждую резкую морщинку на его лице, но упрямо не отвела взгляда.

— Мы не просто «кормим» темных, — отчеканила я, глядя ему прямо в переносицу. — Мы оптимизировали их со-

держание, снизив чистые расходы на пятую часть всего за один квартал. А взамен получили рост выработки магии на двадцать пять процентов. Это чистая математика, милорд. Либо Империя начнет зарабатывать на темных, используя их потенциал, либо она окончательно разорится на бесплодных попытках удержать их в цепях. Выбор за вами: эффективная, самоокупаемая система или золотая клетка, которая скоро опустеет из-за нехватки средств.

— Маркус, — негромко произнес Регент, не отрывая от меня своего препарирующего взгляда. Его лицо осталось каменным, но в глазах зловеще мелькнула опасная искра. — Твоя игрушка окончательно сломалась и напрочь забыла свое место.

— Отец, её слова продиктованы лишь... — начал было Маркус холодным, дипломатичным тоном, и в этой попытке сгладить углы мне на секунду послышалось нечто, от чего внутри стало тошно. Тон компромисса. Словно он пытался мягко извиниться перед высшим хищником за неповиновение.

Но Маркус не договорил. Он резко оборвал самого себя на полуслове, словно эта привычная, въевшаяся с детства покорность вдруг поперек горла встала ему самому.

Одним широким, стремительным движением он шагнул вперед, физически врезаясь в пространство между мной и Регентом. Его высокая, крепкая фигура намертво заблокировала меня от удушающего обсидианового взгляда Али-

стера, превращаясь в монолитный, надежный щит. Не оглядываясь, Маркус решительно перехватил тяжелую кожаную папку из моих ладоней и твердым, бескомпромиссным жестом вручил её отцу, чуть ли не насильно вложив наш общий труд прямо ему в руки.

— Впрочем, к звездам дипломатию, — вдруг наотмашь отчеканил герцог, и его голос мгновенно вернул себе ту самую стальную, сокрушительную силу, которую я привыкла слышать в стенах Астер-Холла. — Она права. И если ты до сих пор не готов слушать язык цифр, то тебе пора признать очевидное: старые методы ведения войны больше не работают в мирное время. Нам нужны лояльные подданные и стабильные налоги, а не орды заключенных, на конвоирование которых уходит последняя казна Империи. То, что предлагает Тори, это бесценный подарок для будущего всей нашей страны.

Регент медленно повернул голову к сыну. В кабинете стало так тихо, что было отчетливо слышно, как с сухим треском догорает фитиль свечи.

— Подарок... — тихо, почти ласково протянул этот эйр крутя папку в руках словно игрушку, и на его губах появилась змеиная, пугающая улыбка. — Что ж. Раз она у тебя такая умная, «эффективная» и так хорошо разбирается в золоте, она станет прекрасным подарком для принца Адриана на сегодняшнем балу. Нашему наследнику как раз не хватает кого-то, кто будет развлекать его заумными лекциями об эконо-

номике прямо в его спальне. Он обожает редкие диковинки. Особенно говорящие.

Регент медленно поднял взгляд на лицо сына. Вернее, на его маску, которая сейчас трещала по швам под давлением ледяной воли отца.

— Или так, — голос регента стал сухим, как треск ломающихся костей, — или я больше не слышу ни её имени, ни того, что ты дал ей слишком много прав для Тени! Это неприемлемо давать столько свобод рабам. Может быть, Маркус, я даю тебе самому слишком много свободы, раз ты так легко раздарила её другим?

Маркус стоял неподвижно. В этот момент он напоминал изваяние на собственной гробнице — бледный, застывший, с потемневшими глазами. Но бешеная пульсация жилки на шее выдавала его: внутри него шла война между долгом наследника и яростью мужчины.

— Единственное, что меня радует во всей этой ситуации, — продолжал Регент, и его голос смягчился, став почти ядовито-ласковым, — это ваше скорое единение с Алессой. Она истинная светлая аристократка. У неё хватит твердости навести порядок в твоём доме и вымести оттуда весь этот темный мусор, который ты развел. Она вернет Астер-Холлу величие, которое ты так упорно размениваешь на сочувствие к рабам.

Я видела, как Маркус едва заметно вздрогнул при упоминании Алессы. В его мире «единение» было не просто бра-

ком, это было окончательное закрепление статуса, слияние капиталов и магии, в котором не было места для меня.

— Сегодня вечером состоится закрытый прием в честь совершеннолетия принца, — отчеканил Регент, возвращаясь к своему креслу и небрежным, брезгливым жестом швыряя принесенную Маркусом папку на самый край стола, едва ли не в мусорную корзину. — Прибудет множество высокопоставленных гостей, включая послов и судебных чинов. И, что важнее всего, прибудет сама Императрица Темных. Ты, Маркус, будешь официально сопровождать Алессу. Ты будешь её опорой и её будущим мужем.

Он сделал зловещую паузу, и его голос опустился до вкрадчивого, опасного шипения:

— Чтобы в ближайшие дни я больше не видел и слышал ни единого слова про твои нелепые «реформы». И не дай бог до меня дойдут новые слухи о твоих... особых предпочтениях в отношении слуг. Твой проект — это опасная ересь, Маркус. Если ты не в состоянии самостоятельно держать свои игрушки в узде, за тебя это сделает Инквизиция. Ступайте.

Герцог кратко склонил голову, достаточно низко, чтобы отцовский взгляд не смог считать ту убийственную ярость, что горела в его глаза.

— Как пожелаете, отец.

Он развернулся и, не глядя на меня, быстрым, размашистым шагом направился к выходу. Я безмолвно последовала за ним. Мы шли по бесконечным анфиладам дворца в оглу-

шительной тишине. Маркус шагал так стремительно, что мне приходилось почти бежать, чтобы не отстать. Его спина казалась каменной стеной, за которой больше не было тепла, только холодный расчет и подавленная ярость.

Я чувствовала странную, обманчивую легкость в ладонях. папка осталась на столе Регента, брошенная в стопку ненужной макулатуры. Но эта легкость быстро перерастала в ледяную, сосущую пустоту в груди, превращаясь в монолитную надгробную плиту для всех наших надежд. Всё, во что я верила, все наши ночные споры над чертежами и графиками были перечеркнуты одним брезгливым жестом его отца.

Мы не замечали ни любопытных взглядов придворных, ни шепота Теней, в ужасе замиравших у стен при виде разгневанного герцога. Мир вокруг превратился в размытое, фальшивое пятно из золота и белого мрамора.

Наконец, Маркус толкнул тяжелые двери в конце западного крыла. Как оказалось, это были покои, которые были выделенные ему, когда он прибывал в императорский дворец.

Едва створки захлопнулись за моей спиной, отрезая нас от дворцового шума, с тихим, зловещим щелчком повернулся замок. Маркус резко остановился посреди просторной гостиной, залитой холодным дневным светом. Его плечи тяжело вздрагивали, а кулаки были сжаты так, что кожа на костяшках натянулась до белизны.

Я стояла у двери, не зная, чего ждать: ярости, новых приказов или холодного безразличия. Но Маркус вдруг рвано

выдохнул, и вся его напускная мощь осыпалась, как сухая штукатурка. Он стремительно развернулся и в два шага преодолел разделявшее нас расстояние.

Прежде чем я успела вскрикнуть, он прижал меня к себе. Его руки сомкнулись на моей талии с такой силой, будто я была единственным плотом в бушующем океане. Он уткнулся носом в мои волосы у самого виска, глубоко, до дрожи вдыхая мой запах, смешанный с пылью дорог и старой бумаги.

— Маркус... — выдохнула я, пытаюсь отстраниться, но он лишь крепче сжал объятия, пряча лицо в изгибе моей шеи.

— Замолчи. Пожалуйста, просто замолчи на минуту, — прохрипел он. Его голос вибрировал от сдерживаемой боли.

Я чувствовала, как бешено колотится его сердце под тонкой тканью мундира. В этом жесте не было страсти, только отчаяние. Он искал во мне покой, который только что окончательно потерял в кабинете отца. На несколько секунд он перестал быть герцогом Астером, наследником и стратегом. Он был просто мужчиной, который загнал себя в угол.

— Черт возьми, Тори! Зачем ты открыла рот?! — он резко отстранился от меня, и в его взгляде была смесь гнева и жуткого, липкого страха. — Ты хоть понимаешь, что со мной будет, если они отберут тебя у меня? У меня не будет возможности спасти тебя!

Я стояла, выпрямив спину, хотя внутри всё дрожало от его крика.

— Я не могла молчать, когда он обесценивал твою работу, Маркус. И мою тоже. Если ты готов позволить ему вытирать о себя ноги, то я нет. Я считаю результаты важнее, чем статус или происхождение.

— В этом мире результат это твоя жизнь! — он снова прильнул ко мне, хватая за плечи. Его пальцы мертвой хваткой впились в ткань платья. — Как ты не понимаешь, что они могут сделать с тобой, если меня не будет рядом?!

Я посмотрела ему прямо в глаза:

— Значит, мы сделаем так, чтобы ты был рядом всегда.

Маркус медленно выдохнул, его хватка ослабла. Он прижался своим лбом к моему, и я почувствовала, как крупно он дрожит.

— Он уничтожит тебя, Тори, — его шепот обжег мне кожу. — Если я не сделаю то, что он хочет... если я не буду вести этот чертов маскарад с Алессой... он просто сотрет тебя. Ты для него лишь досадная помеха в его расчетах.

Я замерла. Мои руки, которые я собиралась поднять, чтобы обнять его в ответ, так и зависли в воздухе.

— И поэтому ты решил просто плыть по течению? — спросила я, и мой голос прозвучал удивительно холодно. — Снова стать той идеальной пешкой, которую твой отец передвигает по доске? Ты говоришь о спасении, Маркус, но пока ты лишь покорно надеваешь поводок, который тебе протягивают. Неужели всё, во что мы верили в Астер-Холле, смывается первым же ледяным взглядом Регента?

Маркус резко отстранился. Его лицо, только что искаженное мольбой о покое, начало стремительно застывать, покрываясь коркой льда. Но я видела — в самой глубине его зрачков всё еще метался затравленный зверь.

Он отошел к окну, глядя на то, как во внутренний двор одна за другой въезжают кареты, украшенные гербами самых могущественных домов светлой Империи. Каждое прибытие сопровождалось магическими всполохами и звоном гвардейской стали.

— Я могу пойти с тобой и.... — миролюбиво начала я, когда поняла, что последние слова были слишком жесткими, несправедливыми. Я ведь знала, какой Маркус на самом деле и как отчаянно он пытается защитить тех, кто ему дорог.

— Нет, — внезапно отрезал он, не оборачиваясь. — Ты не пойдешь.

Я нахмурилась, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость менеджера, чей план только что бесцеремонно спустили в шредер:

— Мы же обсуждали это! Я должна быть там. Как же наш план, Маркус? Весь этот бал единственный шанс разузнать, кто пустил «Зов». Если там соберутся все великие дома, Инквизиция и даже Императрица Темных, мы сможем хоть что-то выяснить! Это наш единственный шанс понять, почему меня выдернуло из моего мира в этот. А если на самом балу ловить нечего, то, пока все «хозяева жизни» будут развлекаться, я смогу спрашивать других Теней. Слуги знают

больше, чем лорды, Маркус. Пока вы пьете вино, я могла бы найти ответы в архивах или в кулуарах...

— Ты не выйдешь из этих покоев, Виктория! — он резко развернулся, и его голос ударил по стенам, как молот по наковальне.

Я осеклась, буквально задохнувшись от звука собственного имени. Я рассказывала ему, как меня звали «там», всего однажды — тихой ночью в библиотеке Астер-Холла, когда вино и усталость стерли границы между хозяином и Тенью. Помню, как он тогда пробовал это имя на вкус, перекатывая слоги: «Вик-то-ри-я... Странное имя. На языке древних "Тори" — это искра, а "Вик" — победа над смертью. Ты Победоносная Искра, Тень. Слишком громко для рабыни, но в самый раз для тебя».

С тех пор он ни разу не называл меня так. И то, что оно прозвучало сейчас, здесь, в этом змеином гнезде, означало только одно. Он был в ужасе.

Он в три шага преодолел комнату и снова перехватил мои руки.

— Ты не понимаешь, — прошипел он, и я увидела на его лбу бисеринки пота. — Ингвар не просто так крутился у входа. Он чувствует колебания. Если на приеме, в толпе светлых, твой браслет даст малейший сбой... если твой страх или гнев пробьет маскировку... я даже не успею обнажить меч. Тебя схватят раньше, чем я успею пошевелиться.

— Маркус, ты сам говорил, что наш план это риск, на ко-

торый стоит пойти! Я...

— Это слишком опасно! — выкрикнул он с подлинным отчаянием. — Я был идиотом, когда решил привести тебя в это змеиное гнездо. Отец ясно дал понять, что ищет повод. И зная, на что он способен ради сохранения чистоты власти... Если для того, чтобы ты осталась жива, мне нужно запереть тебя здесь под стражей, я это сделаю. Без колебаний.

Он отпустил меня и сделал шаг назад к двери, словно боясь, что я смогу его переубедить одним прикосновением.

— Ты останешься здесь. В покоях есть всё необходимое, тебе не придется выходить. Дверь будет заперта магическим ключом Астеров. Никто, кроме меня, не сможет войти. И ты... — он запнулся, глядя на меня с такой невыносимой горечью, будто прощался навсегда. — Ты не должна подавать знака, что ты здесь. Никакой магии. Никаких записей. Просто исчезни на этот вечер. Стань настоящей тенью. После коронации мы вернемся домой, в Астер-Холл, и там я снова смогу тебя защитить. Доверься мне. Умоляю.

Я медленно покачала головой. Его страх был настолько велик, что он просто выжег в нем всю логику, всё, что делало нас партнерами.

— Запрещь меня здесь, чтобы потом запереть там? А что будет, когда твоя новая жена станет хозяйкой дома? Ты слышал своего отца — она «наведет порядок». И первым делом она «выметет» меня как бракованный мусор. Ты предлагаешь мне верить в будущее, в котором ты официально при-

надлежишь другой, а я — сижу в подвале под магическим замком?

Маркус открыл рот, собираясь возразить, но я остановила его движением руки и коснулась своего ошейника, который вдруг стал казаться невыносимо тесным, словно он сжимался с каждым его словом.

— Пока ты слушаешься отца во всем, ты не свободен, Маркус. По крайней мере, моя свобода ограничена только этим куском кожи на шее. А твоя — твоим собственным, добровольным выбором. Ты сам надеваешь этот поводок и просишь меня подождать, пока его натянут посильнее.

Маркус ничего не ответил. На его лице промелькнула такая мука, что мне на секунду захотелось забрать свои слова назад, но было поздно. Он бросил на меня последний, болезненный взгляд, в котором читалось всё, что он не осмелился произнести, и вышел в коридор.

Я услышала, как с тихим, певучим звоном сработала магическая блокировка. Тяжелый, окончательный щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел прямо мне в сердце.

Я осталась одна в роскошной гостиной, залитой золотом яркого солнца. Тишина огромного дворца начала давить на уши. Где-то там, за этими стенами, скоро начнется блестящий праздник, где Маркус будет вести под руку Алессу, принимая поздравления в честь их будущего единения, а я... я буду просто спрятанной «ошибкой», которую хозяин стыдливо прикрыл занавеской.

Я сползла по стене на дорогой ковер, обхватив колени руками, чувствуя, как внутри разрастается холодная, пустая дыра. Когда-то, в моем прежнем мире, мне казалось, что я познала предел боли. Измена жениха с лучшей подругой тогда выглядела концом света — предательство людей, которым я доверяла. Но та боль была бытовой, понятной. Она лечилась временем и новой работой.

Эта же боль была иной — экзистенциальной. Мне было невыносимо не от того, что Маркус будет с другой, а от того, как сильно он успел стать мне дорог. Я с ужасом поняла, что влюбилась в своего «надзирателя», в мужчину, который только что запер меня ради моего же блага, лишив права голоса. Та прошлая обида из прошлой жизни лишь задела мою гордость, а нынешняя ситуация рвала саму душу. Потому что Маркус не предавал меня — он предавал нас обоих, пытаюсь спасти мою жизнь ценой нашей общей свободы.

Я поднялась, подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. Холод прозрачной преграды немного остудил пылающую кожу. Внизу, в каретах, прибывали гости. Блеск золота, гербы, магические огни... И вдруг среди этого калейдоскопа роскоши я заметила экипаж, который заставил мое сердце пропустить удар.

Он разительно отличался от вычурных карет светлых. Глубокий черный цвет, который не отражал свет, а будто поглощал его, и матовая сталь вместо золота. На дверце красовался знак, при виде которого у меня по коже пробежал мо-

роз: свернувшийся дракон, сжимающий в когтях луну. Герб правящей имперской династии Тенебриса.

Я видела этот символ лишь однажды на выцветших грабюрах в старинных исторических хрониках из библиотеки Астер-Холла, когда по ночам пыталась разобраться в политической карте этого мира. Но одно дело блеклые чернила на сухом пергаменте, и совсем другое видеть его наяву. Стоило мне взглянуть на матовую сталь, как внутри шевельнулось странное, почти пугающее узнавание, словно этот узор на загравке дракона был выжжен на обратной стороне моих век. Сапфир на шее вдруг ощутимо потеплел, глухо завибрировав в унисон с магическим следом, который оставлял за собой тяжелый экипаж.

Это не было совпадением. Императорская кровь темных прибыла в самое логово светлых. И пока Маркус играл роль верного сына, я смотрела на этот знак и понимала: правила игры только что изменились. Но не потому, что в город приехала Императрица Темных. А потому, что я увидела предел собственного терпения.

Я медленно подняла руки к горлу. Мои пальцы коснулись гладкого камня в центре ошейника, в котором застыл свет дома Астеров. Красивая, статусная удавка.

Я рванула её. Без надежды сорвать — просто чтобы почувствовать сопротивление. Боль от впившегося края кожи отрезвила, выжигая остатки жалости к себе. Маркус думает, что спасает меня, запирая здесь. Но он критически ошиба-

ется в расчетах. Любовь в кандалах рано или поздно превращается в общую камеру, где двое просто медленно умирают от нехватки воздуха.

Я отвернулась, прижимаясь спиной к холодному стеклу, резкими движениями срывая наплечники и наручи. Ненавидящий взгляд упал на браслет, скрывавший мои «звезды». Я потянула и его, но внезапно остановилась. Панический страх Маркуса, его предостережения... они передались и мне, заставив вовремя опустить руки.

В этом мире темные и светлые живут веками. Время здесь самый дешевый ресурс для тех, у кого есть терпение. Что ж, у меня его достаточно. Если для того, чтобы снять этот ошейник, мне придется прожить сто лет, изучая каждый винтик этой Империи, я это сделаю. Если мне придется стать идеальным инструментом, чтобы однажды вскрыть этот замок изнутри, я им стану.

Я даю себе это обещание здесь, в золотой клетке, под аккомпанемент чужого праздника. Я сделаю всё. Я найду способ переписать правила этой реальности. Я изучу их законы, их магию и их слабости. И однажды я коснусь этой застежки не с отчаянием, а с полным правом собственности на собственную судьбу. Маркус решил стать пешкой, чтобы спасти мою жизнь. Но я не позволю ему принести эту жертву напрасно. Я выживу, я научусь играть по их правилам, и я сорву этот ошейник с шеи. Чего бы мне это ни стоило.

Я больше не «ошибка в бухгалтерской книге». Я неучтен-

ный фактор, который в итоге обрушит весь их баланс. Дверь была заперта снаружи магическим ключом. Но внутри меня только что открылась дверь, которую уже не запереть ни одному аристократу.

Глава 10. Резонанс моей души.

Маркус.

Шум приема в честь совершеннолетия принца доносился до меня приглушенным гулом, похожим на ржание рассерженных ос. Потолки тронного зала, расписанные золотом и лазурью, казались мне сводами склепа. Здесь всё было «идеальным»: выверенные по линейке поклоны, фарфоровые улыбки аристократок, безупречно мундиры гвардейцев. Но за этим фасадом я отчетливо чувствовал гниль.

Каждый раз, когда Алесса касалась моего локтя своей вытянутой в шелк рукой, я чувствовал физическую тошноту. Её пальцы казались мне холодными насекомыми, ползающими по коже. Сейчас она была образцовым воплощением нашего мира — красивая, пустая и смертельно опасная в своем безразличии.

Зал утопал в фальшивом великолепии, представляя собой сюрреалистичное и жуткое зрелище. Двадцать один год назад наши народы выжигали земли друг друга, превращая города в пепел, а сегодня светлые лорды и темные аристократы из свиты Императрицы улыбались, вежливо соприкасаясь хрустальными бокалами.

На возвышении откровенно скучал принц Адриан. Будущий Император Светлых выглядел так, словно этот бал был его личной казнью. Он лениво вглядывался в толпу, но его

взгляд — острый, цепкий, хищный — скользил по лицам так, словно он искал в этом море шелка и бриллиантов кого-то конкретного. Кого-то, кого здесь не было. Внутри меня все заледенело. Я вспомнил вкрадчивое обещание отца подарить Тори наследнику для «заумных лекций в спальне». Если бы она сейчас вошла в зал, этот плотоядный интерес Адриана стал бы для нас обоих смертным приговором.

Меня обожгло дикой, почти животной ревностью — чужеродным, разрушительным чувством, от которого перехватило дыхание. Я силой воли подавил этот всплеск, заставляя себя выровнять дыхание и отвести взгляд от принца. Нельзя. Не здесь. Я отвернулся, намеренно ловя фокусом лица придворных и глуша лишние эмоции холодным Порядком.

Контраст между двумя народами резал глаза. Светлые, застегнутые на все пуговицы, зажатые в тиски жестких правил и этикета. В нашем обществе проявление эмоций, гнев это или страсть считается признаком слабости, «грязной магии». Но при этом прямо за моей спиной шелестели веера: благородные дамы, чьи лица застыли безжизненными масками, всю исходили ядовитой желчью, сплетничая о длине разрезов на платьях гостей.

Темные были полной нашей противоположностью. Их одежды из струящегося, полупрозрачного шелка казались вызывающе, почти болезненно откровенными. Наряды едва прикрывали кожу, демонстрируя сложные узоры на коже, которые пульсировали тусклым светом в такт музыке. Они

не просто общались — они жили, они дышали первобытной страстью, легко вытягивая искры тайного, постыдного желания из чопорных и подавленных эйров и эйр.

— Посмотри на этих дикарок, — прошептала одна из графинь за моей спиной, картинно прикрываясь веером, хотя сама не отводила жадного взгляда от обнаженного плеча темной лиры. — Выставлять тело напоказ... Какое бесстыдство. Никакого понятия о приличиях.

— Согласен, графиня, — приторно отозвался молодой барон, чей взор в этот момент буквально впивался в глубокий разрез платья темной гостью. — Совершенно варварские нравы. Говорят, они даже не заключают единений. Просто выбирают фаворитов на ночь. Отвратительно...

Гнусное, липкое лицемерие. Слухи о «свободных нравах» Тенебриса и об отсутствии у них понятия «единения» — нашего священного, нерушимого брака до гроба — будоражили воображение тех, кто привык жить по сухим, безжизненным контрактам. У фуршетных столов, под звон хрусталя, молодые лорды шепотом заключали пари на золотые: кто сегодня ночью «завалит» одну из этих дикарок и проверит, так ли горяча их темная кровь, как шепчут в закрытых клубах.

В официальных речах иметь дело с темными аморально, почти преступно. Но здесь, за ширмой этикета, каждый второй мечтал сорвать этот шелк, чтобы хоть на час почувствовать ту жизнь, которую мы сами в себе методично вытравили. Они осуждали их вслух, брызжа слюной о «чистоте на-

ции», только чтобы оправдать ту дикую жажду, что жгла их изнутри. Пока их собственные жены будут чинно спать в соседних покоях, видя сны о Порядке, лорды будут искать спасения в объятиях бывших врагов.

А ведь двадцать один год назад они были врагами. Буквально. Мир захлебывался в огне, и всё живое сгорело бы дотла. Смерть прежнего Императора должна была стать сигналом к новой, еще более чудовищной бойне, если бы не мой отец. Именно он, тогда еще Верховный Советник, сумел перехватить ускользающую власть и заключить временное перемирие с Императрицей Тенебриса. Став Регентом, он железной рукой удержал Империю от падения в бездну, пока принц Адриан рос до восхождения на трон. И вот сегодня его совершеннолетие. Последний шаг перед коронацией, которая состоится через пару дней.

И сейчас, глядя на этот прием, на улыбающихся аристократов, которые еще вчера готовы были перегрызть друг другу глотки, я видел лишь огромный костер, который вот-вот вспыхнет снова. Темные улыбались слишком хищно, светлые — слишком натянуто. И те, и другие ждали момента, когда маски окончательно прирастут к лицам или будут сорваны.

И над всем этим лицемерием, вдоль стен, стояли они. Тени. Живые трофеи той войны с потухшими глазами. Они замерли, как предметы интерьера, не имея прав ни на желание, ни на протест. Глядя на них, я чувствовал, как внутри меня

провокачивается раскаленный нож.

— Ты сегодня удивительно молчалив, дорогой, — пропела Алесса, прижимаясь ближе. Её духи пахли приторной лилией, и этот запах душил меня, вытесняя из памяти аромат, который остался на моей коже после прощания с Тори. — Твой отец сказал, что ты наконец избавился от той строптивой Тени. Разумное решение. Для коронации тебе нужно чистое имя, а не слухи о порочных связях.

Я не даже не собирался отвечать ей что-то. Где-то на периферии сознания, сквозь гул толпы и собственную внутреннюю глухоту, я уловил, как тяжело грохнули створки центральных дверей. До меня долетел лишь раскатистый, вибрирующий крик герольда — я услышал его вполуха, едва различая напыщенные титулы, и зафиксировал лишь само имя: «...*Императрица Амредия!*»

Зал колыхнулся, у напыщенных светлых лордов перехватило дыхание, но я даже не повернул головы на вошедшую правительницу Тенебриса. Сегодня мне было плевать на политику. До тех пор, пока прямо за моей спиной не раздался ядовитый, взбудораженный шёпот придворных дам, заставивший меня мгновенно подобраться.

— Посмотрите на это, — зашелестели аристократки, поспешно прикрываясь веерами. — Какая безвкусица... Привозить с собой Личную Тень на международный прием — это настоящий политический скандал. Темные совсем не знают границ приличия.

— Разве вы не узнали его? — потрясенно подала голос баронесса, увешанная тяжелыми изумрудами. — Боги, это же Валериан! Бывший герцог Астер...

У меня перехватило горло, а пальцы на ножке бокала мгновенно онемели. Валериан. Старший брат моей матери, отрекшийся от титула в мою пользу... Отрекшийся от всего: от имени, семьи, родины и самой магии светлых.

— ...стал Тенью, чтобы просто дышать с этой Амредией одним воздухом, — продолжала со вкусом шептать баронесса. — Позор рода и всей Империи Айвари. Превратиться в безвольного раба у ног темной девки...

Я медленно перевёл взгляд на процессию.

Валериан. Мой дядя. Тот, чье имя было каленым железом выжжено из семейных хроник. Но я узнал его мгновенно по фамильным чертам, перешедшим ко мне от матери: те же густые темные волосы, та же упрямая линия челюсти и те же глубокие темно-синие глаза, что и у меня. Он шел на шаг позади Императрицы, безмолвный и опасный. Но в его взгляде, направленном на владычицу Тенебриса, не было рабской покорности. Там было нечто куда более пугающее для нашей чопорной знати — абсолютное, выжигающее обожание.

— Я слышала, это Резонанс, — ядовито щебетала другая сплетница, пододвигаясь ближе к подругам. — И врагу такого не пожелаешь. Настоящее проклятие крови. Темные ведь такие... первобытные. Как они вообще определяют, от кого вынашивать наследников, если у них нет ни священных

единений, ни брачных контрактов? Только фавориты, дикая страсть и...

Я снова едва заметно вздрогнул. На долю секунды реальность поплыла перед глазами. Я поймал себя на том, что инстинктивно ищу взглядом опору — ту самую невысокую фигуру в строгом платье, которая обычно стояла за моим правым плечом. На мгновение я представил, что рядом со мной сейчас Тори. Что я просто обернусь и увижу её спокойное лицо, иронично приподнятую бровь и ту молчаливую, непоколебимую поддержку, которая дала бы мне силы дышать посреди этого золоченого цирка.

Но вместо этого я наткнулся на холодный, осуждающий взгляд своей невесты. Алесса сильнее сжала мой локоть. Её пальцы впились в жесткую ткань мундира с такой яростью, будто она пыталась продавить сукно и оставить несмываемый след прямо на моей коже, грубо напоминая о моей роли в этом блестящем спектакле.

«Резонанс...» — это слово пульсировало в висках тяжелыми ударами боевого молота. Магистры Айвари всегда учили нас, что ментальная связь между светлым и темным — это противоестественный капкан и пожизненный приговор. Ловушка, в которой светлый обречен выгорать дотла, завися от каждого вздоха своей половины, пока темная сторона остается абсолютно глуха к тонким вибрациям чужой души из-за хаотичного шума собственной магии. Отец годами вбивал в меня, что это безумие и позорный дефект крови, заставляю-

щий благородных эйров гореть в одиночку ради чужого физического влечения.

И сейчас, глядя на Валериана, я видел этот приговор в действии. Мой дядя выбрал свой личный ад добровольно, шагая за лирой, которая, по всем законам нашего мира, никогда не сможет ответить ему тем же. А я... я уже летел в точно такую же пропасть. Тори была моим Резонансом. Больше я не мог этого отрицать. И когда отец в кабинете ледяным тоном напомнил, как быстро и безжалостно совет избавляется от «неисправных» Теней, во мне не осталось страха за карьеру или верности долгу. Все годы тренировок и кастового воспитания осыпались сухим пеплом перед одной-единственной первобытной мыслью: я уничтожу любого, кто попытается к ней прикоснуться.

Она была чертовски права там, в покоях, глядя на меня с этой своей невыносимой, кристальной ясностью. Я добровольно не свободен. Мой ошейник не выкован из серебра и сапфиров, он сплетен из обязательств, титулов и вековой лжи. И я буду оставаться в этой клетке ровно до тех пор, пока это будет ценой её выживания. Я запер её, чтобы спасти, но в итоге лишь затянул мертвую петлю на собственной шее. Каждая минута, проведенная здесь под руку с Алессой, была моей платой за право Тори просто дышать. Пусть даже в запертой комнате, за магическим замком, который я сам закрыл, чувствуя себя последним подлецом.

Мои мысли прервал резкий, скрипучий голос, разреза-

ший душную атмосферу зала, как ржавый нож. В паре шагов от нас спорила группа высокопоставленных чиновников.

— Только из-за таких, как они, нам никогда не достичь Трактата, — раздраженно вещал старый Магистр в расшитой золотом мантии, косясь на свиту Императрицы Темных. — Если бы эти темные могли чувствовать Резонанс так, как воспринимаем его мы — системно, упорядоченно, как законный инструмент государственного контроля, а не как постыдную вспышку похоти...

— Да даже если бы чувствовали, Магистр, разве сама природа не отвела нас, светлых, от этой скверны иметь общих детей? — подхватила его спутница, но быстро осеклась под тяжелым взглядом чиновника. — Но только если ради Трактата... Говорят, «Отмеченных» раньше было больше, но они рождались пустыми. От таких избавлялись сразу, как только становилось ясно, что они не дадут магического результата.

Я почувствовал, как Алесса, до этого делавшая вид, что лениво разглядывает гостей, едва заметно вздрогнула. Её пальцы на моем локте на мгновение стали ледяными, потеряв все напускное тепло. Она бросила быстрый, вороватый, почти испуганный взгляд через весь зал — туда, где в окружении министров стоял мой отец. И в этом взгляде было нечто такое, что заставило моё сердце сжаться от нехорошего предчувствия.

Но я заставил себя отбросить эти мысли. Сейчас я просто не мог их переварить. Стены тронного зала, погребен-

ные под золотой лепниной и тяжелыми гобеленами, внезапно начали давить на меня, смыкаясь в удушающее кольцо. Я смотрел на эти безупречные, холеные лица, на весь этот «высший свет» Айвари, и видел лишь фарфоровые маски, под которыми копошились жирные черви страха и жажды власти. Воздух, пропитанный приторными лилиями Алессы и дорогими маслами темных, сделался невыносимо едким. Он застревал в горле, точно ядовитый дым на настоящем, бушующем пожарище.

Мне не хватало её. Не моей Тени, не объекта «Резонанса», а просто Ее. Моей Тори. Её колючих замечаний, которые вскрывали эту напыщенную ложь как скальпель. Её холодного, аналитического ума, рядом с которым вся эта магическая мишура казалась дешевой подделкой.

Я задыхался. Без её голоса, без этого едва уловимого запаха пыльных архивов и типографской краски, я сам становился одним из этих пустых сосудов, имитирующих жизнь ради сохранения титула. Каждая секунда здесь, под руку с эйрой, которая боялась собственного будущего, была предательством того, кем я стал рядом с Ней. Мне нужно было сорвать этот мундир, разбить проклятый бокал и бежать в западное крыло — туда, где за магическим замком скрыта единственная правда в моей жизни.

Я больше не мог здесь находиться. Игнорировать протокол, плевать на гнев Регента — пульс в ушах выбивал только одно имя.

Я уже собирался развернуться и уйти, чувствуя, что еще минута и я сорвусь, когда толпа впереди расступилась и передо мной появилась Она.

Императрица Темных. Амредия Великолепная. Владычица Тенебриса, чье имя само по себе служило неопровержимым доказательством её слепящей, хищной красоты. Её голову венчала изящная, острая корона из обсидиана, закрученная подобно драконьим когтям, а платье цвета ночного грозового неба едва держалось на честном слове и темной магии. Наряд был вызывающе открытым, бесстыдно обнажая взору изящную, пульсирующую вязь узоров на ключицах темной графитовой кожи.

Я видел Амредию вживую лишь однажды, двадцать один год назад, во время подписания пакта — я был тогда совсем ребенком, едва научившимся держать тренировочный клинок. Но она ничуть не изменилась. Время Тенебриса словно застыло вокруг неё, оставив её лицо безупречным, величественным и смертоносным.

И всё же, когда её серебряные глаза мазнули по мне, внутри заскребло странное, неуместное до дрожи ощущение дежавю. Что-то в жестком развороте её плеч, в идеальной, почти хищной линии подбородка и в том, как кристально-холодно её взгляд препарировал толпу... показалось мне до безумия, до боли знакомым.

Я мысленно выругался, списывая это на собственные помутившиеся от стресса нервы. Я настолько заиклился на

Тори, настолько отчаянно тосковал по ней и искал её фигуру за своим плечом, что мой воспаленный мозг уже начал проецировать черты безродной девчонки-Тени на саму Императрицу Темных. Дикое, абсурдное святотатство. Я заставил себя моргнуть, силой выжигая это наваждение из головы.

Рядом с Амредией неподвижной, мрачной скалой стоял Валериан. Его взгляд на миг пересекся с моим, и я увидел в этих темно-синих глазах... кажется, проблеск вины? Немой извиняющийся вызов за то, что двадцать один год назад он сбросил бремя рода, оставив этот проклятый титул и это удушающее обязательство мне. По крайней мере мне хотелось так думать.

— Герцог Астер, — голос Императрицы был подобен глотку крепкого, согревающего вина, от которого кружится голова.

Неудивительно, что она узнала меня с первого взгляда, и дело было вовсе не в родовых цветах Астеров на моем парадном мундире. Я безумно, до пугающего сходства походил на эйра, что стоял сейчас прямо за её плечом.

— Валериан, погляди, — Амредия хищно улыбнулась, едва заметно, дразняще облизав пухлые губы. — Словно ты сам двадцать лет назад...

Я перевел взгляд на дядю, которого видел впервые в своей взрослой жизни. В моих детских воспоминаниях, оборвавшихся до гибели прежнего Императора, Валериан был совсем другим. Я помнил, как он весело хвалил меня за пер-

вые успехи на тренировочном плацу, дарил игрушки и всегда смотрел на меня с теплой, гордой искринкой в глазах. Сейчас, двадцать один год спустя, он почти не изменился внешне — лишь у глаз залегли тонкие морщины. Но его взгляд... В нем больше не было той прежней легкой свободы. Он был привязан к своей Императрице невидимой, но абсолютной ментальной цепью.

— Да... определенно похож, — Амредия снова привлекла мое внимание, неторопливо осматривая меня с головы до ног, словно оценивала редкое оружие или дорогую породистую диковинку. — Кажется, вы куда-то собирались?

Она полностью, с абсолютным императорским безразличием игнорировала Алессу. Моя невеста рядом со мной ощутимо задеревенела, её дыхание перехватило от унижения, но я не беспокоился о ее чувствах. Все мои мысли были заняты поиском тактического выхода, я пытался считать по лицу Валериана хоть какую-то подсказку, но Амредия не дала мне времени на размышления. Уголки её губ приподнялись в опасной, интригующей улыбке, обнажая аккуратные белые клыки. И снова это чувства дежавю.

— Впрочем... Вы не можете уйти, не подарив мне танец. По залу прошел судорожный вздох. Я не успел ответить, как плотная толпа за спиной Амредии расступилась, и к нам подошел мой отец.

Лицо Регента превратилось в непроницаемую, смертельно опасную маску. Он подошел вплотную, но даже не взглянул

на Валериана. Отец вел себя так, словно на месте родного брата его почившей жены была абсолютная пустота. Просто серое, безликое пятно на дорогом императорском мраморе.

— Ваше Величество, — ледяным, режущим тоном произнес Регент, и этот голос заставил Алессу рядом со мной мелко задрожать. — Мой сын сегодня полностью занят своей невестой. А присутствие... некоторых лиц в этом зале оскорбляет священную память рода Астер.

Императрица тонко, предвкушающе улыбнулась. Уголки её губ разошлись, на мгновение снова обнажив острые, безупречно белые клыки. В Айвари демонстрация клыков считалась верхом варварства и неприличия. Светлые веками тщательно скрывали или спиливали их, стыдясь своей истинной, хищной природы эйров. Но Амредия, как и все темные, носила их как корону, гордо и вызывающе.

Не глядя назад, она плавно протянула руку и уверенно взяла Валериана за локоть, притягивая его к себе. Разница в их росте была колоссальной: Императрица была совсем маленькой, изящной, и даже высокая обсидиановая корона не могла скрыть этого контраста рядом с мощной, широкой фигурой моего дяди. Амредия всем телом вызывающе прильнула к своей Тени. Её тонкие пальцы нежно, собственнически скользнули вверх по его волевой скуле, опустились к шее и очертили рабский ошейник, на котором ярко поблескивал лунный камень с яркой монограммой буквы «А». И вопреки показательности, театральности этого жеста, я отчетливо

увидел, как Валериан... едва заметно расслабился под её ладонью, покорно склоняя голову.

— Оскорбляет? — переспросила она, порочно закусив нижнюю губу.

В ту же секунду воздух в тронном зале внезапно сгустился, сделавшись плотным и горячим. Амредия беззастенчиво выпустила наружу шлейф своей магии — откровенной, дурманящей волны чистого Тенебриса, бьющей прямо по подавленным животным инстинктам. Зал Айвари буквально затопило удушливое, концентрированное возбуждение. Те самые молодые графы у фуршетных столов, что недавно лицемерно спорили на золото о «дикарках», теперь хрипло, шумно дышали, их взгляды затуманились дикой, голодной похотью, а пальцы судорожно сжимали ножки бокалов. Чары Императрицы срывали с них маски приличия, обнажая их настоящую суть.

Амредия посмотрела на моего отца. Регент стоял неподвижно, как каменное изваяние, но по его бледным, холеным скулам разлился едва заметный, багровый румянец — то ли от бешеного, едва сдерживаемого гнева, то ли от ядовитого, будоражающего кровь влияния её магии.

— Странно, — протянула Амредия, и её голос зазвучал тише, но услышал его каждый. — А мне казалось, верность — это добродетель, которую вы, светлые, цените превыше всего. Валериан верен мне больше, чем любой из ваших лордов своему долгу и государственным контрактам.

С последним словом удушливый, раскаленный морок, затопивший зал, исчез без следа. Амредия отозвала свою магию так же легко и небрежно, словно стряхнула невидимую пылинку с плеча. Внезапно освобожденный тронный зал судорожно, шумно выдохнул. Лорды спешно отводили затуманенные взгляды, лихорадочно поправляли накрахмаленные воротнички мундиров и хватали бокалы с водой, пытаясь скрыть выступивший на лбах пот. Запинающийся оркестр испуганно поймал прежний ритм, музыка взвилась к потолку, и придворные пары поспешили вернуться на паркет — не из любви к искусству, а из отчаянного желания заглушить музыкой и танцем свой минутный позор.

Императрица снова повернулась ко мне, демонстративно вычеркивая Регента из поля своего зрения. Она изящно протянула руку в темной, полупрозрачной перчатке, сквозь которую угадывался острые коготки, и властно забрала бокал из моих пальцев.

Медленно пригубив напиток, Амредия облизнула губы. А затем, даже не удостоив его взглядом, отвела руку в сторону Валериана и небрежно разжала пальцы.

Звона разбитого хрусталя не последовало. Валериан перехватил бокал в воздухе, даже не наклонившись — с пугающей, выдрессированной точностью идеальной Тени, словно заранее знал каждое движение своей госпожи.

— Идемте, герцог, — произнесла она, перехватывая мое запястье. — Оставьте этих скучных, безжизненных эйров об-

суждать чистоту крови.

Она буквально утянула меня в круг танцующих, пресекая любые возражения моего отца или, к моему искреннему удивлению, абсолютно молчаливой Алессы одним лишь коротким, предупреждающим движением брови. Моя невеста, всегда боровшаяся за статус и приличия, сейчас стояла бледная и застывшая, словно лишившись дара речи.

Музыка над нашими головами мгновенно сменилась, повинуясь её немоу приказу. Оркестр заиграл тягучий, почти гипнотический ритм темных окраин Тенебриса. В нём не было выверенной, мертвенной торжественности нашего имперского гимна, только глухая пульсация горячей крови и первобытная неизбежность.

Когда мы закружились в танце, Императрица прижалась ко мне теснее, чем позволяли самые вольные рамки приличий даже для её раскованного народа. Её взгляд завораживал. В серебристой, искрящейся радужке Амредии мелькало что-то пугающе, до дрожи знакомое. Что-то, что заставляло моё сердце пропускать удары, болезненно напоминая о тех моментах, когда Тори смотрела на меня с такой же раздевающей, кристальной прямоотой. Но этот призрачный образ тут же ускользал, безжалостно перебиваемый обжигающей близостью реальной правительницы, тяжелым запахом горького шоколада, исходящим от её кожи. Она пахла опасностью. Настоящей ночью.

Её ладонь медленно, почти лениво скользнула по моему

плечу вверх, едва касаясь шеи, и замерла у самого жесткого воротника мундира. Намек был прозрачен до звона — одно её движение, и этот воротник расстегнется. Но в моей голове, точно заезженная пластинка, крутился совершенно другой образ: Тори, сидящая в запертой комнате. Её тонкие пальцы, привычно накручивающие прядь серебряных волос, она всегда так делала, когда глубоко задумывалась. И глухая, мертвая тишина, которую я сам ей навязал, повернув ключ в замке.

— Вы кажетесь напряженным, младший Астер, — тихо произнесла Императрица.

Из-за её миниатюрного роста обсидиановые зубцы короны Амредии едва доставали мне до плеча — я полностью унаследовал высокую, мощную статью своего рода. Но в этой маленькой лире было столько хищной, подавляющей уверенности, что разница в габаритах казалась иллюзией. Амредия беззастенчиво скользнула ладонью выше по моему плечу и властно потянула за жесткий воротник мундира вниз, вынуждая меня склониться к ней. Её горячее дыхание опалило мне мочку уха:

— Неужели светлое воспитание так сильно сковывает ваши движения? Или дело в том, что ваше сердце сейчас находится вовсе не здесь, а в нескольких стенах отсюда... под тяжелым магическим замком?

Я сбился с шага всего на долю секунды, едва не наступив на подол её грозового платья, но этого было достаточно.

Амредия заметила мою минутную слабость. Позволив мне выпрямиться, она запрокинула голову и звонко, торжествуяще рассмеялась, глядя на меня снизу вверх своими искрящимися серебряными глазами.

— О, не делайте такое лицо, герцог. До моих земель тоже доходят слухи о ваших... специфических вкусах. Говорят, наследник дома Астеров завел Личную Тень. Нарушил негласное табу своего рода ради... игрушки? Ведь эйры вашей семьи веками брезговали подобной слабостью, считая её уделом слабаков. Поверьте, я заинтригована. Что же в ней такого, что заставило самого Ледяного Герцога рискнуть безупречной репутацией?

Она скользнула еще ближе, почти невесомо приподнявшись на носках. Зубцы её обсидиановой короны едва не задели мой висок, когда она понизила голос до вкрадчивого, ядовитого шепота:

— А ведь я могла бы предложить вам гораздо больше, герцог. Мир, в котором не нужно запираить то, что по-настоящему ценишь.

Я бросил короткий взгляд через её обнаженное плечо. Там, у колонн, мой отец негромко разговаривал с Алессой, полностью, демонстративно игнорируя стоящего рядом Валериана. Со стороны это казалось ничем не примечательной, мирной светской беседой, почти несуществующей, но я слишком хорошо знал Регента. Я видел, как побелели костяшки его пальцев, до хруста сжимающих хрустальный бо-

кал. Отец был в бешенстве. Мой дядя выглядел спокойным, как скала, но его взгляд был неотрывно прикован к нашей паре. Он сощуренно смотрел на мою руку, лежащую на талии Императрицы, и в этом взгляде была такая концентрация предупреждения, что у меня похолодели пальцы.

— Валериан слишком ревнив для Тени, не находите? Но он знает цену свободы. А вы, младший Астер? Готовы ли вы заплатить её? Моя постель — это не просто удовольствие. Это убежище, которое вам обоим скоро может понадобиться. Поверьте, я куда интереснее любой «личной игрушки», которую вы прячете в западном крыле.

Она знает о Тори.

Внутри всё оборвалось. Музыка перестала существовать, остался лишь четкий, глухой ритм в моей груди: бум... бум... бум...

Я видел, как расплывается улыбка Амредии — она словно читала мои мысли. Она слегка подтолкнула меня, побуждая продолжить танец, а я даже не заметил, что остановился. Посреди зала, на виду у всех, чувствуя, как сотни взглядов впииваются в спину, словно иглы. Тонкие шепотки вокруг мгновенно стали громче: высший свет Айвари уже со вкусом перемывал кости последнему из Астеров. Мало того, что обзавелся Личной Тенью, так еще и кружит в танце Императрицу Тенебриса на глазах у Регента и невесты.

— Благодарю за танец, Ваше Величество, — отчеканил я, когда последние аккорды стихли.

Я отстранился настолько резко и холодно, насколько позволял этикет. Выпрямился, возвращая себе привычную, каменную маску Ледяного Герцога. Внутри всё скрутило от желания немедленно бежать в западное крыло, убедиться, что моя Тори в безопасности.

— Боюсь, мои вкусы куда специфичнее, чем вы думаете, — добавил я, глядя ей прямо в глаза. — И они не продаются. Ни за власть, ни за ваше убежище.

Амредия склонила голову набок. Обсидиановые когти её короны поймали блик люстр, а на губах заиграла опасная улыбка, в которой блеснули клыки. Она медленно провела по ним языком.

— Вкусы, возможно, — тихо обронила она. — Но жизнь? Мы еще вернемся к этому разговору, герцог.

Я отвесил короткий, официальный поклон и, не оглядываясь ни на разъяренного отца, ни на онемевшую Алессу, размашистым шагом направился прочь из душного зала. Мне нужно было выйти. Мне жизненно необходимо было глотнуть холодного воздуха и лично убедиться, что магический замок всё еще на месте. И что она — моя личная погибель — всё еще там, в нашей золотой клетке.

У самого выхода я наткнулся на Адриана. Будущий Император выглядел потерянным, почти раздавленным тяжестью будущей короны. Его взгляд лихорадочно блуждал по залу, будто он выискивал в толпе кого-то, кого здесь быть не могло — призрака или чудо. Но стоило мне подойти, как он ко-

ротким, отсутствующим жестом отпустил меня, даже не пытаясь задержать. Для него в этот момент я был лишь частью бездушной декорации, еще одним идеальным аристократом в золоченой клетке Айвари.

Я почти бежал по бесконечным лестницам, на ходу срывая удушающий парадный галстук, который казался мне затянутой мёртвой петлей. Магический ключ Астеров отозвался на мою кровь мгновенно, с певучим звоном признавая хозяина.

Я ворвался в покои. Тори сидела на полу у самого окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. В бледном лунном свете, заливавшем комнату, она казалась хрупкой, почти прозрачной и пугающе далекой, словно уже наполовину вернулась мыслями в свой далекий, недостижимый мир из стекла и бетона.

— Тори... — хрипло выдохнул я, закрывая дверь. Силы, которые я тратил на поддержание ледяной маски внизу, окончательно покинули меня.

Она не обернулась. Её силуэт оставался неподвижным, лишь плечи едва заметно вздрогнули.

— Вы вернулись рано, Ваша Светлость, — тихо произнесла она. В её голосе не было ярости, только выжженная пустыня разочарования. Она была разочарована во мне, в моей трусости, в том, что я предпочел клетку открытому диалогу. — Праздник еще в самом разгаре. Я слышу музыку даже здесь.

Я обернулся и запер дверь на магический замок, корот-

ким импульсом отрезая нас от всего остального мира. Здесь и сейчас больше не существовало ни Регента, ни императрицы, никого. Только мы.

Я подошел к ней и опустился на колени за её спиной, не до конца решаясь коснуться. Она была холодна и физически, и эмоционально. Я чувствовал это через наш резонанс так ярко, что во рту появился отчетливый привкус горечи. Несмотря на то, что связь была односторонней, несмотря на то что мы не закрепили её ритуалом, моя душа уже намертво настроилась на её частоту. И сейчас эта частота звенела обидой и глухим отчуждением.

— Мне плевать на праздник, — сказал я, и мой голос сорвался. — Я стоял там, в окружении сотен придворных, и понимал, что каждая секунда без тебя — это гвоздь, вбитый в мою ладонь. Я видел Императрицу Темных. И видел своего дядю.

Тори резко обернулась. Её серебряные глаза, привыкшие к темноте, вспыхнули живым любопытством, которое на миг пересилило обиду. Она никогда прежде не слышала от меня о родственниках, кроме отца и того короткого, болезненного рассказа о моей матери, погибшей пятнадцать лет назад. О существовании других Астеров в моей жизни не напоминало ничего.

— Валериан Астер. Его имя вычеркнули из всех архивов двадцать один год назад, — ответил я на ее немой вопрос и горько усмехнулся, глядя в окно на далёкие огни дворца. —

Он был лучшим из нас. Но он встретил лиру. И когда магия признала в ней его Резонанс — ту единственную связь, что случается с нами так редко, но связывает души неразрывно, — он не стал выбирать между долгом и ею. Он выбрал её. Бросил титул, земли, честь рода. Он стал её Тенью. Добровольно. Сегодня я видел их вместе. И я наконец понял, почему он это сделал.

— Я... я не понимаю, — она нахмурилась, вглядываясь в моё лицо. — Что такое Резонанс? И почему из-за него нужно отказываться от всего?

Я осторожно взял её руки в свои и сжал ладони, пытаюсь передать ей всё то тепло, которого лишился сам в ледяных залах приёма.

— Резонанс — это... это как Эйи для древних драконов. Половинки одной души. Мы, светлые, пользуемся потоками магии мира, и у нас есть эта пугающая возможность найти своё истинное созвучие. Это самое желанное и самое страшное, что может случиться со светлым...

— Я всё еще не понимаю... — прошептала она, и её дыхание коснулось моей щеки.

— Резонанс — это не просто совместимость, Тори. Это абсолютная, фатальная связь. Когда ты находишь свою часть души, твоя магия, твоя жизнь, само твоё дыхание настраиваются на неё. Это случается крайне редко, но такие пары становятся сильнейшими. Для нашей Империи, построенной на холодном расчёте и договорных браках, такая связь угро-

за Порядку. Резонирующие пары больше не могут существовать друг без друга. Это делает нас уязвимыми... но это же делает нас по-настоящему живыми.

Я горько усмехнулся, вспоминая застывшие, словно помертвевшие маски, лица аристократов в зале.

— Считается, что это благословение богов. Но темные... они другие. Их магия построена не на потоках, а на эмоциях. Но природа лишила их способности чувствовать Резонанс, потому что они живут страстью, мимолётными связями, фаворитами. Для них нет понятия «один на всю жизнь». Но по злой шутке судьбы светлые порой находят этот отклик именно в темных. В этом главная ирония нашего мира. Мы боимся этой связи как проклятия, а они даже не знают, что это такое. Они не могут ответить тем же.

Тори подалась ближе, её глаза лихорадочно блестели в лунном свете, отражая мои собственные.

— Валериан нашел свой Резонанс в лире, которая по определению не могла ему ответить. В темной Императрице. Он почувствовал то, что она никогда не почувствует. Но он не стал бороться. Он добровольно стал её Тенью, потому что иначе Резонанс просто уничтожил бы его вдали от неё. Он предпочел быть рабом рядом, чем господином на расстоянии. Сегодня, глядя на него, я не чувствовал презрения, которое мне внушал отец. Только зависть.

Я замолчал на мгновение, собираясь с силами для прыжка в бездну.

— Потому что я чувствую то же самое, Виктория. Мой Резонанс — это ты. Наша Империя назовет это ошибкой, мой отец проклятием рода. Но я больше не могу лгать. Ты единственная частота, на которой моё сердце вообще подает признаки жизни.

Я прижался лбом к её плечу, чувствуя, как меня начинает бить крупная дрожь, запоздалая реакция на магическое истощение и тот животный страх, который я испытывал на балу. Я буквально утонул в её объятиях, уткнувшись носом в изгиб шеи, впитывая её запах, её жизнь.

— Я выбрал твою жизнь, заперев тебя здесь. Думал, безопасность важнее свободы. Но я ошибся. Без тебя я просто пустая оболочка. Даже если ты никогда не сможешь ответить мне тем же... если я навсегда останусь для тебя лишь тем, кто купил тебя там, в трактире... мне плевать. Моего Резонанса хватит на нас обоих. Только не уходи от меня, Тори. Пожалуйста.

Я поднял голову, глядя ей в глаза, и в этой бесконечной глубине больше не было места для герцога Астера. Остался только Маркус.

— Я выбираю тебя, — выдохнул я, и эти слова, казалось, выжгли остатки кислорода в моих легких. — Как это сделал Валериан. Даже если я потеряю всё. Даже если завтра весь этот проклятый замок рухнет на мою голову. Больше никакой лжи. Никаких клеток. Если нам суждено сгореть в этом пламени, мы сгорим вместе. Но сегодня... просто будь

со мной. Не как моя Тень. Как моя Эйя.

В этой густой полутьме, разбавленной лишь призрачным серебряным сиянием луны, больше не существовало ни светлых, ни темных. Исчезли рабские ошейники, фальшивые брачные контракты и незыблемые правила великих домов Айвари. Была только Она. Моё окончательное, осознанное падение и моё единственное спасение.

Этой ночью удушающие стены дворца для меня перестали существовать. Теперь я до последней капли крови, каждой измученной клеткой своего существа осознал решение дяди Валериана. Даже если этот безумный Резонанс навсегда останется односторонним, того, что я чувствовал к ней, было больше, чем достаточно. Это сокрушительное чувство стояло выше политики, выше законов каст и было важнее самой жизни.

Я крепко прижал её к себе, вновь утыкаясь лицом в изгиб шеи, жадно вдыхая её запах и впервые за долгие, беспросветные годы почувствовал, что я наконец-то дома. Если она простит меня, если примет мою слабость и мою силу... моей любви с лихвой хватит на нас двоих. А завтра... завтра пусть наступает хоть конец света. Но сегодня... сегодня будет существовать только для нас.

Всё замерло. Время словно замедлило свой ход. Моя судьба теперь целиком лежала в её хрупких руках, в её тихом ответе, в её решении принять это прекрасное безумие или окончательно, навсегда оттолкнуть меня.

Лунный свет прочертил ровную серебряную дорогу по полу, замирая на её безупречных ключицах. Я поднял голову, чтобы посмотреть на нее. На её графитовой коже этот свет казался почти жидким, переливаясь подобно полированному обсидиану. В этой игре света и тени мне на миг почудилось пугающее эхо, точно такие же изящные линии я видел сегодня у Императрицы, только там они были покрыты вязью серебряных узоров. Но наваждение исчезло, оставив лишь осязаемую, тяжелую тишину, плотную, как ледяная вода в глубоком колодце.

Прямо сейчас я ждал её слов, как осужденный на эшафоте ждет приговора или внезапного помилования. Мой Резонанс бешено, оглушительно гудел в венах, откликаясь на её пугающую близость, и в этом гуле я почти не слышал собственного пульса. Сейчас, когда все маски были сорваны, каждое её мимолетное движение казалось мне высшим откровением.

Тори медленно, несмело подняла руку и коснулась пальцами моей щеки. Её ладонь всё еще была прохладной, но этот короткий, нежный жест стоил тысячи самых священных клятв Айвари.

— Ты сумасшедший, Маркус Астер, — едва слышно прошептала она, прежде чем податься вперед и стереть последние крохи расстояния между нами.

Глава 11. Звезды на твоей коже.

Тори

Магический замок Астеров за моей спиной запел свою тихую, ледяную песню, закрывая покои в коконе тишины, но эта тишина не приносила покоя, она была натянута до предела, как струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Я знала, что это был Он. Я слышала его шаги еще до того, как ключ провернулся в скважине. Весь вечер я сидела на холодном полу, прижавшись лбом к стеклу, и пыталась унять странную, болезненную пульсацию в теле. Но когда Маркус ворвался в комнату, эта пульсация превратилась в шторм. Я чувствовала его присутствие кожей: его ярость, его смятение и ту невыносимую, почти физическую потребность, которая гнала его ко мне через весь замок. Он дышал тяжело, срывая с себя парадный галстук, словно тот душил его, и в этом жесте было столько надлома, что мой привычный холод дал трещину.

Он заговорил, и каждое слово о Резонансе, о его дяде и о фатальной связи, которой нет места в его расчётливом мире, прошивало меня насквозь. Мой аналитический ум лихорадочно искал подвох, но его голос, сорванный от признания в собственной слабости, не оставлял сомнений. Он не просто предлагал мне защиту, он предлагал свою жизнь в обмен

на мое присутствие. Маркус Астер, воплощенная гордость Империи, добровольно шагнул в пропасть, подписывая себе смертный приговор, лишь бы перестать быть «пустой оболочкой».

Я смотрела на него снизу вверх — на этого могущественного эйра, который сейчас был разбит вдребезги у моих ног. Его честность была обезоруживающей. Он не просил прощения, он просто выворачивал душу наизнанку, признавая свою слабость и свою любовь. Каждое его слово о потере титула и о выборе, который он сделал здесь и сейчас, падало в меня тяжелым грузом.

И именно в этот момент мой страх исчез. На его месте поднялась горячая, пульсирующая волна. Я поняла: если завтра нам суждено погибнуть, я хочу знать, что хотя бы одну ночь мы принадлежали друг другу по-настоящему. Без титулов, без ошейников, без лжи.

— Ты сумасшедший, Маркус Астер, — прошептала я, прежде чем окончательно стереть последние крохи расстояния между нами, взяв его лицо в свои руки.

Его кожа обжигала. Он весь был сплошным очагом лихорадки — магической, эмоциональной, человеческой. Я смотрела на него, и мой мозг привычно пытался выстроить железную логику. Но логика буксовала. В уравнении появилось новое слово.

Резонанс.

Для меня, человека из мира цифр и четких структур, это

слово казалось лишь красивой метафорой, сказкой, придуманной, чтобы оправдать чужое безумие. Но, глядя в его темно-синие глаза, в которых сейчас плескалась целая вселенная боли и невыносимой надежды, я поняла: для него это не сказка. Это физическая боль. Это его единственная, неоспоримая истина.

Я чувствовала, как под моими пальцами дрожит его челюсть. Великий «Ледяной Герцог» Айвари только что добровольно сложил оружие у моих ног. Я перехватила его взгляд, полный такой пронзительной тоски, что у меня перехватило дыхание, и заставила его смотреть только на меня.

— Ты понимаешь, что ты предлагаешь? — мой голос был едва слышен в этой вязкой лунной тишине, окутавшей покой. — Если мы сделаем этот шаг... пути назад не будет. Ты станешь моим, Маркус. Окончательно и бесповоротно. Ты готов к этому?

Он не ответил сразу. Вместо этого он слегка повернул голову, утыкаясь горячими губами в мою ладонь. Этот жест был почти болезненно нежным, полным капитуляции, которой я от него не ожидала.

— Я выбираю тебя, — уверенно повторил он мне в ладонь, и его дыхание обожгло мою кожу, словно клеймо. — Сегодня, завтра, во всех мирах. Я твой. Навсегда.

Он наклонялся ближе медленно, давая мне возможность сказать «нет», возможность отступить в безопасность привычной логики. Но внутри меня что-то тронулось с места

— древний, ржавый механизм, который пришел в движение спустя годы забвения. Страх? Возможно. Но под ним клубилось нечто более глубокое, первобытное. Я никогда не верила в предопределенность, но, когда его губы коснулись моих, сначала робко, почти вопрошающе, а затем с той самой отчаянной жадой, о которой он говорил, реальность за пределами этих покоев просто перестала существовать.

Исчезли стены дворца, исчезли интриги Империи, растворилась в небытии Алесса с её ненавистным взглядом.

Был только Маркус. И это странное, пугающее тепло, которое хлынуло в меня, заполняя ту пустоту, которая была во мне годами. Его поцелуй был жгучим, глубоким, лишаящим воздуха. Он целовал меня так, словно хотел стереть границы между нашими телами, впитать мою боль и отдать свою силу. Мои пальцы непроизвольно впились в его плечи, комкая дорогой мундир.

На мгновение мир накренился. Он резко отстранился, и губы разомкнулись с влажным, почти болезненным звуком, оставив нас обоих тяжело дышать в разреженном воздухе комнаты.

Я непроизвольно застонала, чувствуя, как холод покоев мгновенно ворвался в образовавшуюся брешь. Мое тело, еще хранившее вкус его губ, предательски потянулось к нему, требуя продолжения. Но Маркус, тяжело опираясь руками о пол по обе стороны от меня, с титаническим усилием заставил себя замереть. Его глаза, потемневшие до цвета

грозового неба, горели нескрываемым голодом, но в них билась и мучительная сдержанность.

— Нет, — прохрипел он, и этот отказ прозвучал как стон. Он прижался своим лбом к моему, тяжело сглатывая. — Если я коснусь тебя сейчас по-настоящему, Тори... я не смогу остановиться. Я обещал тебе убежище, а не новую клетку из моих желаний.

Я лишь покачала головой, отбрасывая его доводы, и зарылась пальцами в его волосы, заставляя снова склониться ко мне, и мы утонули в новом, яростном поцелуе.

— Тори... — почти скуля, произнес он в мои губы, тщетно стараясь погасить пожар, который сам же и зажег. — Я не смогу... не смогу остановиться.

— Мне плевать, — выдохнула я, почти не размыкая губ.

— Но...

— Ты забыл, что я не маленькая девочка, Маркус, — отрезала я, глядя прямо в его потемневшие, полные смеси желания и боли глаза. — Я знаю, чего хочу. И я хочу тебя. Я... я тоже выбираю тебя.

Он застыл. Лишь на мгновение — секунда, в которую мир вокруг нас замер в ожидании катастрофы. А затем его сдержанность рухнула, погребенная под лавиной его чувств.

Он подхватил меня с пола, даже не думая разрывать поцелуй, и в несколько шагов преодолел расстояние до огромной кровати. Маркус поставил меня на ноги, прижимаясь спиной к массивному резному столбу балдахина. Его руки действо-

вали лихорадочно, точно он боялся, что я исчезну, если он замешкается хоть на секунду.

Он отстранился всего на дюйм, но этого было достаточно, чтобы наши дыхания смешались, превращаясь в один рваный ритм. Осторожно, почти благоговейно, словно боясь сломать меня, он коснулся моих металлических наплечников. Щелчок — и тяжелый доспех с глухим, резким звоном ударился о пол.

Затем его пальцы скользнули к шнуровке моего платья. Каждый узел поддавался легко, под его настойчивыми, дрожащими от напряжения руками. Я не остановила его. В этом жесте не было похоти — только отчаянная, болезненная жажда сорвать последние покровы, разделявшие нас, добраться до той сути, что пряталась под слоями имперского этикета и чужой власти.

Когда ткань соскользнула с моих плеч, обнажая кожу лунному свету, Маркус замер.

— Я хочу видеть тебя... — прохрипел он, вглядываясь в меня. — Настоящую. Всю.

Он протянул руку и медленно расстегнул маскирующий браслет на моем запястье. Стоило ему упасть на ковер, как магия иллюзии развеялась. Маркус замер, его зрачки расширились. По моей темной коже — на ключицах, плечах и груди — рассыпались молочные пятна. Они больше не прятались. В лунном свете они мерцали и переливались, словно живые созвездия, пульсируя в такт моему бешеному сердцу.

— Что это?.. — прошептал он, благоговейно касаясь пальцами моих ключиц.

Я знала, что он видит. То, что я сама обнаружила лишь сегодня вечером, пока сидела здесь в одиночестве. Мои отметины пульсировали, откликаясь на его приближение через стены, через расстояние. Они сияли ярче всякий раз, когда его магия соприкасалась с моей.

— Кажется, твой Резонанс не такой уж и односторонний, Маркус, — произнесла я, чувствуя, как по телу проходит электрический разряд от его прикосновения.

Я не стала ждать. Сделала шаг навстречу, сокращая расстояние, и сама положила ладони на его плечи. Холодный металл его наплечников обжег пальцы, но жар, исходящий от его тела, был сильнее.

— Маркус... — выдохнула я, и помогая ему снять его одежды и его имя стало сигналом к атаке.

Я не стала ждать. Стянула с его плеч тяжелый мундир, срывая рубашку. Его тело было горячим, литым, покрытым испариной. Наша близость превратилась в атаку: я впилась ногтями в его плечи, а он подхватил меня под бедра, заставляя обхватить ногами его таз, и повалил на кровать.

Тяжелый балдахин скрыл нас от лунного света, погружая в бархатную тьму. Шелк простыней охлаждал спину, но мы горели. Его губы жадно блуждали по моей шее, спускаясь к груди, выцеловывая мерцающие островки вителиго, и от каждого касания его языка внутри меня все сжималось в невыносимый, сладкий узел. Я больше не могла думать. Я тонула в его запахе, в его силе, в этой дикой, первобытной жажде.

В полумраке я видела его лицо — оно было искажено наслаждением и мукой, и в этот миг я поняла: я больше никогда не смогу быть одна.

Маркус

Я больше не мог бороться. Весь этот бесконечный вечер на балу я медленно умирал, глядя на свою невесту, на фальшивые улыбки других эйр и лир, понимая одну-единственную истину: та, кто мне нужен больше самой жизни, заперта в этой комнате по моей вине.

И сейчас, когда мы лежали обнаженные в полумраке, я замер, нависая над ней, не в силах отвести взгляд. На её шее

всё еще сверкал сапфир — проклятое клеймо раба, холодное напоминание о том, как я её встретил. Но остальное... Я наконец видел её. Мою Тори. Мою Эйю.

По её темной коже, словно россыпь жемчуга на ночном бархате, были разбросаны те самые светлые отметки — следы звезд. Они пульсировали в такт её учатившемуся дыханию, перемигиваясь с лунным светом. Мне хотелось выцеловать каждое это созвездие, проследить губами каждый изгиб. Мой палец скользнул от её шеи вниз, по мерцающей линии между грудей, к плоскому животу. Тори судорожно выгнулась, издав тихий, сдавленный стон, и этот звук окончательно сжег остатки моего разума.

— Боги... — выдохнул я, накрывая её своим телом, прижимаясь к её горячей, влажной коже.

Я коснулся её губ, и земля ушла из-под ног. Но даже в этом безумии я нашел в себе силы отстраниться на долю секунды. Я должен был знать точно. Мои руки дрожали, когда я заглянул в её глаза, потемневшие от страсти.

— Тори... — мой голос сорвался в хрип. — Ты действительно этого хочешь? Скажи мне... сейчас. Потому что после этого мига я уже не смогу остановиться.

Вместо ответа она подалась навстречу, впиваясь пальцами в мои плечи и притягивая меня к себе с неистовой силой. Её бедра нетерпеливо скользнули вдоль моих, требуя немедленного ответа. В её взгляде была та же острая, режущая жажда. Она хотела этого до боли, до потери пульса.

Я прижался к ней, чувствуя, как дрожит от напряжения её тело, раздвинул её бедра коленями и, не в силах больше сдерживать напор, вошел в неё одним резким, уверенным движением.

Её влажное, горячее лоно обхватило меня так плотно, что у меня потемнело в глазах. Я вырвал из груди хриплый стон. Это не было похоже ни на что, что я знал прежде. Это было крушение плотины. Я двигался жадно, почти грубо, вколав себя в нее, стремясь заполнить ту ледяную пустоту, что выедала меня изнутри годами.

Она принимала каждый мой толчок с пугающей самоотдачей, ногти до крови царапали мне спину, она выгибалась навстречу, встречая меня с той же звериной яростью. Я физически ощущал, как между нами искрит магия: её сила, до сих пор таившаяся в глубине, хлынула навстречу моей, бурля и выжигая всё лишнее.

Наши тела сплелись в бешеном ритме, где мои глухие хрипы мешались с её высокими вскриками. С каждым ударом, с каждым трением влажной кожи о кожу, рушились барьеры. Я больше не был её хозяином, а она не была моей Тенью. Мы были двумя половинами одного целого, которые срастались заживо, ломая кости и выжигая души.

Наш Резонанс ударил в голову, как выдержанное вино. Каждое моё движение отдавалось в ней спазмом наслаждения, а её узкое, горячее тело сокращалось вокруг меня, заставляя мой внутренний лед плавиться и течь по венам жид-

ким огнем. Я входил в неё так глубоко, словно искал в ней спасение от самого себя.

В тот момент, когда наслаждение стало невыносимым, разрывая нас на части, мы достигли пика одновременно. Тори вскрикнула, запрокидывая голову, её тело судорожно сжалось вокруг меня в экстазе. Сапфир на её шее вспыхнул ослепительным индиго, заливая комнату призрачным светом. Это была не вспышка подчинения. Это был крик самой магии.

Я излился в нее с глухим рыком, чувствуя, как пульсирует каждая клеточка моего существа. Узел, что связал наши тела в это мгновение, намертво связал и наши судьбы.

Я рухнул на подушки, увлекая её за собой, и прижал к своей груди так крепко, словно боялся, что с рассветом она просто испарится. Мы тяжело, хрипло дышали, скованные потом и магией. Её сердце бешено билось в такт моему, и я знал: что бы ни случилось завтра, я больше никогда не буду прежним.

Тори

Когда буря утихла, я лежала, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Уткнувшись в его широкую грудь, я слушала, как бешено бьется его сердце, постепенно замедляя свой бег. Мое тело всё еще дрожало от остаточных волн того экстаза, который мы только что разделили.

Мы долго лежали в полной тишине, нарушаемой лишь нашим прерывистым дыханием. Маркус прижимал меня к себе

так крепко, словно боялся, что я растворюсь в лунном свете, если он ослабит хватку. Его пальцы медленно, почти невесомо скользили по моей спине, успокаивая, заземляя. В этой тишине не было неловкости — только оглушительное осознание того, что мир изменился навсегда.

Маркус приподнялся на локте, и я почувствовала его горячее дыхание на своей коже. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. А затем склонился и начал медленно, почти священнодействуя, выцеловывать каждое светлое пятно на моем теле.

Его губы коснулись «звезды» на моей шее, прямо над пульсирующим камнем ошейника, затем перешли к плечу, прослеживая каждый мерцающий контур. Он двигался ниже, к молочному узору на груди и животе, его поцелуи замирали на бедре, на лодыжке, и возвращались обратно вверх... От каждого прикосновения его губ по моей коже пробегали электрические разряды, заставляя затаить дыхание. Он вернулся к моей груди, которая в лунном сиянии казалась почти полностью залитой мягким светом из-за плотной россыпи пятен.

— Ты так прекрасна, Тори, — его голос был тихим, полным такого благоговения, от которого в горле вставал ком.

Я почувствовала тепло его дыхания, отчего пики груди снова мгновенно затвердели. Он тут же накрыл их губами, и я, не выдержав, тихо замурлыкала, зарываясь пальцами в его волосы.

— Я никогда не видел ничего более совершенного, — прошептал он, поднимая взгляд. — Это не просто Резонанс. Это ты. Настоящая. Моя.

Я потянула его на себя, целуя его припухшие от нашей страсти губы. Этой ночью звезд было больше на моей коже, чем на всем небосводе над Империей. И впервые за всю свою жизнь я не хотела, чтобы наступал рассвет.

Мы снова потерялись друг в друге в долгом, глубоком поцелуе. Я притягивала его к себе, словно жаждала стать с ним единым целым на клеточном уровне. И в этот момент я окончательно поняла всё, о чем он говорил. Это не была та поверхностная эмпатия, которую я ощущала раньше при встрече с инквизиторами или его отцом. Сейчас я чувствовала его эмоции как свои собственные. Он был прав. Это был Резонанс.

Когда мы вновь оторвались друг от друга, жадно вдыхая воздух, я кожей ощущала вихрь его чувств и бушующего желания. Я чувствовала, как он снова становится твердым, тесно прижимаясь к моей сердцевине, и этот внутренний отклик во мне был мгновенным, почти болезненным от остроты.

Я обняла его ногами, притягивая еще ближе, не оставляя между нами ни миллиметра пространства, а ладонями бережно обхватила его лицо. Он прижался губами к белому пятну на моем запястье, там, где раньше был маскировочный браслет, и медленно, со сдавленным стоном, снова проник

в меня.

Этот звук резонировал с моим собственным стоном, создавая единую вибрацию, от которой закладывало уши. Маркус уткнулся носом в изгиб моей шеи, продолжая медленно и глубоко двигаться во мне, словно стараясь запечатлеть этот ритм в самой вечности. Но вскоре эта плавная тягучесть сменилась нарастающим неистовством.

Его толчки становились всё более тяжелыми, частыми и рваными, словно мы оба пустились в отчаянную охоту за ускользающим пиком. Воздуха в легких катастрофически не хватало, а магия внутри нас закручивалась в тугой, раскаленный узел. Мы достигли предела одновременно: мир взорвался мириадами искр, и мы замерли в объятиях друг друга, содрогаясь от мощной, нескончаемой дрожи, которая, казалось, переписала наши души набело.

Когда последние вспышки удовольствия угасли, мы обессиленно повалились на бок, лицом друг к другу. Мы лежали на измятых, влажных простынях, тяжело дыша, не в силах разомкнуть объятия. Разгоряченные, окутанные терпким запахом нашей близости, мы смотрели друг на друга в полумраке — и вдруг, не сговариваясь, тихо захихикали: сбивчиво, почти неверяще, от чистого облегчения и безумия всего происходящего. В этот миг весь внешний мир просто перестал иметь значение.

Казалось, прошла вечность. Маркус перебирал мои волосы, касаясь костяшками пальцев моих щек, словно проверяя,

не мираж ли я. В его глазах, ещё подернутых дымкой недавней бури, читалось абсолютное, безоблачное счастье, и я была уверена, что в моих он видит его точное отражение.

Мы тихо дышали в унисон, делясь этим невероятным, хрупким покоем, и я чувствовала, как под его ладонью пульсируют мои «звезды», медленно угасая, словно засыпая до следующего раза. Мы изучали друг друга не как дети, постигшие первую любовь, а как путники, нашедшие оазис посреди выжженной пустыни: плечо к плечу, ладонь к ключице, запоминая каждую линию, каждое движение, словно пытались навсегда впечатать этот миг в свою память.

— Эти знаки... — он провел ладонью по моему плечу, где мерцали «звезды». — Мне плевать, на чей зов ты пришла. Я знаю всем сердцем, что ты отмечена небом для меня, Виктория. Это карта, которую звезды начертили на твоём теле, чтобы я никогда не заблудился. Каждое это пятно — обещание, что мы принадлежим друг другу. И никакой ошейник этого не изменит.

Он зарылся лицом в мои волосы, глубоко вдыхая наш общий, теперь уже неразделимый запах.

— Сегодня ночью я наконец стал свободен, — прошептал он, — потому что я выбрал тебя. И теперь пусть попробуют разлучить нас. Я стал свободным и хочу, чтобы была свободна ты. Чтобы ты стояла со мной рядом всегда. Равная мне.

Его рука скользнула по моему бедру вверх к шее. Я видела решимость в его глазах: когда его пальцы коснулись хо-

лодного камня, я поняла, что он готов разорвать магическую цепь прямо сейчас, официально объявляя меня своей Эйей.

Но в этот миг внутри меня, прямо под нахлынувшим счастьем, что-то екнуло. Дикий, иррациональный страх пронзил сознание. А вдруг эта невероятная связь, этот гул в венах — лишь побочный эффект магического контракта? Вдруг, если он снимет ошейник, эта магия испарится, оставив нас пустыми и чужими?

Я перехватила его руку, прижимая её к своей груди, прямо над неистово бьющимся сердцем.

— погоди, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза, заставляя его остановиться. — Вначале я хочу кое-что попробовать.

Меня накрыла лавина эмоций. Моя темная магия, обычно дисциплинированная, тихая и скрытая глубоко внутри, внезапно взревела, пробужденная его светом. Мы, темные, питаемся энергией страсти, и сейчас Маркус отдавал мне столько этой силы, что я задыхалась от её избытка. Мне казалось, этого стихийного потока хватит, чтобы осветить весь дворец... нет, всю столицу.

Я снова потянулась к его губам, буквально выпивая его поцелуй, и мягко отпустила силу, направляя её вовне. Магические лампы в покоях вспыхнули, заливая комнату мягким сиянием. Я хотела этого. Хотела видеть его сапфировые глаза, видеть, а не только чувствовать его желание.

Я слегка откинулась назад, позволяя себе роскошь про-

сто рассматривать его. Мои пальцы медленно скользили по его волосам, очерчивали линию лба, скул. Когда я коснулась кончиков его ушей, они едва заметно дернулись, и Маркус издал низкий, вибрирующий стон, от которого у меня по позвоночнику пробежали мурашки. Моя рука спустилась ниже, к крепкой шее, широким плечам, рельефу груди и твердым кубикам пресса, замирая у самого края...

Мне вспомнились мои сны, те, где я, будучи рабыней, властвовала над ним. Теперь, когда он был готов отдать мне всё, я хотела этой власти. Хотела почувствовать его полное, добровольное подчинение моей страсти.

Наш Резонанс замкнулся окончательно. Я чувствовала его желание, его страх за меня, его обожание — всё это смешивалось в коктейль, который был лучше любого наркотика. Волна дикой, первобытной жажды захлестнула меня. Я резко перекинула ногу, оседлав его бёдра и теперь, в ярком свете ламп, полностью представляя ему себя.

Я смотрела на то, как контрастируют наши тела. Моя темная кожа и его светлая, почти алебастровая... Но это не выглядело чужеродно. Напротив, это смотрелось до пугающего гармонично, словно мы были двумя частями сложного пазла, созданными друг для друга. Я кожей ощущала его жаркий, тяжелый взгляд, который буквально ласкал каждый изгиб моего тела. А затем его руки проследили тот же путь, повторяя контуры моих бедер и талии, оглаживая молочные узоры моих пятен. Моих звезд, как он любил их называть.

Мои волосы рассыпались по его плечам, а в моих глазах, я была уверена, сейчас горел первобытный, хищный огонь темной магии.

Маркус судорожно выдохнул, его ладони сжались на моей талии, притягивая меня вниз, к своему жару. Мы были готовы к новому вихрю, который обещал быть еще более неистовым...

И в этот самый момент, когда наши губы почти встретились, я почувствовала резкий, ледяной сквозняк. Это не был ветер из окна. Это был холод чужой, запредельной магии.

Прямо за моей спиной воздух начал сгущаться, закручиваясь в темно-золотую, искрящуюся воронку. Пространство жалобно застонало, искажаясь. Маркус мгновенно изменился в лице. Его глаза расширились, он попытался перекатить нас, закрывая меня собой, но портал уже выплюнул своего гостя.

Из темно-золотого вихря, пошатываясь и спотыкаясь о подол роскошного плаща, шагнул эйр.

Это был принц Адриан. Будущий Император Светлых.

Он был пьян. Удивительно, постыдно пьян для наследника престола. Его золотой камзол был расстегнут, волосы растрепаны, а в руке он всё еще сжимал наполовину пустую бутылку с дорогим вином.

Адриан окинул комнату мутным взглядом, сфокусировавшись на нас. В комнате повисла мертвая тишина, нарушаемая только его тяжелым дыханием. Он замер, глядя на нас

— на обнаженного Герцога Астера и его Личную Тень, восседающую на нем, и задыхающуюся от страсти.

Принц хмыкнул, тяжело опираясь на спинку кресла.

— Маркус, друг мой... — его голос прозвучал на удивление чётко, несмотря на заплетающийся язык. — Я пришел к тебе пожаловаться. Весь вечер... весь этот проклятый вечер я искал Её. Свою нареченную. Ту, что... отмечена. А тут...

Он сделал глоток прямо из горлышка и вдруг уставился на меня. Его мутные глаза сузились, а бутылка выпала из руки, с глухим стуком покотившись по ковру.

Адриан сделал неверный шаг вперед, вглядываясь в мою спину и плечи. Его лицо, только что выражавшее лишь пьяную тоску, вдруг исказилось от шока и.... ярости.

— А ты, гляжу, уже нашел ее и..., — прошептал он, и в его голосе проступила ледяная трезвость будущего монарха. — Пока я сходил с ума, ты... ты прятал её здесь. Маркус!

Он указал дрожащим пальцем на молочно-белые узоры на моей обнаженной спине, которую Маркус пытался прикрыть простыней. Та безнадежно застряла где-то под его бедром. Со стороны это наверняка смотрелось комично, и я бы рассмеелась над абсурдностью ситуации, но Адриана качнуло. Туман в его глазах рассеивался, уступая место опасной, лихорадочной мании. Он сделал еще шаг, и в свете магических ламп его лицо стало казаться маской безумца.

— Так это и есть твой подарок, мой друг? — прохрипел он, кривя губы в подобии улыбки. — Все же сегодня мой

день рождения, и я...

Он начал стаскивать с себя расшитый золотом камзол, путаясь в рукавах и едва не падая. Он действовал так уверенно и обыденно, будто наше положение было лишь досадной помехой на пути к его законной собственности. Его взгляд опустился ниже, к застёжкам штанов, он возился с ними, дыша тяжело и прерывисто, совершенно не замечая, как Маркус, наконец высвободив простыню, завернул меня в неё. Рывком поднявшись и натянув невесть откуда взявшиеся штаны, Маркус преградил путь принцу.

— Адриан, остановись. Это совсем не то, что ты подумал... — голос Маркуса вибрировал от едва сдерживаемого желания свернуть будущему Императору шею.

— О, я как раз думаю правильно, — Адриан наконец справился с пуговицами, его взгляд стал хищным. — Я должен её попробовать. Вдруг она моя? Она должна быть моя!

— Не носи чепухи! — Маркус шагнул вплотную к нему, его аура светлого аристократа развернулась, подавляя волю. — Ты бы сразу понял это, как только увидел её в моем кабинете еще тогда, в Астер-Холле. Если бы искра была, ты бы её почувствовал!

— НО Я НЕ ВИДЕЛ ЕЁ ОТМЕТКИ! — взревел Адриан, и в его голосе прорезалась истерика. — Ты обманул меня, Маркус? Зачем? Зачем ты спрятал от меня её звезды? Дай! Дай мне её попробовать!

Он отмахнулся от Маркуса, как от назойливой мухи —

движение вышло слишком резким, что тот качнулся, но все же устоял на ногах. «Видеть цель и игнорировать препятствия» — так Маркус когда-то охарактеризовал принца, и сейчас эта черта превратилась в пугающую манию. Адриан рванулся вперед, явно не отдавая отчета в своих действиях. Маркус попытался перехватить его за плечи, пытаясь воззвать к остаткам разума, но принц был словно в трансе, глухой ко всему, кроме своей цели.

Началась потасовка. Два сильнейших светлых аристократа сцепились, как площадные бойцы. В тесноте комнаты они потеряли равновесие и с грохотом рухнули на кровать, прямо рядом со мной. Матрас прогнулся под их весом.

Пользуясь секундным замешательством, я все еще завернутая в простыню, вскочила с кровати. Мои пальцы дрожали, но я с невероятной скоростью натянула платье, не заботясь о шнуровке и наплечниках. Адриан, прижатый Маркусом к матрасу, всё еще тянулся ко мне рукой.

— Она... она моя по праву! Она отмеченная! Тень Короны! — хрипел принц, брызгая слюной. — Моя Тень! Мой подарок!

Маркус, чье лицо превратилось в маску холодной, смертоносной ярости, навис над ним, придавливая его предплечьем к горлу. Он больше не пытался играть в дипломатию.

— Она не подарок, — прошипел Маркус так, что по стенам прошла магическая вибрация. — Она не твоя. И никогда не была твоей. Мы с ней одно целое, Адриан. Это факт.

Мы связаны Резонансом душ, и никто, даже ты, не в силах это изменить!

Слова упали в тишину комнаты, как тяжелые камни в колодец.

Мир вокруг замер. Адриан перестал брыкаться, его глаза округлились, отражая ледяной ужас осознания. Признание в Резонансе между светлым герцогом и темной Тенью было равносильно государственной измене, краху всех устоев Империи, пощечиной самой идее «чистоты» высшей касты.

Я оцепенела, прижимая руки к груди, чувствуя, как сапфир на моей шее вибрирует в такт эху этих слов. Мы были вдвоем в этой удушающей, почти осязаемой тишине, тяжелой, как могильная плита. Я понимала: теперь дороги назад нет. Мы сожгли все мосты, и пепел уже начал оседать на наших плечах.

— Одно целое... — прошептал принц, и его пьяная похоть сменилась ледяным ужасом. — Ты связал себя с ней? Ты... безумец, Маркус. Ты понимаешь, что это значит? Это конец для твоего рода. Конец для всего, что строил твой отец.

В этот момент в дверь басовито и требовательно застучали.

— Ваша Светлость! Герцог Астер! — раздался за дверью требовательный мужской голос, — Мы обязаны войти! Активирован маяк на кольце Его Высочества — это протокол экстренной помощи! Маяк указывает, что он здесь, у вас!

Маркус выругался сквозь зубы, но не отпустил Адриана. Он перехватил руку принца и увидел, что массивный перстень с бриллиантом действительно наливается зловещим, пульсирующим светом, отбрасывая кровавые блики на измятые простыни.

— Упс... — пьяно усмехнулся Адриан, глядя на кольцо затуманенным взором. — Маяк реагирует на... ик... сильные эмоции и магические выбросы. А у нас тут был целый фейерверк, не так ли? Бруно решит, что меня убивают. Он... хороший парень. Всегда находит меня, где бы я ни... выпал из реальности.

— Заткнись, Адри! — Маркус рывком поднялся, натягивая одежду и одновременно швыряя принцу его камзол. — Как ты вообще смог воспользоваться порталом? Вся столица закрыта щитами!

Адриан перевернулся на спину и развалился на кровати «звездой», доставая из-за пазухи витиеватый золотой амулет. Вещь выглядела древней и баснословно дорогой.

— Плюсы императорской крови, Маркус. Личный ключ.

— Проклятые артефакты... — покачал головой Маркус, переводя взгляд на меня. — За дверью Бруно, начальник личной стражи Адриана. Нужно посмешишь.

Я лихорадочно поправляла платье. Шелк скользил по вспотевшей коже, руки не слушались. Адриан на кровати вдруг обмяк и глупо, пьяно хихикнул.

— Слышишь, Маркус? Мои рыцари пришли спасти меня

от... твоей любви.

— Заткнись, — застегивал последние пуговицы на своей одежде, лихорадочно осматривая комнату, вновь поднял камзол принца и бросил его к нему, но тот словно и не думал шевелиться. — Одевайся. Живо! Если они увидят тебя в таком виде, завтра Регент выпотрошит нас обоих.

Я в панике обернулась к Адриану. Тот развалился на измятых простынях, которые всё еще хранили жар нашего с Маркусом безумства. Его брошенным герцогом камзол валялся рядом на кровати, а сам принц пытался сфокусировать взгляд на люстре.

— Не вижу ничего такого. Бруно видел и не такое... тебе нужно лишь выйти, Маркус. А мы с моей Тенью....

— Она не твоя! — зарычал Маркус, слегка удивляя меня силой своих эмоций, которые он всегда держал в стальной узде.

— Я лишь предложил, — захихикал Адриан, но услышав рычание, поднял руки вверх в жесте шутливой сдачи. Его ладони бессильно упали на кровать. Смотрелось это комично, и я бы, возможно, рассмеялась, если бы не чувствовала, как петля вокруг нас затягивается с каждой секундой.

Маркус бросился ко мне, на ходу поправляя собственный мундир. Его лицо было бледным.

— Бруно предан ему как пес. Если он заподозрит неладное, он вынесет эту дверь вместе с петлями, и магический замок не спасет. Одевайся, Адри! Если они увидят тебя в та-

ком виде, завтра об этом будут знать все, вплоть до кухарок в Тенебрисе.

Я лихорадочно поправляла шелк платья, который лип к вспотевшей коже. Руки не слушались. Адриан, приподнявшись на локтях, наблюдал за нами с пугающим любопытством.

— А что такого? — криво усмехнулся он. — Я могу сказать, что просто поддался притяжению темных. Твоя Тень весьма привлекательна. Никто не осудит принца за интрижку. Да брось, Маркус, этой ночью и светлые, и темные пользуются тем, что не могут друг от друга иметь детей. Это просто физиология. Никаких наследников, никаких обязательств. Чистое удовольствие.

Я как могла пыталась привести свои волосы в порядок, руки всё еще подвели, но последние слова Адриана ввели меня в настоящий ступор. Я замерла, и мир вокруг словно схлопнулся до этой единственной фразы. Я посмотрела на Маркуса вопросительно, ожидая, что он назовет это пьяным бредом.

— Маркус... он сказал правду? — мой голос прозвучал чуждо и надломлено. — Светлые и темные... это правда невозможно?

Не то чтобы я прямо сейчас мечтала о карапузах. Когда он признавался в чувствах, я не видела себя в белом платье, а после с огромным животом на диване. Но всё же... Я невольно опустила руку на низ живота, где всё еще ощущала отго-

лоски нашей страсти и тепла.

Там, внутри, еще жил его след. В те мгновения, когда он был во мне, когда я чувствовала его обжигающее... я меньше всего на свете думала о вероятности зачатия. Мы просто сгорали. Но знать теперь, что это в принципе невозможно... Это не просто обескураживало. Это ощущалось так, будто у нашей истории, которая только что обрела душу, заранее отсекли будущее, оставив нам только украденные ночи.

Я смотрела, как Маркус замер. В его глазах я увидела страх. Он боялся, что эта новость разрушит всё, что произошло между нами. Что сухая правда Империи окажется сильнее того Резонанса, который всё еще заставлял наши души вибрировать в унисон.

— Тори, это... официальная доктрина. Магическая несовместимость, — выдавил он, не смея подойти ближе. — Но сейчас это не важно! Ты — Отмеченная. Если Бруно увидит твои звезды, он не сможет промолчать даже из верности принцу.

В дверь снова ударили, так что задрожали петли.

— Капитан Бруно! — крикнул Маркус, придавая голосу тон пьяного раздражения. — Еще один удар, и я лично позабочусь о вашем разжаловании! Дайте нам две минуты привести себя в подобающий вид!

— Одна минута, Ваша Светлость! — отрезал капитан. — Или я вызываю инквизиторов.

— Маркус, где мой маскирующий браслет? — мой голос

дрожал. Я оглядывала комнату, пытаюсь найти тот тяжелый металлический обод. — Он упал где-то здесь! Я не могу показаться им так!

Маркус бросился к кровати, лихорадочно шаря руками по ковру, откидывая в стороны смятые простыни и подушки. Но среди хаоса разбросанной одежды браслета нигде не было. словно сам рок решил, что этой ночью маски должны быть сброшены. Без артефакта мои звезды пульсировали холодным серебром, пробиваясь даже сквозь тонкую ткань платья, превращая меня в живой маяк.

— Звезды... Мы не найдем его вовремя! — Маркус метнулся ко мне, его ладони на мгновение сжали мои руки, покрытые молочными узорами, будто он пытался передать мне всю свою силу. — Скрыть это невозможно. Любимая, доверься мне. Гобелен в гардеробной — там тайный проход. Он ведет к библиотеке магистра Элиаса. Он единственный, кому я верю. Скажи ему, что ты моя. Он поймет... он поможет...

— А как же ты? И Адриан? — я коснулась его щеки, чувствуя, как моя магия пульсирует, жадно напитываясь его тревогой. Мои пальцы дрожали, но в этот миг я боялась за него больше, чем за себя.

— Я разберусь. Адриан подтвердит, что мы просто перебрали с вином. Главное — не показывайся никому на глаза, кроме магистра. Я найду тебя, как только этот хаос утихнет, — он на мгновение замер, вглядываясь в моё лицо с мучи-

тельным сомнением, словно не хотел отпускать в темноту. — А лучше никуда не ходи, жди меня там, за стеной. Я со всем разберусь. Даю слово, моя Эйя.

Он рванул тяжелую ткань гобелена, открывая темную нишу. Я в последний раз взглянула на него — растрепанного, решительного, готового лгать всей Империи ради меня.

Я не успела ничего ответить. Мир сузился до размеров темного лаза. Я нырнула за тяжелую ткань, нащупала холодный рычаг и провалилась в сырой, пахнущий плесенью мрак узкого тоннеля. Снаружи послышался скрежет ключа. Я шагнула в сырую пустоту тоннеля, и холодный камень поглотил меня за секунду до того, как дверь распахнулась.

Холод камня мгновенно просочился сквозь тонкую подошву моих туфель... вернее одной туфли? Я стояла, затаив дыхание и прижавшись спиной к шершавой стене тоннеля. С той стороны гобелена послышался грохот — дверь спальни наконец поддалась.

— Ваша Светлость! — голос капитана Бруно гремел, как удары молота. — Принц Адриан!

Я слышала шарканье подошв по ковру, звон доспехов и властный, обманчиво спокойный голос Маркуса:

— Капитан, Вы нарушаете границы дозволенного. Принц как видите, в порядке.

— Мои извинения, герцог, но протокол... — Бруно замолчал. Я почти физически почувствовала, как он сканирует комнату взглядом. — Здесь пахнет магией темных.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилося с утроенной силой, отдаваясь пульсацией в висках. Я попыталась сдвинуться с места, но, поскольку на мне оставалась лишь одна туфля, потеряла равновесие и оступилась. Каблук с глухим стуком ударился о камень.

Я вся сжалась, отчаянно надеясь, что этого не было слышно. Выждав мучительную секунду, я медленно потянулась вниз, стянула туфлю и крепко прижала ее к груди. Свободной ладонью я лихорадочно вцепилась в ключицу, пытаясь буквально кожей и пальцами закрыть предательский, пульсирующий свет звезд, который неумолимо пробивался сквозь ткань платья, превращая меня в живой маяк.

— Моя Тень была здесь минуту назад, — холодно ответил Маркус. — Я отослал её. У Вас есть ко мне еще вопросы, или Вы позволите мне привести в порядок наследника престола?

Я застыла в темноте, едва дыша. Сквозь толщу стены доносилось тяжелое, размеренное дыхание Бруно. Маркус лгал так уверенно, что я почти сама в это поверила, но холодный пот струился по спине.

«Жди меня там, за стеной», — просил он.

Но если Маркус не смог их обмануть? Если они решат обыскать каждый дюйм этого крыла? Оставаться в этой нише было равносильно самоубийству. Я представила, как они откидывают гобелен и находят меня, вжавшуюся в стену, светящуюся от собственных звезд. Мысль о том, что Маркус будет вынужден оправдываться за меня перед принцем и стра-

жей, была невыносимее любого страха.

Паника — плохой советчик, но инстинкт самосохранения, отточенный годами выживания, перекрыл все доводы разума. Маркус просил ждать, но я не могла рисковать его репутацией, а главное своей жизнью.

Я бросила туфлю, развернулась и, осторожно ощупывая холодный камень, двинулась по узкому лазу. Тоннель пах пылью, мхом и чем-то металлическим.

«Библиотека магистра Элиаса», — повторяла я про себя, как мантру. — «Найди Элиаса».

Тоннель петлял. В какой-то момент пол под ногами стал уходить вниз. Я нащупала перила винтовой лестницы — такой крутой и узкой, что голова пошла кругом. Спускаясь, я всё еще чувствовала Маркуса через Резонанс. Его ярость утихла, сменившись ледяным контролем, но где-то в глубине его сознания пульсировал страх за меня. И этот страх заставлял мои звезды сиять еще ярче. Перед собой я нащупала, кажется дверь и, перед тем как открыть ее, заставила себя остановиться и несколько раз глубоко вздохнуть как делала всегда, чтобы успокоить себя. Это помогло, свет угасал, делая мою кожу обычной. Обычной для такой, как я.

Осторожно открыв дверь, я вышла в просторное помещение, заставленное стеллажами до самого потолка. Здесь пахло сушеной лавандой и старым пергаментом. Я оказалась на узком техническом балконе под самым потолком огромного зала. Это была не просто библиотека, а величественный ла-

биринт, где ряды стеллажей уходили в полумрак.

Затаив дыхание, я прижалась к резному парапету и посмотрела вниз. Там, в круге лимонного света от единственной лампы, стоял старик в серой мантии — судя по всему, тот самый магистр, о котором говорил Маркус. Но он был не один.

Рядом с магистром стояла лира. Даже с высоты балкона я чувствовала исходящую от неё сокрушительную мощь — холодную, плотную, как тяжелое сукно. Она казалась сотканной из самой первозданной ночи. Миниатюрная и изящная, как смертоносная статуэтка из обсидиана, она была воплощением опасности. Её кожа цвета безлунной ночи служила идеальным фоном для сложных серебряных узоров, вспыхивающих на руках и шее. Длинные волосы, подобные расплавленному серебру, были уложены в безупречную прическу, а острая обсидиановая корона, напоминающая когти ворона, довершала образ. Её профиль показался мне пугающе знакомым — каждое движение отзывалось болезненным узнаванием, словно я видела свое отражение в черной воде.

— Не томи меня, Элиас, — её голос прозвучал обманчиво мягко, но в этом бархате явственно чувствовался скрежет холодного металла. — Оставь это жрецам и скучающим дуракам. Я знаю всё о вашем пресловутом Трактате, но я не верю в него. Но я верю в жадность Регента. Он не тот эйр, который просто так, по доброте душевной, отдаст трон Адриану.

Она сделала паузу, и в её глазах, отражающих пламя лампы, мелькнуло нечто холодное, почти демоническое.

— Я чувствую это в воздухе, Элиас. Этот странный гул, этот зов... Это уже было более двадцати лет назад. Та же пульсация, то же предчувствие бури. Кто-то или что-то потревожило саму ткань мироздания. Что происходит?

Мое сердце затрепетало. Она сказала «зов»? Тот самый Зов, который... призвал меня в этот мир?

Магистр Элиас стоял перед ней, сутулясь и крепко сцепив руки за спиной. В слабом свете лампы он казался совсем крошечным и беззащитным перед этой темной фигурой.

— Ваше Величество, Вы ищете черную кошку в абсолютно темной комнате... — начал он дребезжащим голосом, но Императрица сделала стремительный шаг вперед, и тени за её спиной хищно вытянулись, превращаясь в острые клыки.

«Ваше Величество?» — мысль обожгла меня, как лед. Я похолодела, осознав, кто стоит внизу. Это обращение, исходящее от магистра, не оставляло сомнений: перед ним — Императрица Темных, Владычица Тенебриса.

— Не играй со мной в загадки, — она усмехнулась, прерывая мои мысли. — Забыл, как ярко мы развлекались в молодости, Элиас? Забыл, кто именно помог тебе добыть те самые запрещенные фолианты из глубоких подвалов Тенебриса, которыми сейчас до отказа забита твоя драгоценная библиотека? Без моей благосклонности ты бы до сих пор читал детские сказки, а не распоряжался секретными архивами

мироздания.

Элиас вздрогнул, окончательно сдаваясь.

— Хорошо. У меня есть кое-что... документ, который я обнаружил тогда, более двадцати лет назад, и поделился с Регентом... это в закрытой секции архива... Прошу, подождите здесь.

Когда магистр скрылся в тени стеллажей, я поняла: это мой единственный шанс. Императрица стояла ко мне спиной, задумчиво перебирая тонкими пальцами какой-то артефакт на столе. Если я сейчас осторожно нырну обратно в проход, я смогу вернуться к Маркусу до того, как он ринется искать меня.

Я сделала медленный, почти невесомый шаг назад. Ноги без туфель коснулись холодного камня без единого звука. Еще один шаг ... еще...

— Не люблю, когда за мной подглядывают, — её голос раздался так внезапно, что я едва не вскрикнула, задохнувшись от собственного сердца.

Она не обернулась. Она продолжала смотреть на артефакт на столе, но я почувствовала, как её внимание пригвоздило меня к месту.

— ...за исключением тех редких случаев, когда я сама это позволяю, — добавила она с легким, почти интимным смешком. — Помнится, в мои лучшие годы за моими постельными играми наблюдала половина Двора, и я находила это весьма... возбуждающим. Но сейчас не тот случай.

Холод прошил меня насквозь. Она знала, что я там. С самого начала.

Я бросилась к двери тайного хода, но стоило мне коснуться ручки двери, как чья-то ледяная рука перехватила мое запястье. Темная оказалась рядом мгновенно, а я даже не слышала шагов.

— Куда же ты, маленькая Тень? — она резко развернула меня к себе.

Я попыталась вырваться, но её хватка была как сталь. Теперь, когда она оказалась вплотную, я видела всё: хищный изгиб губ, холодную глубину серебряных глаз, в которых отражался мой собственный страх. Её взгляд ощущался физически. Он скользил по моим рукам, по четким молочным узорам на ключицах и, наконец, замер на рабском ошейнике. Её глаза, такие же серебряные, как и у меня, но полные вековой мудрости, цинизма и расчета, расширились, когда она взгляделась в рисунок моей кожи.

Императрица наклонила голову к плечу, сузив глаза, впиваясь ими в мое лицо, будто пытаясь содрать с него кожу и заглянуть в самую суть. Её голос, внезапно лишенный всякой властности, прозвучал глухо и надтреснуто:

— Эти пятна... — она коснулась моих узоров другой рукой, и я увидела, что её пальцы дрожат. — Такой узор... Нет, этого не может быть.

Она сократила расстояние между нами, вторгаясь в мое личное пространство, окружая меня запахом горького шо-

колада и миндаля. Я застыла, парализованная её аурой, когда её холодные пальцы коснулись моей щеки, приподнимая лицо к свету. Она вглядывалась в меня с такой жадностью, будто искала в моих глазах отражение самой себя.

— Тори? — выдохнула она, и в этом имени было столько нежности и почти безумной надежды, что у меня перехватило дыхание. — Витори? Это правда ты...? Ох, милостивая богиня... Это действительно ты? Моя потерянная искра? Моя маленькая звезда?

Я стояла перед ней, застыв в оцепенении. Я никогда не видела эту лиру раньше, ни во снах, ни в видениях. Но в тот момент, когда её холодные пальцы коснулись моей щеки, внутри меня что-то взорвалось. Моя темная магия, до этого момента послушно дремлющая под контролем, вдруг отозвалась на её присутствие таким мощным, первобытным гулом, что у меня потемнело в глазах. Это было не узнавание памяти. Это было узнавание крови.

Я смотрела в её лицо, пытаюсь осознать, как аналитический склад ума, привыкший к фактам и формулам, может игнорировать этот безумный, пылающий восторг, охвативший всё моё существо. Я узнавала её. Я видела в её чертах саму себя, в изгибе этих хищных губ, в глубине темных глаз. Ужас перед её статусом Владычицы Тенебриса столкнулся с необъяснимым, пугающим желанием сделать шаг навстречу.

— Кто... Вы знаете меня? — прошептала я, чувствуя, как новообретенная связь с Маркусом внутри меня отозвалась

глухим гулом, который перекрывал этот новый зов от неё. — Кем я была для вас?

Императрица на мгновенье закрыла глаза, и по её темной щеке, украшенной серебряными узорами, вопреки всей её жесткости, скатилась одинокая, тяжелая слеза.

— Я та, кто двадцать долгих лет считала тебя мертвой, — её голос дрогнул. — Я та, кто выжигала целые города в поисках твоего следа. Я твоя мать, маленькая звезда. И я наконец-то нашла тебя в этом проклятом месте.

Она взяла меня за плечи, и я почувствовала странную, мощную вибрацию, наполняющую всё мое тело. Я смотрела в её глаза, в лицо, которое странно напоминало моё собственное. То лицо, к которому я только начала привыкать с тех пор, как попала в этот мир. Мир, который сейчас окончательно перевернулся.

«Этого еще мне не хватало...» — была последняя связная мысль в моей голове, прежде чем её магия, хлынувшая в меня неудержимым потоком, перегрузила мои чувства. Сознание померкло, и мир наполнила непроглядная, теплая тьма.

Глава 12. Императрица Темных.

Маркус.

Я быстро закинул под кровать забытую туфлю Тори и судорожно расправил одеяло, стараясь скрыть влажные пятна и отпечатки наших тел. Сердце колотилось в самом горле. Тори за стеной. Она должна быть в безопасности, но Резонанс внутри меня выл, сигнализируя о её страхе, который передавался мне ледяными иглами под кожу.

— Маркус, друг мой, — Адриан попытался сесть, путаясь в рукавах камзола, который я ему всучил. — Ты такой... дерганый. Для них всё будет выглядеть так, будто мы просто праздновали конец юности. Ну, почти.

Я подошел к двери, на ходу застегивая пуговицы своего мундира и пытаюсь придать лицу выражение крайней степени аристократического раздражения.

— Капитан Бруно! — рявкнул я, не открывая засова. — Что за дерзость?! Вы прерываете конфиденциальный разговор государственной важности!

— Просим прощения, Ваша Светлость, — голос за дверью стал чуть мягче, но капитан не отступил. — Мы понимаем... обстоятельства. Но магический след портала был нестабилен. Нам нужно подтверждение, что принц в сознании. Будьте добры, откройте. Это приказ лорда-командующего личной гвардии.

Я вернулся к Адриану, который все еще боролся с камзолом.

— Черт! Минуту! — я схватил его за плечи, заставляя встретиться со мной взглядом. В его глазах все еще плавала муть дурмана, но я увидел в них проблеск осознания. — Адри, послушай. Если ты сейчас хоть, словом, обмолвишься о её звездах... если хотя бы намекнешь на неё, — я не договаривал, но Адриан вздрогнул. — Это не просто измена. Если инквизиторы узнают про её отметки, её заберут. Это смерть. Для неё. И для меня.

Принц сжал зубы, его пальцы вцепились в мои предплечья.

— Ты с ума сошел, Астер, — прошипел он, но в голосе не было осуждения, только ужас осознания. — Ты правда готов поставить на кон голову ради Тени?

— Она — мой мир, — отрезал я.

Адриан замер. Он вгляделся в мое лицо, ища ложь, но, как и с самого детства, он видел только правду. — Это... она правда твой Резонанс? — едва слышно спросил он.

Я лишь коротко кивнул. Он всё понял. Адриан тяжело выдохнул, и в этом выдохе была вся тяжесть нашего положения.

— Понял. Налоговая реформа, значит? — он горько усмехнулся, окончательно поправляя камзол. — Надеюсь, ты потом расскажешь, почему скрыл от меня самое важное.

— Потом, — пообещал я, возвращаясь к двери. — Если доживем.

Я щелкнул засовом и распахнул дверь.

На пороге стояли трое гвардейцев. Бруно, крепкий эйр со шрамом на подбородке, тут же вскинул взгляд, сканируя комнату. Я видел, как его ноздри дрогнули. Воздух в спальне был перенасыщен остатками темной магии — след от Тори был повсюду, он буквально пропитал ковры и простыни.

— Ваша Светлость, — он кивнул мне и шагнул к Адриану.
— Мой принц...

Бруно замолчал, вновь подозрительно принохиваясь. Я почувствовал, как холодная паника начинает подниматься во мне. Мне нужно было действовать незамедлительно.

— Капитан, Вы нарушаете границы дозволенного, — я подал голос, придавая ему максимально ледяной тон, стараясь перекрыть своим присутствием и волей ауру, оставленную Тори. — Принц, как видите, в порядке.

— Мои извинения, герцог, но протокол... — Бруно нахмурился, его взгляд задержался на кровати, где всё ещё ощущался магический фон. — Здесь пахнет магией темных.

В этот момент я понял, что Тори слышит нас там, за стеной. Мне нужно было отвлечь, не дав Бруно повода обыскать гардеробную.

— Моя Личная Тень была здесь минуту назад, — ответил я, глядя капитану прямо в глаза и вкладывая в каждое слово остатки своей решимости. — Я отослал её. У Вас есть ко мне еще вопросы, или Вы позволите мне привести в порядок наследника престола?

— Прошу прощения, Ваша Светлость, — он коротко кивнул мне и шагнул к Адриану. — Мой принц, Вы заставили нас понервничать. Портальный скачок в обход магического барьера столицы... это было крайне опрометчиво.

— Ерунда, Бруно! — Адриан широко улыбнулся, хотя его слегка пошатывало. — Герцог Астер... делился со мной тонкостями истинного гостеприимства. Мы просто... засиделись.

— Тогда зачем... — Бруно осекся, не закончив фразу. Он перевел взгляд на мерцающий перстень-маяк на пальце Адриана, который еще хранил остаточный магический фон, а затем внимательно осмотрел развороченную кровать и меня.

В его глазах промелькнуло понимание, смешанное с холодным осуждением. Он доверял Адриану, прикрывал его загулы годами, но присутствие принца в спальне герцога в таком виде — это было за гранью любого протокола. Капитан молча кивнул на беспорядок, и в этом жесте читались все его невысказанные мысли.

— Нам пора возвращаться, мой принц. Через два часа рассвет, — Бруно взял Адриана под локоть, практически силой поднимая его на ноги. — Герцог Астер, благодарю за... бдительность.

Я захлопнул дверь перед самым носом гвардейцев, едва последний сапог переступил порог. У меня не было времени на передышку. Как только лязг доспехов затих в коридоре, я рванулся к гобелену.

Рычаг подался с сухим щелчком. Я ожидал увидеть её в узком проходе, дрожащую, но живую.

— Тори? — позвал я, вглядываясь в пыльную пустоту. — Это я! Выходи, всё чисто.

Тишина. Лишь сквозняк дыхнул мне в лицо сыростью подземелий. Я шагнул в проход, зажег на ладони магический свет и похолодел. На полу, там, где туннель уходил дальше в темноту, одиноко лежала ее брошенная туфля.

— Глупая девчонка... — прошептал я, чувствуя, как внутри всё обрывается. — Я же просил тебя ждать!

Страх облепил меня, ледяной и удушающий. Я понял, что могу потерять её — и в этот момент что-то внутри меня окончательно сломалось, освобождая путь тому, что я так долго гнал от себя. Дело было не в Резонансе, не в долге и не в магии. Я любил её. Любил искренне, отчаянно и безапелляционно.

В тот миг, когда я признал это, мир взорвался.

Удар был такой сокрушительной, первобытной силы, что из моих легких в одно мгновение выбило весь воздух. Магия светлых Потокaв и первобытное пламя Тенебриса хлынули навстречу друг другу, завязываясь в сияющий, неразрывный узел. Я схватился за грудь, где сердце колотилось, как запертый в клетке зверь. Меня захлестнула лавина её мыслей: её горе, её усталость, её безумная, скрытая даже от самой себя любовь ко мне.

Я застыл, пораженный. Магистры лгали. Они называли

потоки мира «пустыми», но, ощущая их истинную глубину, я понял: они были заблокированы. Сила древних предков-драконов пульсировала в венах, сливаясь с её тьмой. Я наконец осознал, почему истинные пары пугают Империю. Это была мощь, способная перекраивать реальность.

Я был на пороге истины, но не успел додумать.

Резко, с болезненным хрустом, все звуки мира стихли. Словно кто-то с силой дернул невидимый канат и перерезал его раскаленным клеймом. Связь, только что пылавшая ярче солнца, захлебнулась. Тишина в сознании обрушилась оглушительным ударом — страшнее любого крика, чернее любой бездны.

— Нет! — выдохнул я, срываясь с места.

Я летел вниз по ступеням, шепча её имя, словно молитву. Резонанс в груди вибрировал натянутой до предела струной, отзываясь на каждый удар сердца. Я всё еще отчаянно цеплялся за остатки её присутствия — за липкий страх, смятение и прерывистое дыхание, бившиеся на том конце нити...

И ворвался в библиотеку магистра Элиаса, едва не сорвав тяжелую дверь с петель:

— Тори! Элиас!

Пустота. На массивном дубовом столе всё еще догорала лампа, заправленная магическим маслом, отбрасывая длинные, уродливые тени на бесконечные стеллажи. Запах сушеной лаванды и старой бумаги мешался с чем-то тяжелым, озоновым... едким запахом первородной Тьмы, от которой

сводило челюсти. В воздухе всё еще висел тонкий, едва уловимый аромат её кожи, но самой Тори здесь не было. Как не было и магистра.

Я метался между рядами книг, заглядывая в каждый угол, вернулся на балкон к двери и замер, когда под моим каблукom что-то не хрустнуло.

Медленно, боясь увидеть то, что уже подсказало мне чутье, я опустил взгляд. Прямо на полу, в тени стола, лежал её рабский ошейник. Он был растянут, словно это был не мощнейший артефакт, а обычные наручи. А рядом, рассыпанная сверкающей пылью, лежала крошка камня, который еще совсем недавно был наполнен цветом моей семьи. Камень, что должен был хранить верность Астерам, теперь был разбит в мелкое крошево. Цвет ушел из осколков, оставив лишь безжизненное, тусклое стекло.

Это было невозможно. Камень Тени нельзя разбить руками. Его нельзя «отключить» простым заклинанием. Это означало только одно: связь крови и право собственности были аннулированы магией такой мощи, перед которой моя родовая защита казалась детской игрушкой.

Я опустился на колени, сжимая в ладони острые осколки. Они до крови впились в кожу, но я не чувствовал боли. Только холод.

— Нет... — выдохнул я в пустоту библиотеки. — Только не это.

Мир, который я пытался построить вокруг неё, защищая

от отца, от инквизиторов и даже от самого принца, рассыпался так же, как этот камень. Она больше не была моей Тенью. Она исчезла, поглощенная той силой, которую я боялся больше всего на свете.

Тори.

Я при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.